детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

9/2011

Искатель, 2011 №9

Владимир Соколов, Анатолий Галкин, Леонид Пузин, Александр Юдин, Владимир Лебедев

Аннотация
ИСКАТЕЛЬ 2011. № 9
Содержание:
Владимир СОКОЛОВ. ЧЕРНИЛА РАЗДОРА 1
Анатолий ГАЛКИН. СПАСИТЕЛЬ ДЕМОКРАТИИ 3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16

17
18
19
20
21
22
23
24
24
25
26
27
28
29
30
31
Леонид ПУЗИН. МУТАНТ И ЧУДОВИЩЕ
Александр ЮДИН. КОСМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО
Владимир ЛЕБЕДЕВ
КУДА ИСЧЕЗ ПАВЛИНИЙ ТРОН?
ЗВЕЗДНЫЕ ВОИНЫ ШАМБАЛЫ
INFO

Аннотация

«ИСКАТЕЛЬ» — советский и российский литературный альманах. Издаётся с 1961 года. Публикует фантастические, приключенческие, детективные, военно-патриотические произведения, научно-популярные очерки и статьи. В 1961–1996 годах — литературное приложение к журналу «Вокруг света», с 1996 года — независимое издание.

В 1961–1996 годах выходил шесть раз в год, в 1997–2002 годах — ежемесячно.

ИСКАТЕЛЬ 2011
№ 9

(392)
2011

*

© «Искательпресс», 2011

Содержание:

Владимир СОКОЛОВ
ЧЕРНИЛА РАЗДОРА
повесть

Анатолий ГАЛКИН
СПАСИТЕЛЬ ДЕМОКРАТИИ
повесть

Леонид ПУЗИН
МУТАНТ И ЧУДОВИЩЕ
рассказ

Александр ЮДИН
КОСМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО
рассказ

Владимир ЛЕБЕДЕВ
КУДА ИСЧЕЗ ПАВЛИНИЙ ТРОН?
историческое расследование

ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ ШАМБАЛЫ
историческое расследование

Владимир СОКОЛОВ
ЧЕРНИЛА РАЗДОРА

Владимир СОКОЛОВ

ЧЕРНИЛА РАЗДОРА

В кабинете начальника медицинского вытрезвителя, которым руководил капитан милиции Трегубов Виктор Иванович, жил молодой пес по кличке Вертухай. Какой породы он был — об этом никто не знал, но, по всей видимости, помесь дворового пса и охотничьей легавой. От матери сыну достались длинные уши и продолговатое коричневое тело, а от отца тупая морда и длинный лохматый хвост.

Вертухай был глуповатым и безалаберным животным, к тому же очень ленив — до такой степени, что сам лодырь ему и в подметки не годился. Если бы в кабинете росло дерево, то Вертухай гулять на улицу не выходил бы, а справлял бы собачью нужду прямо в помещении.

Целыми днями лентяй валялся на дерматиновом диване, стоявшем у стены. Диван был старый, кожзаменитель на нем шелушился и весь потрескался. Из него уже в двух местах вылезли пружины, войлок и мешковина. Диван Трегубову подарил прокурор района Спицын Михаил Юрьевич, который хотел выкинуть эту рухлядь на свалку, но в это время открыли медицинский вытрезвитель, где с мебелью было туго. Трегубов как-то увидел диван и попросил прокурора отдать ему старую вещь в порядке

шефской помощи. Михаил Юрьевич подумал: «Чем добру пропадать и на свалку выбрасывать, пусть капитан забирает».

Трегубов подобрал метиса на улице, когда тот, будучи бездомным щенком, мок у канавы под дождем. Виктор Иванович принес бродягу домой, чем доставил неописуемую радость десятилетнему сыну Коле. Жена Таня, наоборот, никакой радости по поводу появления в квартире четвероногого друга не выказала. Сынишка назвал песика Вертихвостом, потому что тот любил играть со своим длинным хвостом и старался ухватить его зубами, юлой кружась по комнате. Щенок прожил в семействе Трегубовых полгода. Когда Вертихвост подрос, он оказался на редкость очень нахальной, вороватой и хулиганистой собакой.

Однажды он стащил на кухне и сожрал полсковороды жареных телячьих котлет, а вдобавок погрыз край шифоньера. Жена на первый раз промолчала и ничего не сказала. В следующий раз собаку вовремя не вывели на выгул, а она же не человек, терпеть не стала и надула лужу в коридоре, проявив при этом свое собачье благородство, оправившись лишь по-маленькому. Тамара высказала свое возмущение ворчанием,

когда вытирала в прихожей мокрый пол, и вгорячах ударила виновника влажной тряпкой.

Вертухай не мог забыть такую выходку хозяйки и однажды в отместку в клочья изорвал новое шелковое платье Татьяны, которое она выгладила перед походом в театр и повесила на стул.

Эта дикая выходка животного переполнила чашу терпения женщины, простить пса она уже не смогла и устроила мужу истерику:

— В чем я в театр пойду?! Выбирай! Или я, или собака! Это не Вертихвост, а самый настоящий Вертухай! Завтра же чтобы и духу его в доме не было!

— А куда я его дену? — озабоченно спросил Виктор Иванович.

— Мама! Мама! Не выгоняй Вертихвостика! Пожалуйста, — запричитал навзрыд Коля.

Но мать оказалась непреклонной.

— Куда хочешь, туда и девай. Хоть к себе на работу забери. Но чтобы я этого вохровца в доме больше не видела. А ты, сынок, успокойся. Я тебе вместо этого хулигана кошечку принесу.

— Не хочу кошечку! Хочу собаку! — завопил подросток.

— Я сказала — нет! Прекратить капризы!

На этом разговоры были закончены. Непутевый

пес перекочевал из уютного жилья в казенный кабинет своего хозяина и вдобавок стал не Вертихвостом, а Вертухаем. Новая кличка Виктору Ивановичу почему-то понравилась больше прежней.

Пес поселился в кабинете начальника «профилактория» для алкашей. В рабочее время Вертухай протирал диван, валялся на нем, словно на лужайке, зубами вытаскивал из дыр войлок, а по ночам лежал на крыльце у входных дверей медицинского учреждения и делал вид, что несет караульную службу. На самом деле пес дремал и мечтал о сахарной косточке и об овчарке Динке, которая его и близко к себе не подпускала, считая сближение с Вертухаем ниже своего достоинства. Динка жила в будке во дворе РОВД и считалась служебно-розыскной собакой.

Всю ночь милиционеры проводили мимо пса под руки нетрезвых посетителей, и каждый пьяница норовил пнуть ногой мирно лежащую собаку. Вертухай на посетителей за это не обижался, вставал и, поджав хвост, отходил в сторону. Он даже не лаял на дебоширов, понимая, что они накачались спиртным до такой степени, что не соображают, что делают. Только думал: «Почему люди такие злые? Особенно пьяные. Что

я им плохого сделал? Завтра протрезвеют и будут совсем другие!» Но однажды один лысый мужик в телогрейке больно ударил Вертухая в бок ногой в кирзовом сапоге. Пес жалобно заскулил и цапнул обидчика за ляжку. Но тот был пьян в стельку настолько, что даже не почувствовал боли. Наутро клиенты, помятые, с трясущимися конечностями, выходили из помещения, но доброта и благодушие буром перли из них наружу. Они гладили Вертухая по голове, чесали у него за ушами и говорили животному ласковые слова, совершенно не помня, что ночью пытались ударить этого доброго пса и причинить ему боль. А лысый колхозник, который ночью съездил ногой по ребрам, даже положил перед носом собаки завернутую в бумагу карамельку, оставшуюся от вчерашней закуски.

Однако Вертухай был сильно обижен на лысого, а потому конфету не взял, а демонстративно отвернул морду в сторону. А когда деревенщина хотела его погладить, клацнул зубами и зарычал, давая понять колхознику, что нанесенную обиду он не простил.

Пес почти ежедневно ходил в гости к кинологу Мише и его подопечной служебно-розыскной овчарке Динке, сменившей гнев на милость, и

доедал за ней остатки мясной пищи, которую каждый день готовил собаковод. Все кости Динка перемалывала своими мощными челюстями, а Вертухаю оставался только суп. Иногда овчарка делилась с гостем костью, с которой предварительно обгладывала мясо. Но приятель и этим был доволен, хотя голоден он не был, так как сотрудники вытрезвителя подкармливали его — кто куском хлеба, а кто и куском колбасы.

Как-то Трегубов взял Вертухая на охоту, однако собака оказалась не только бесполезной, но даже вредной в этом деле. Учуяв дичь, Вертухай, как и положено охотничьей собаке, делал стойку, напрягался и замирал, но тут же верх брали гены отца-дворняги, и пес начинал громко лаять, крутя во все стороны дурной башкой и молотя по земле хвостом-помелом. Конечно, в такой ситуации охотник не успевал вскинуть ружье, а пернатая дичь быстро улетала прочь, показывая любителю охоты и его глупой собаке только хвост. Толку от животного не было никакого, но и выгонять его на улицу было жалко.

Однажды теплым майским днем Виктор Иванович надел выглаженную женой белую форменную рубашку и отутюженные брюки, на голову нахлобучил фуражку в белом чехле с ко-

кардой и явился на работу в отличном весеннем настроении. Зайдя в кабинет, Трегубов прошел к рабочему столу. Вертухай, как всегда, отдыхал на диване. В углу стояло почти полное ведро с фиолетовыми чернилами. Доставленных клиентов всегда раздевали до трусов. В связи с тем, что они лыка не вязали и не помнили ни своей фамилии, ни своего имени, помощник дежурного, чтобы не перепутать их поутру, малярной кистью мазал чернилами номера на голых спинах бухариков соответственно номерам мешков, в которые складывалась одежда. Кто мог до этого додуматься, сейчас сказать трудно, но такова была практика согласно инструкциям, полученным из Москвы и применяемым по всему Советскому Союзу. Начальник каждый день вечером отливал из ведра пол-литровую банку чернил и выдавал под роспись дежурному.

Вертухаю надоело спокойно лежать на диване, и он начал зубами выдирать из него клочья войлока, чихая и вертя головой из стороны в сторону.

— Прекрати, поганец! И так уже весь диван изодрал! — возмутился начальник вытрезвителя и для убедительности запустил в шалуна форменной фуражкой, которая спикировала прямо

на голову собаки.

Вертухай повыпендривался на диване в головном уборе, а когда фуражка слетела, спрыгнул на пол и стал гоняться за своим хвостом, пытаясь цапнуть его зубами. Однако хвост, не давая себя укусить, убегал прочь, и Вертухай завертелся юлой по кабинету, подпрыгивал и по какой-то невероятной траектории переместился в угол и плюхнулся в ведро с чернилами. Оно опрокинулось, и красящая жидкость залила полы в кабинете.

Сам Вертухай мокрый, как суслик, вылез из ведра, а Виктор Иванович недоуменно смотрел на происходящее, не зная, что предпринять. Потом он нагнулся, чтобы поднять опрокинутое собакой ведро. Вертухай в это время судорожно дернулся всем телом, как это всегда делают мокрые собаки, стряхивая с себя воду. Веер фиолетовых брызг окатил Виктора Ивановича с ног до головы, запачкав и новые брюки, и белую рубашку, и лицо.

Начальник вытрезвителя стал отмахиваться руками, словно его атаковал рой пчел, и раскрывал рот, как выброшенная на берег зубатая щука. А Вертухай как ни в чем не бывало, поскуливая, запрыгнул на диван и стал ждать дальнейших действий хозяина. По лицу начальника расте-

кались фиолетовые разводы, белая рубашка превратилась в половую тряпку, а чернила попали в глаза, уши и нос.

Неожиданно двери кабинета открылись, и вошел дежурный вытрезвителя старший лейтенант Пахомов Игорь с пустой банкой в руке.

Увидев своего начальника в столь неприглядном виде и оглядев залитый чернилами пол, Пахомов от неожиданности удивленно оторопел и тихо спросил:

— Виктор Иванович. Что случилось?

— Не видишь, что ли?! — заорал на подчиненного совершенно обескураженный начальник. — Вон обалдуй лагерный на диване лежит! В ведро сдуру сиганул, опрокинул его, все чернила разлил и меня всего замарал.

— Боже мой! Какой кошмар! Так идите в душ, помойтесь, грязную одежду снимите, а я уборщицу позову. Пусть полы помоет.

— А во что я переоденусь? Что, мне теперь голышом ходить, как наши алкаши? Не забудь мне номер на спине нарисовать! Ты что стоишь и пустой банкой трясешь?

— Так за чернилами пришел. Кончились. А там двоих пьяных доставили.

— Какие чернила?! Мать твою!.. Не видишь

— все вылились!

— А чем мне алкашей метить?

— Не сообразишь, что делать? Снять штаны и бегать! В приемной за дверьми банка с зеленой краской стоит. Вот и мажь ею своих бухариков.

— А как они потом отмываться будут от краски?

— Это их забота. Да масляная краска легче, чем чернила, смывается. Тряпку в олифе намочить, потереть — и как с гуся вода!

— А где же они олифу возьмут?

— Денатурат и политуру пьют? Достают где-то? Там и олифу возьмут. Я пошел в душ, и этого раздолбая ушастого тоже отмыть надо. Пошли, Вертухай! А ты, Пахомов, штаны и рубашку мне раздобудь.

— А где же я одежду возьму?

— Что ты такой несообразительный, Пахомов? Позаимствуй у какого-нибудь спящего алкаша наряд поприличней. Я потом домой схожу, переоденусь и одежду назад принесу.

Трегубов воспользовался благами цивилизации — в медицинском вытрезвителе был предусмотрен душ. Капитан смыл чернила с лица, рук и головы и заодно с мылом «постирал» собаку, посетовав на то, что не оказалось горячей

воды. Насухо вытерев полотенцем себя, а потом лохматого друга, начальник стал с нетерпением дожидаться одежду.

Долго ждать не пришлось. Пахомов притащил брюки и рубашку одного из клиентов. Одежда была явно на два размера меньше той, которую носил Виктор Иванович, однако разбираться было некогда, и начальник облачился в принесенный костюм. Затем он прошел в свой кабинет, чтобы отдать распоряжения подчиненным и ехать домой. Но в вытрезвитель неожиданно нагрянул начальник районного отдела милиции, фронтовик, подполковник Круглов Семен Семенович, которому какой-то недоброжелатель капнул о происшествии в медицинском вытрезвителе.

— Здравствуй, Виктор Иванович. Как дела? — без обиняков спросил шеф.

— Здравия желаю, товарищ подполковник! — вытянувшись в струнку, отчеканил капитан.

При этом рубашка на животе натянулась и затрещала, гульфик на брюках расстегнулся, явно короткие штаны еще больше задрались кверху выше носков, оголив ноги.

— Что случилось, капитан? Что за вид? Ты на кого похож? На пугало ты похож! Ты начальник

или чучело огородное? Что произошло, я спрашиваю?!

— Ничего, товарищ подполковник. Вот форму постирал, в гражданское переоделся, — пытался вывернуться Трегубов, не догадываясь о том, что Круглову уже все известно.

— Не крути, капитан! Мне доложили, что ты собак в ведре с чернилами купаешь. Почему сам мокрый? Почему пес мокрый? — сурово допытывался шеф.

— Так получилось, Семен Семенович! Вертухай нечаянно ведро с чернилами опрокинул и меня забрызгал, — доходчиво объяснил подчиненный.

— А почему собаку в кабинете держишь? У тебя здесь служебное помещение или псарня Троекурова? Ишь, разлегся, как барин! — бросил в сторону виновника происшествия начальник.

Вертухай вначале хотел гавкнуть на подполковника, но потом передумал. «Нельзя на начальство лаять и рычать! Это начальство имеет право лаяться на подчиненных. А потом этот руководитель настроен ко мне недружелюбно и в миг попрет не только из кабинета, а и вообще из учреждения. А на помойки идти мне не резон. Лучше промолчу. Может, еще пронесет?»

— Да это он случайно зашел. А так собака боль-

ше во дворе бегает — караулит, — заступился за лохматого друга хозяин кабинета.

— Я вижу, как она караулит. Немедленно удали пса из кабинета! Пошел вон, Трезор! Или как там тебя?! — крикнул фронтовик.

Вертухай нехотя спрыгнул с дивана и выбежал из кабинета на улицу.

— Виктор Иванович. А что это у тебя в приемной какая-то гильотина стоит? — немного поостыв, уже вкрадчивым голосом спросил начальник.

— Какая гильотина? Ах да, это ростомер. Рост у клиентов меряем.

— А на хрена у них рост мерить? Чтобы гробы по размеру заказывать? — черным юмором пошутил Семен Семенович.

— Так положено. По инструкции. У нас же медицинское учреждение, — парировал капитан.

— А почему железный этот, как его... ростомер, а не деревянный? В поликлиниках ведь деревянные?

— Потому что завод железобетонных изделий в порядке шефской помощи дал, а у них только металлические делают.

— Так закажи на мебельной фабрике деревянный, а этот сдай в металлолом. Понял? Ну, ростомер еще понять можно. Рост — особая при-

мета, а среди клиентов попадаются и те, что находятся во всесоюзном розыске. А на кой хрен у тебя в приемном отделении напольные гиревые весы стоят, весь проход загородили.

— Это моя инициатива. Я подумал, раз ростомер положен, то и весы не помешают. Клиентов взвешивать при выходе от нас. На всякий случай.

— Если уж так решил, так попроси на заводе медицинского оборудования медицинские весы, на которых людей взвешивают, а не мешки с картошкой.

— А кто мне их даст? Они недешево стоят. И прокуратура прищучить может.

— Мне ли тебя учить, Виктор Иванович?! Ты уже столько всякого хлама натаскал, что девать некуда. Не прищучили же до сих пор? Я краем уха слышал, что директор завода любит выпить. Пригласи его в ресторан, напои как следует, а когда он будет идти домой, твои ребята окажут ему услуги медвытрезвителя. Наутро он тебе десять весов привезет, чтобы ты только на работу не сообщил. Он ведь член бюро райкома. Если дать ход делу, то его не только из бюро попрут, но и из партии, а заодно и с работы выгонят. А свой агрегат отвези директору. Будет равноценный бартер. Ты — мне, я — тебе, как говорится.

Никакая прокуратура не подкопается, — учил уму разуму Семен Семенович менее опытного сотрудника правоохранительных органов.

— А зачем директору завода медицинского оборудования напольные весы?

— Найдет применение. Не бойся. На то он и директор. Капусту и свинячьи туши в заводской столовой взвешивать будет. Ха-ха-ха! Пойдем, Витя! Я на машине. Домой тебя отвезу переодеться, — уже миролюбиво, сбросив отрицательную энергию, предложил шеф. — Ты же чучелом огородным не поедешь в трамвае. Милицию позорить. Тебя уже весь район в лицо знает. А Малахаю твоему бухарики пусть будку сколотят. Пусть живет!

— Вертухаю! — поправил шефа подчиненный.

— А я и говорю — Вертухаю. Как-то странно ты свою собачку назвал?

— Это не я ей такую кличку дал. Жена так назвала, когда еще чудо гороховое у меня дома жило.

— Ну, ладно, передавай привет жене, Витя. Поехали!

Трегубов не последовал предложению своего начальства и приглашать в ресторан директора завода медицинского оборудования не стал. И не потому, что ему жалко было денег, а потому

что подумалось: «Шапка-то не по Сеньке! Вряд ли директор пойдет бухать с каким-то капитаном милиции, хотя и начальником дома алкашей».

Но на другой день после разговора с шефом Виктор Иванович споткнулся о напольные весы и больно ушиб ногу. Поэтому действовать решил незамедлительно и дал задание своим гаврикам выловить директора в непотребном виде, что вскоре и было сделано. Капитан не стал стричь номенклатурного работника наголо «под Котовского» и рисовать чернилами на его спине порядковый номер, а самолично отвез члена бюро райкома домой. Наутро в приемном отделении медицинского вытрезвителя уже стояли, сверкая хромированными деталями, новенькие медицинские весы.

Перед тем как войти в свой кабинет, Виктор Иванович почесал травмированную ногу и окинул хозяйственным взглядом помещение. Войдя, с сожалением посмотрел на пустое цинковое ведро, окрашенное внутри в фиолетовый цвет. Вспомнил, кстати, что вчера израсходовали на спины посетителей последнюю банку масляной краски, тяжело вздохнул и позвонил начальнику райотдела Круглову.

— Здравия желаю, товарищ подполковник! У

меня чернила кончились. Нечем номера писать.

— Я же тебе, Виктор Иванович, на той неделе ведро чернил выдал. Вы что там, пьете их, что ли?

— Так следователи приходили. Я им двухлитровую банку отлил...

— А на хрена следователям столько чернил?

— Так пишут много! Авторучки не успевают заправлять. Секретарь Зоя прибегала, так и ей пол-литровую бутылочку налил.

— А ей-то зачем?

— Подушечку для печатей и штампиков смачивает. По разнарядке только вытрезвителю чернила положены. Старшина Сытин никому и не дает. Вот и бегают к нам все, кому не лень. А поэтому перерасход получается. А полведра Вертухай опрокинул — вы же в курсе?

— Да помню, помню. Он у тебя на диване сидит?

— Кто? Старшина?

— Да не старшина! Вертухай.

— Нет. Я его на улицу выгнал. Как вы приказали. Так как с чернилами?

— Пришли кого-нибудь. Подпишу накладную. Сытин выдаст. Да поэкономней чернила расходуй. Кому попало не отливай. Борзописцев этих,

следователей, в шею гони. Они уже полтонны бумаги исписали. В канцелярии шаром покати! Приказ на тебя не на чем напечатать.

— А что за приказ?

— Выговор я тебе объявил.

— За что выговор?! Семен Семенович?

— За то, что директора завода медицинского оборудования задержал. Почти трезвого. И весы вымогал. И за то, что собак в кабинете держишь!

— Так вы же сами, товарищ подполковник...

— Сами с усами! А ты головой думай, а не задним местом. Советы не все умные бывают. Я пошутил, понимаешь, а он за чистую монету... Выговор для тебя — это спасение. На бюро райкома партии требовали тебя с должности снять, но я отстоял. Вот так, мой дорогой. Работай. И чернила экономь!

Ветеран войны Круглов повесил трубку, а представитель молодого поколения Трегубов недоуменно хлопал ресницами, так до конца и не поняв, за что схлопотал выговор.

А тем временем события в одном из районов города Волгограда развивались самым непредсказуемым образом.

Второй секретарь районного комитета партии Самохвалов Валерий Иванович, тридцатилет-

ний мужчина представительной внешности, холостяк, поздно вечером возвращался из гостей домой. Был он слегка навеселе, но у знакомых выпил совсем немного: пару рюмок коньяку и два бокала сухого вина. И, видно, потому, что по жизни секретарь спиртные напитки почти не употреблял и был к ним абсолютно равнодушен, Самохвалову стало плохо, и он прислонился к забору. Нельзя сказать, что его развезло. Развозить-то было не с чего. Может быть, человек просто устал или скушал что-то лишнее. Ноги держали хорошо, из стороны в сторону не шатало. Да и с чего шатать? С двух рюмок коньяку? Петух засмеется. Просто закружилась голова и мужчина решил переждать несколько минут. Но не тут-то было!

Как раз в это время по дороге проходили работники медицинского вытрезвителя старшина милиции Кравченко Михаил Иванович и рядовой милиционер Худыбердыев Рашид.

Увидев у забора нетрезвого мужчину, блюстители порядка, недолго думая и ни слова не говоря, подхватили «пьяного» под руки и поволокли его прямехонько в медицинский вытрезвитель.

В начале 70-х годов правительство всерьез начало очередную кампанию по борьбе с пьян-

ством и алкоголизмом. Повсюду были построены медицинские вытрезвители и лечебно-трудовые профилактории с приличным штатом работников. Находились они в системе МВД. Стригли всех под одну гребенку, хватали всех подряд и тащили в вытрезвители. И того, кто валялся в канаве, и того, кто, покачиваясь, возвращался с гулянки домой. Сверху были спущены вполне официальные инструкции — всех задержанных, невзирая на личности и обстоятельства опьянения, стричь наголо, делать им успокаивающие уколы и сообщать по месту работы. Побывавший в медвытрезвителе гражданин лишался тринадцатой зарплаты, премии и отпуска в летний период. Вот в такую струю активной борьбы с пьянством и попал второй секретарь райкома партии.

Вначале он пытался объясниться с работниками милиции и разъяснить им, что произошло недоразумение:

— Позвольте, ребята! Что вы делаете? Куда меня тащите? Я — секретарь райкома!

— Сегодня уже доставили прокурора и генерала, только секретаря нам и не хватает, — заявил старшина Кравченко.

— Ищо прывызлы артыста Утесова и импыра-

тора Наполеона. А сэкрэтара ищо нэ было! — добавил милиционер Худыбердыев.

Видя, что блюстители порядка его не слышат и слышать не хотят, Самохвалов стал упираться и пытался вырваться из цепких рук парней, но получил от Рашида удар ребром ладони по шее. Партийный работник с сожалением понял, что с двумя здоровяками ему не справиться, и решил подчиниться, полагая, что на месте недоразумение прояснится и его отпустят.

На пороге медицинского вытрезвителя сидел обиженный на весь белый свет Вертухай, выдворенный с мягкого дивана на улицу. Собаку очень удивило, что новый, хорошо одетый клиент не только не попытался пнуть его ногой, но даже не сказал обычное: «Пошел вон, барбос!» Вертухай от изумления добродушно проскулил и барином вытянулся на досках.

А бдительные милиционеры доставили жертву в приемное отделение, где несли вахту дежурный старший лейтенант Пахомов Игорь, помощник без звания милиционер Василий Деревянко, похожий на гориллу верзила-санитар Охлопков Иван и смахивающая на гестаповку врач Зырина Ангелина Карловна. Все они только что выпили чай и кое-что покрепче и находились в благо-

душном настроении, располагающем к шуткам и веселью.

Самохвалов сразу же пытался втолковать дежурному, кто он такой, и то, что совсем не пьян, но старший лейтенант не хотел его слушать и накричал на строптивого задержанного:

— Много вас таких! Сейчас пойдешь туда, где и первые секретари есть, а не только вторые, где имеются и прокуроры, и даже один космонавт. Быстро снимай ремень и из карманов — все на стол!

Валерий Иванович снова стал говорить, что он не пьян, и попросил только об одном — позвонить прокурору или первому секретарю райкома, на что получил категорический отказ:

— Они уже отдыхают, зачем людей беспокоить по пустякам.

Помощник Вася неожиданно высказал сомнение:

— Что-то он на пьяного не похож. Речь внятная, и движения не заторможены.

— Что ты в этом деле понимаешь? Молодой еще, — ответил Пахомов. — От него же несет, как от пивной бочки! А пусть пройдет по половице. Посмотрим, какой он трезвый. Иди, секретарь, иди, пока ремень не снял, а то штаны спадут.

Самохвалов бодро, не качаясь, пошел прямо по половице. Но надо же такому случиться?! В самом конце пути то ли от волнения, то ли от пережитого стресса Валерий Иванович заступил за роковую черту — паз между двумя досками.

— Ну вот, не прошел! Значит, пьяный! — радостно воскликнул дежурный. — Пусть у нас переночует. А то еще, не дай бог, до дома не дойдет. Кто-нибудь ограбит, а мы виноваты будем. Да и план нам выполнять надо. Ангелина Карловна, подойдите, пожалуйста. Подтвердите, что гражданин пьян идо дома не дойдет.

Врач осмотрела пациента. Изо рта у того пахло спиртным. Естественно от волнения дрожали руки, но доктор дала этому обстоятельству свое объяснение:

— Тремор! Алкогольный абстинентный синдром: клиническая картина.

От свалившихся напастей клиент уже стал дергаться, что тоже говорило не в его пользу. И главное то, что испытуемый не прошел по доске.

— Мужчина пьян! Оставляем до вытрезвления, — вынесла приговор гестаповка с маленьким молоточком в руке, которым для убедительности стукнула жертву под коленкой ноги, которая никак на этот удар не отреагировала.

— Снимай ремень и брюки, раздевайся до трусов! — потребовал дежурный.

— Не буду! Не имеете права! Не тридцать седьмой год! Я буду жаловаться на ваш произвол! — заартачился Самохвалов, и это вышло ему боком.

— Ваня! Помоги гражданину раздеться, — приказал старший лейтенант санитару-горилле.

Верзила силой стащил с упрямца. всю одежду, оставив того лишь в одних трусах, завернул руки за спину и стал держать клиента, а врач-гестаповка, выбрав шприц побольше и иглу потолще, всадила в мягкое место секретаря болезненный укол. При этом Ангелина Карловна, выдавив в мышцу всю жидкость, покачала шприц из стороны в сторону, чтобы причинить жертве нестерпимую боль, и выдернула иголку из тела, как штепсель из розетки.

После этого Вася Деревянко принес баночку с фиолетовыми чернилами, обмакнул в них малярную кисть, которой на голой спине второго секретаря нарисовал жирный номер 17. Пока чернила просыхали, а укол еще не подействовал, Василий, по совместительству исполняющий роль парикмахера, ржавой ручной машинкой оболванил голову клиента наголо, «под Котовско-

го». На пол медицинского учреждения светлыми хлопьями уныло падали пряди волос кудрявой шевелюры комиссара.

Я не раз задавал себе вопрос, почему у нас принято унижать людей. Да так, чтобы мордой в грязь. Выжечь каленым железом, пригвоздить к позорному столбу, уничтожить как бешеную собаку — типичные выражения во все времена Советской власти. Какому идиоту пришла в голову дикая абсурдная мысль в медицинских вытрезвителях стричь людей наголо и чернилами писать на спинах номера? А ведь это было повсеместно по всему Союзу, а не только в описываемом мной вытрезвителе. Видимо, кому-то доставляло удовольствие унизить человека, чтобы показать ему, что он мерзкий червяк, вонючий мелкий клоп, тля.

Такие бездушные чиновники достойны только презрения и осуждения, ведь в вытрезвители зачастую попадали не только злостные пьяницы и алкоголики, но и вполне добропорядочные граждане, случайно перебравшие горячительных напитков в гостях или питейных заведениях и волею судьбы оказавшиеся в руках карательных органов. Но всех стригли под одну гребенку. Действовал непререкаемый постулат вождя всех

народов: «лес рубят — щепки летят». И действовало это изречение не только при жизни Иосифа, но и много позже, вплоть до наших времен.

А между тем успокоительный укол начал действовать, и Самохвалов уснул в большой комнате-палате, где кроме него отдыхало еще человек пятнадцать, блестя лысинами и отсвечивая чернильными номерами в тусклом свете единственной лампочки. Электричество экономили. Зачем алкашам лишняя лампочка? Свет только мешать будет. Пусть алкоголики спят спокойно и вытрезвляются.

Наутро все поклонники зеленого змия проснулись с помятыми лицами и прескверным настроением, которое немного поднялось оттого, что пьяницы увидели на спинах соседей намалеванные чернилами номера и ехидно посмеивались друг над другом.

Самохвалова в одних трусах позвали в комнату, где сидел дежурный, который оформлял «доставленный живой груз».

— Это кто? — спросил Пахомов. — Вася, какой номер?!

— Семнадцатый!

— Дай ему мешок под номером семнадцать — пусть одевается!

В приемном отделении царила благодушная обстановка. Дежурный персонал с похмелья не страдал, так как успел с утра пораньше «подлечиться». В левом углу рядом со столом старшего лейтенанта высился железный ростомер, под которым стояло полное ведро чернил. Их принесли вчера и не успели занести в кабинет начальника. Вплотную к «гильотине» примыкали и радовали глаз новенькие напольные медицинские весы, которые шеф дома алкоголиков на завод не вернул из принципиальных соображений: «Директор не обеднеет! Пусть спасибо скажет, что не постригли! Да еще и выговор из-за него схлопотал!» На весах, пользуясь тем, что они временно были не заняты, сидел Вертухай, который зашел с улицы погреться, а заодно посмотреть, как будут вести себя сегодняшние постояльцы. Врач Ангелина Карловна и санитар Охлопков Иван, примостившись в уголке, пили горячий чай с мятой. Они измотались за время суточного дежурства и с нетерпением ждали новую смену, чтобы уйти домой.

— Распишись, гражданин Самохвалов, в получении вещей и в том, что никаких претензий не имеешь, — предложил Пахомов Валерию Ивановичу.

— А где мой кошелек с деньгами? — спросил секретарь, который еще не успел одеться, так как Вася рылся в куче и никак не мог найти нужный мешок.

— Где пил, там и ищи!

— Расписываться не буду. А вы ответите мне за все! Нехорошо присваивать чужие деньги!

— Ты мне еще поговори! Ишь, деловой нашелся! Кошелек ему давай. Ты по пьяни потерял его!

И Пахомов огрел секретаря резиновой дубинкой по спине.

Такого наглого обращения и унижения Самохвалов вынести не мог. Он был не хилого телосложения, в юности имел разряд по боксу. В нем накопилось столько обиды и злости на этого хама в милицейской форме, что Валерий Иванович не сдержался и врезал дежурному по зубам кулаком. От сокрушительного удара тот полетел в угол и, к несчастью, угодил головой в ведро с чернилами. При этом тяжелая «гильотина» упала на него и придавила своим весом к полу, а ведро опрокинулось и чернила залили весь пол приемного отделения.

Испуганный Вертухай пулей бросился к выходу, налетел на Ангелину Карловну, которая поскользнулась на мокрых досках и шлепнулась

на пол, задрав кверху кривые ноги и завизжав поросячьим визгом.

Амбал Иван кинулся на защиту дежурного и хотел ударить буяна кулаком по голове, но тот увернулся и боксерским апперкотом нанес верзиле сокрушительный удар снизу в подбородок, отчего у того хрустнула челюсть. Туша санитара повалилась в нокдауне в сторону входных дверей. Помощник Вася оторопело стоял с мешком в руке, не зная, что предпринять: защищать товарищей или встать на сторону ни в чем не повинного клиента.

А как раз в эти минуты к дверям медицинского вытрезвителя подъехали на «Волге» начальник милиции Круглов и начальник медвытрезвителя Трегубов. Они увидели, что из помещения как ошпаренная выскочила собака, и услышали подозрительный шум и грохот.

Начальство поспешило вовнутрь и замерло от ужаса и удивления. Их глазам предстала такая картина. На полу, залитом чернилами, ящерицами ползали санитар Ваня с разбитой рожей и какая-то кикимора, похожая на врача Зырину Ангелину Карловну. Они что-то нечленораздельно кричали и загребали руками, как пловцы в плавательном бассейне. В углу под железной

штуковиной в судорогах корчился какой-то негр, похожий на дежурного Пахомова. А в углу стоял помощник Вася, похожий на придурка, и зачем-то тряс мешком с вещами под номером семнадцать.

Посередине приемного отделения в стойке боксера прыгал лысый мужчина в одних трусах и яростно махал кулаками. На спине спортсмена красовался большой яркий номер 17, из чего можно было сделать вывод, что мешок принадлежит ему. Других выводов пока сделать было невозможно.

— Что здесь происходит?! — закричал громовым голосом подполковник, как он кричал на подчиненных во время взятия Берлина.

— Что случилось? Что это все значит? — на более приглушенных тонах поинтересовался капитан, который не штурмовал не только Берлин, но даже город Будапешт.

— Вот! Вот! Нападение! Во время исполнения! — наконец выговорил дежурный, выбравшись из-под железного агрегата и показывая пальцем на боксера в семейных трусах.

Семен Семенович всмотрелся в лицо спортсмена, и челюсть у него чуть не отвалилась. Он узнал в человеке... второго секретаря райкома партии Самохвалова.

— Валерий Иванович?! Это вы?! Что вы здесь делаете? Почему в таком виде? — спросил обескураженный подполковник. — Виктор Иванович, что за бедлам в твоем заведении?! Пройдемте в кабинет! — приказал шеф, обращаясь к капитану. — Валерий Иванович! Дорогой. Простите. Оденьтесь. Что случилось?

— Спросите у своих подчиненных, — выдохнул Самохвалов, проходя в кабинет Трегубова, а потом, переодеваясь, рассказал Круглову и Трегубову о том, что произошло.

— Боже мой! Какой позор! Какой конфуз! — причитал начальник. — Распустил коллектив, понимаешь! Совсем одурели! Не видят, кого берут! Разгоню всех! Погоны посрываю! А ну зови этого деятеля сюда!

— Кого? — робко уточнил Трегубов.

— Дежурного! Пахомова! Мать его!..

В кабинет зашел старший лейтенант с мокрой головой и чернильными разводами по всему лицу. Он помыл голову, но отмыть чернила ему не удалось. Руки у дежурного тряслись, вид был растерянный.

— Он мой кошелек с деньгами присвоил! — заявил секретарь.

— Как? Не может быть! Пошли посмотрим, —

предложил Круглов.

Все прошли в приемное отделение. Круглов нервным движением выдвинул ящик стола дежурного, где лежали кошельки и пачки купюр различного достоинства.

— Вон мой! — опознал свой кошелек Валерий Иванович.

— Негодяй! Кражами занимаешься?! — закричал на Пахомова подполковник, подошел к нему и сорвал с левого плеча погон. — Положи удостоверение на стол! Пойдешь под суд. Сейчас вызову прокурора.

Старший лейтенант тяжело вздохнул и с убитым видом, нехотя, положил на стол красную книжечку.

— Пошел вон, пес смердячий! — крикнул подполковник. — Жди в дежурке. Надо бы первому секретарю позвонить, да рука не поднимается.

Однако все же Круглов трясущейся рукой взял телефонную трубку и стал набирать номер телефона райкома партии. Пальцы дрожали, тыкали не в те дырки, не докручивали диск. Наконец на другом конце провода раздался длинный гудок, а потом послушался голос хозяина:

— Бутурлин слушает!

— Анатолий Яковлевич! Это Круглов беспокоит.

Тут у нас ЧП случилось. С Валерием Ивановичем произошло несчастье...

— Что? Что такое?! Какое несчастье? Он жив?

— Жив-то жив! Да только его побрили?

— В армию забрили? Он же служил! Если мне не изменяет память, в десантных войсках.

— Да не забрили, а побрили! Точнее, остригли наголо. Он к нам случайно попал, вот его и остригли в медвытрезвителе.

— Как попал? Он что, пьяный был?

— Да не то чтобы пьяный. Нет. Слегка выпивши. Чуть-чуть.

— Так какого лешего его в вытрезвитель забрали? Вы что там, совсем рехнулись?! Вы знаете, на кого руку подняли?! На самое святое вы покусились. Народную партию! Тебе, Семен, это даром не сойдет. Готовь, мой друг, удочки.

— Зачем мне удочки?

— На пенсии рыбачить будешь. А рюкзачок я тебе подарю. Только зачем он тебе, беспартийному, рюкзак? Обойдешься холщовой сумкой. Как мне наверх прикажешь докладывать? Что я скажу секретарю обкома? Что доблестная милиция обмишурилась, перепутала хрен с пальцем и вместо алкоголика загребла второго секретаря райкома партии?!

— У него еще деньги дежурный прикарманил. Но я наглеца отдам под суд. Сейчас же звоню прокурору.

— У вас, я вижу, там не вытрезвитель, а осиное гнездо преступников. В два часа бюро — приходи докладывать. Партбилет не забудь. А Валерию Ивановичу скажи, пусть идет на работу.

— Так скоро прокурор придет. Допрашивать его будет, как потерпевшего.

— Прокурора мы самого допрашивать будем. Только на бюро. Как он соблюдает в районе социалистическую законность. Надо будет, Самохвалов даст показания... Прокурору области! Понял? Рыбак в погонах!

— Все понял, Анатолий Яковлевич!

— Вызывай комиссию из города и готовься к самому худшему. Весь твой змеевик разгоним к чертовой матери!

На этом можно было бы печальную историю закончить, но в конце все же нужно подвести некоторые итоги.

Начальника милиции подполковника Круглова Семена Семеновича действительно отправили на заслуженный отдых. В партии, правда, бюро райкома его оставило. Приняли во внимание былые заслуги фронтовика и то, что свой парт-

билет он омыл кровью в окопах на полях войны, а поэтому ограничились строгим выговором *с* занесением в личное дело. Но это наказание пенсионеру подполковнику в отставке уже было как мертвому припарка. Ранними утрами с удочками в руках и рюкзаком за спиной он уныло брел на речку. Его всегда сопровождал наполовину охотничий пес Вертухай, который с лаем носился по берегу речки, когда рыбак выуживал из воды очередного карася.

Со старым хозяином, начальником медицинского вытрезвителя Трегубовым Виктором Ивановичем, собаке пришлось расстаться, так как его разжаловали до старшего лейтенанта и отправили участковым в дальний цыганский поселок. Ходить с милиционером по чужим дворам и слушать цыганские разборки Вертухаю было неинтересно, а поэтому он предпочел им утренние зори, шум реки и ворчанье старого ветерана.

Дежурного медицинского вытрезвителя старшего лейтенанта милиции Пахомова из органов уволили за дискредитацию, а вскоре арестовали и осудили за нанесение побоев гражданам и за присвоение их кошельков к пяти годам лишения свободы.

Врача Зырину Ангелину Карловну и санитара

Ивана перевели на работу в морг. «Гестаповка» шустро вскрывала трупы, а «горилла» таскал жмуриков в морозильник, потом размораживал их, переодевал перед похоронами, получал с родственников определенную мзду и на этом неплохо зарабатывал.

Милиционеры Кравченко Михаил и Худыбердыев Рашид за свою излишнюю ретивость и непрозорливость из органов уволены не были, так как людей не хватало. Но работать в вытрезвителе им больше не доверили и перевели в пожарную часть досматривать тревожные сны, которые им снились каждую ночь после вышеописанных событий.

Штат работников медицинского вытрезвителя полностью заменили, за исключением помощника дежурного милиционера Васи, в действиях которого нарушений и злоупотреблений не усмотрели.

Вася по-прежнему добросовестно малевал чернилами номера на спинах клиентов, пока новый начальник не спросил его: «Ты зачем на горбу людей цифры мажешь?»

— А где же мазать? — добродушно спросил помощник.

— Где, где?! На заднице... У себя!

Однако последнего слова Вася не услышал, так как пулей вылетел из кабинета и понял слова шефа вполне серьезно, как руководство к действию.

На следующее утро новый начальник пришел на работу и в приемном покое увидел у стены шеренгу голых людей в одних трусах. Они стояли лицом к стене. «Что еще за представление?» — подумала «новая метла». Помощник дежурного Василий кричал крайнему: «А ну, дружбан, приспусти трусы!» Тот, немного стесняясь нового врача Вали Белоусовой, двумя руками тащил резинку трусов вниз. «Двадцать первый — очко!» — радостно кричал милиционер и вытаскивал из кучи баулов мешок под номером 21. На заднице клиента чернилами малярной кистью был выведен этот же номер, причем по одной цифре на каждой половинке мягкого места.

— Что за цирк? Кто позволил рисовать номера там, где не положено?! — возмутился новый начальник.

— Так вы же сами велели там рисовать, товарищ капитан! — оправдывался Василий.

— Заставь дурака богу молиться — он и лоб расшибет! Я же в шутку сказал. Перестань, Вася, заниматься рисованием на телах людей. Это тебе не холст и не панорама.

— А как потом мешки с вещами находить? Когда их доставляют, они ни мычат, ни телятся! Фамилии своей не помнят. Что нам теперь делать?

— А ты подумай, Вася. Как в роддоме младенцев не путают? Что им к ножкам привязывают?

— Бирки, что ли?

— Правильно, Вася! Вот и привязывай бирки с номерами нашим посетителям.

— Куда, товарищ капитан!

— Я бы тебе сказал куда, да ты точно исполнишь. Не на хрен же! На ноги привязывай!

С тех пор пьяниц больше чернилами не метили, а старшина отдал весь бидон следователям. И то больше пользы!

Второго секретаря райкома партии Самохвалова Валерия Ивановича перевели в другой район третьим секретарем. Волосы на голове у него быстро отросли, и шевелюра стала еще красивей прежней. Оказывается, стричь наголо головы взрослых так же полезно, как и маленьким детям.

Спустя много лет Самохвалов дослужился до начальника административного отдела обкома КПСС, обзавелся семьей и двумя детьми. В его подчинении оказались все силовые структуры, в

том числе и милиция с вытрезвителями. Валерий Иванович часто вспоминал тот забавный и в то же время неприятный случай, когда его забрали в медицинский вытрезвитель, остригли наголо, нарисовали на спине номер, сделали больной укол и вдобавок огрели дубинкой. Партийный работник задавал себе один и тот же вопрос: «За что?! Нельзя сказать, что я был трезвый. Но ведь и пьяным я не был. Пил я совсем мало. Ничуть не перепил». А ответ на этот вопрос был довольно банальный. Валерий Иванович в компании просто недоперепил.

Анатолий ГАЛКИН
СПАСИТЕЛЬ ДЕМОКРАТИИ

Анатолий ГАЛКИН

СПАСИТЕЛЬ ДЕМОКРАТИИ

1

В этот дачный поселок была проложена отличная дорога. Не столько даже отличная, сколько нормальная. Такая, какая должна быть везде — без ухабов и колдобин. Но только везде — с ямами и рытвинами, а в элитный коттеджный городок «Бархатная роща» можно было проехать по ровному, гладкому, широкому асфальту. Прямо как в Австрии или Нидерландах. Не дорога, а еврошоссе!

От шума тракторов и прочих комбайнов поселок оберегал плотный березовый лес. А от местных жителей спасал высокий забор. Он был не каменный, не железный, а из обычных струганых досок. Зато без явных дыр и с колючей проволокой наверху. Дачный сезон уже закончился, и площадка перед воротами была пуста. Никто не толпился у местного магазина, который располагался в доме охранника. Или это сторож жил в магазине?

Черный джип с крутым и красивым именем «Гранд Чероки» прошуршал тормозами и посигналил перед воротами. Сторож не выскочил, как из табакерки, а после минутного ожидания

вышел с гордо поднятой головой. Идя к висячему замку, он старался сохранить твердость походки. И это ему удавалось. Валера и трезвый немного хромал, а те сто пятьдесят, что он принял час назад, — так это ему как бегемоту песчинка.

Охранник хорошо знал этот «Чероки». За последний месяц он уже в третий раз приезжал сюда. И публика в машине была все та же — местный дачник с веселой фамилией Бублик, а с ним два странных мужика... Да они все трое странные! Приезжают днем, два часа сидят на даче и уезжают трезвые. И не только тот, который за рулем, а все... Столько придурков на земле!

Валера снял замок, отодвинул одну створку, открыл другую, но джип не двинулся с места. Из него выскочил Бублик и вразвалочку пошел к сторожу... Валере не очень нравился этот неуклюжий Борис Трофимович. Может быть, он был большой ученый, но выглядел клоуном — всегда лохматый и в кособоком пиджаке, который застегнут не на ту пуговицу.

— Извините, Валерий, у меня к вам огромная просьба. Я оставлю вам сотовый телефон. Пожалуйста, в ближайший час держите его при себе.

— Зачем?

— Мы исследуем прохождение радиоволн в

березовом лесу. Возможно, мы позвоним тебе...

— Все ясно, Трофимыч! Это называется — проверка связи. Когда я в армии служил, наш капитан любил связистов гонять. Но потом всех награждал... Я согласен, Трофимыч!

— Спасибо, Валерий... Мы отблагодарим.

— Само собой! Такие опыты на бутылку тянут. Даже больше!

— Не сомневайтесь, Валера. Мы вам и закуску организуем.

— Вот это, Трофимыч, лишнее... Не надо меня баловать.

Сторож взял мобильник, а Бублик смешно раскланялся и попятился к джипу... Они поехали по поселку на малой скорости — совсем рядом поворот направо, а потом еще двести метров до упора.

Дом у Бориса Бублика был каменный, но не коттедж. При постройке кирпичи оштукатурили, но зимой печку на даче топили от случая к случаю. Оттого дом обветшал и потрескался. Спасали вид высокие деревья, загородившие щели и прорехи на стенах.

Гости разместились на веранде. В середине дня здесь теплее, чем внутри кирпичного монстра.

Бублик разложил на столе черный ноутбук

размером со средний кейс. Он колдовал над ним четверть часа... Владимир Афонин все это время сидел в кресле и сурово молчал. У него был вид начальника, птицы высокого полета, которую обстоятельства временно загнали в эту дыру.

Третий участник опыта выглядел как бандитская «шестерка». Он на полусогнутых бегал по веранде, всячески подгонял Бублика и юлил перед шефом.

Когда взлохмаченный Бублик завершил работу, он взволнованно обратился к Афонину:

— Все готово, Владимир Викторович!.. Прошу вас скрытно написать два задания для сторожа. Только не надо посылать его очень далеко. Задания должны быть выполнимы здесь и сейчас.

— Понятно, Борис Трофимович... Ваши первые опыты провалились полностью и окончательно. Не очень я вам верю!

— Все получится, товарищ Афонин... Вы пишите, пишите.

Владимир Викторович запрокинул голову, выискивая на облупленном потолке хитрые задания для хромого Валеры... Потом он подсел к столу и записал на бумаге два пункта. По одной фразе на одно действие.

Мятый листок Афонин нехотя передал Бублику.

В этом жесте было и недоверие, и презрение. Я, мол, знаю, что все ученые жулики. Я знаю, что здесь меня обманывают, но еще немножко потерплю, посмотрю на этот цирк.

А Борис Трофимович был сосредоточен. Он прочел написанное и с кривой усмешкой начал лохматить кудри... Через четверть минуты он в экстазе закатил глаза, вскинул руки над клавиатурой и начал набор вслепую. Прямо как виртуоз на рояле... Прямо как Рихтер или Паганини! А в конце он стал что-то шептать в микрофон.

Эти действия потрясли и солидного Афонина, и «шестерку» Лубяко. Они оба вошли в транс и замерли, как чукчи под пляски шамана. Наконец Бублик кончил и устало произнес: «Теперь надо ждать».

Прошло две минуты... Три... Пять...

Крыльцо заскрипело, дверь веранды открылась, и на пороге появился охранник Валерий. Хромая сильнее обычного, он подошел к столу, вытащил из недр телогрейки бутылку шампанского и водрузил ее перед ноутбуком... Потом вынул из кармана три конфетки «Му-му» и положил их рядом.

— Вот принес... Решил вас порадовать!

Сторож развернулся и ушел в сумрак осеннего

сада.

Это был шок для всех! И не потому, что он что-то принес! А потому, что он принес шампанское — напиток не очень для него характерный.

Егор Лубяко мигом метнулся к записке, к заданию, которое только что сочинил Афонин. Под первым номером там значилось: «Купить в магазине конфет и шампанского. Все это принести нам»... Но там был еще и второй пункт. А он-то не был выполнен!

Шакал Табаки был «шестеркой» у Шерхана... Вот и зловредный Лубяко прыгал вокруг изобретателя и приговаривал что-то вроде «Акела промахнулся, Акела промахнулся»... Нет, понятно, что он пел другие песни: «Это пока только первая часть! Значит, прибор работает всего наполовину. Выходит, Бублик нам впаривает фуфло...»

Опять заскрипели доски крыльца. Вошел хромой охранник. Он выглядел смущенным и хлопал глазами, как рыба об лед... Валера произнес неожиданную фразу:

— Вы еще не разлили шампанское?.. Мне очень пустая бутылка нужна.

Но он и сам видел, что на емкости из зеленого стекла серебрится нетронутая фольга... Сторож

присел и заглянул под стол. Потом встал на четвереньки и пополз в угол. Затем заглянул за холодильник и под диван.

Эта странная веранда просто злила Валеру! Что это за хата, где не найти пустых бутылок?.. Он встал, схватил со стола «Полусладкое» и запустил тяжелой бутылкой в боковое окно веранды...

Это было самое крупное стекло — метр на полтора!

В центре оно разбилось сразу и зазвенело, как новогодние колокольчики... Через секунду уже на улице взорвалась сама бутылка. Здесь смешались все звуки — и хруст толстого стекла, и взрыв игристого вина, и свист летящей пробки... А в следующую минуту крупные осколки стекла, прилипшие на замазке, отрывались от рамы и со скрипом соскальзывали на мягкий деревянный пол.

Когда все закончилось, хромой Валерий развернулся и ушел.

Афонин встал, взял у Лубяко свою записку и пробежал глазами второй пункт: «Вернуться и пустой бутылкой разбить стекло»... Фантастика! Этого не может быть... Но это было!

Нервное возбуждение нарастало. У Бублика дрожали руки, у Лубяко стали ватными колени

и язык, а в голове сурового Афонина зазвучали бравурные марши. И не советские про «красную кавалерию», а белогвардейская песенка на слова А. С. Пушкина: «Как ныне сбирается вещий Олег отмстить неразумным хозарам...»

Владимир Викторович поднял ладонь правой руки, предупреждая, что сейчас скажет что-то важное. Это была не речь и не спич, а всего одна фраза: «Вы гений, Бублик». Возможно, он сказал бы еще что-нибудь, но опять заскрипело крыльцо — Валера вернулся!

— Вы не обижайтесь на меня... Я, блин, и не понял, как оно все произошло. Просто наваждение какое-то нашло... Стекло я вставлю, но это надо было додуматься — шампанское купить... Не обижайтесь.

Все вдруг сразу полюбили сторожа. Все стали его успокаивать, обнимать, протягивать деньги в русской и американской валюте.

Но вместе с тем все трое явно выпроваживали Валерия. Он был лишним на этом празднике. Его уважали и любили, но не больше, чем собаку профессора Преображенского... Сторож — подопытная морская свинка. Сделал свое дело — и больше не хрюкай!

2

Сверкающий антрацитовый «Мерседес» летел по северной окраине Южного Бутова. Вот прямо за рощей правый поворот и в тупике мощные ворота защитной окраски цвета хаки. В народе такую масть зовут серо-буро-зеленой. Короче — ворота болотного цвета!

«Мерс» спокойно стоял под взглядом телекамер... Там, за воротами, размещался особняк под названием вилла «Икар». А в нем — Служба особого назначения. Не вся, конечно, а только ее московский отдел.

Ворота не спеша распахнулись, и Сидоров въехал на чужой секретный объект. У генерала была нервозность в лице и просящий взгляд бездомной собаки. И не московской дворняги, не той, что сытно кормится у метро. Эта уже не всякую колбасу возьмет — выбирает на свой вкус!

На крыльце особняка Сидоров увидел знакомое лицо — его встречал Тимур Вершков. Это хороший признак! Тимур Аркадьевич человек душевный. Он здесь не для расправы — генерал генералу глаз не выклюет!

Сидоров знал, что сам Вершков здесь на вилле «Икар» не работает. У него кабинет за кремлев-

ской стеной. И вот оттуда он курирует эту самую виллу «Икар» и эту самую Службу особого назначения...

Сам Сидоров был начальником фирмы «Волна». По прежним временам это был очень секретный ящик. Тысяча ученых, работавших на разведку, на космос и на всякое такое... И на этой «Волне» вчера и произошло несчастье! Просто тихий ужас...

Вершков завел Сидорова в кабинет, где сидели пятеро. И среди них одна молоденькая женщина. Все мгновенно встали — а вы найдите мне офицеров, которые усидят, если входят два генерала.

Хозяин кабинета попытался доложить, но Тимур Аркадьевич его остановил:

— Мы не на параде, Петр Петрович. Все садитесь, и слушайте в три уха. Жизнь — очень сложная штука, а дело у нас срочное и важное... Представляю вам товарища Сидорова. Он хоть и генерал, но мужик нормальный. А вот на его фирме такое произошло, что всем нам может быть полный абзац! Всем — это всей стране...

На последних словах Вершков схватился за сердце и сел в кресло с лицом мученика... И сразу все забегали, засуетились.

Полковник Потемкин звонил в «Скорую по-

мощь», майор Муромцев притащил личный вентилятор, Ирочка Багрова соорудила мокрое полотенце на генеральскую грудь, а секретарша что-то капала в стакан, медленно считая капли вслух. И сразу в воздухе запахло больницей, валокордином и тревожным ожиданием.

После глотка ароматного зелья Вершкову полегчало мгновенно! Он встрепенулся и продолжил совещание.

— Не время болеть, когда страна в опасности... Так вот, господа сыщики, на фирме «Волна» произошло страшное. А возглавляет эту контору генерал Сидоров... Расскажите нам, Дмитрий Дмитриевич. Поделитесь подробностями.

— Да, я все понимаю... Наш институт огромен — более тысячи ученых. Общее направление — электроника. Но был отдел, где занимались психологией.

— Говори прямо, Дмитрий, вы воздействовали на кору мозга?

— Вы правы, Тимур Аркадьевич. И не только на кору, но и на подкорку... И не мы, а лишь один наш сотрудник по фамилии Бублик. Судя по отчетам, он создал прибор, который может управлять сознанием человека на расстоянии, через его сотовый телефон. Можно внушить ему любую

мысль, заставить делать любые действия.

После этих слов Вершков снова схватился за сердце. Чутье подсказывало ему, что прибор Бублика будет пострашнее блока НАТО.

— Постой, Дмитрий, я так понял, что эта штука может заставить человека подписать любую бумагу? Или, скажем, развестись с женой? Или раздеться до голого вида?

— Верно, Тимур Аркадьевич.

— А можно министра заставить это сделать?

— Можно.

— А заместителя Премьера?

— Запросто.

— А самого Премьера?

— Без вопросов.

— А еще выше?

— И это можно. Хоть в Москве, хоть в Сочи... Надо только знать номер его сотового телефона.

Вершков откинулся в кресле и перестал реагировать на происходящее... Если внушаем и тот, у кого ядерный чемоданчик, то под угрозой не только страна, а весь мир...

А Сидоров продолжал пояснять сыщикам детали. Вообще-то он сидел напротив майора Паши Муромцева и все рассказывал ему, как человеку, у которого самое доброе, самое располагающее

лицо:

— Так вот... Бублик — удивительный самородок! Он работал один, без инструкций и чертежей. Все держал в голове... Сам прибор похож на маленький кейс или, скорее, на большой ноутбук.

— А вы, товарищ генерал, уверены, что эта штуковина работает?

— Работает!.. И я точно знаю, что в последние две недели шли испытания прибора. Вот всего два примера... Начальник отдела полковник Пипия пишет три представления. Сам их печатает и приносит ко мне на подпись.

— На кого эти представления?

— На себя, на Бублика и на уборщицу Клаву.

— А что за представления?

— Представления на звания Героев Советского Союза! Страны давно нет, а он пишет... А через час этот Пипия заявляет, что его черт попутал — их грузинский шайтан. Говорит, что сам не знает, как оно получилось... Другой пример! На общем торжественном собрании слово взяла Эльвира Франк и начала с трибуны ругаться отборным матом.

— Но она хоть по делу ругалась?

— По какому делу, майор?.. Эльвира Генриховна раньше и слов таких не знала. Она из семьи

академика Франка! Интеллигент в шестом поколении! Умная, скромная, деликатная женщина. Или, возможно, девушка... Но теперь о главном! Вчера утром исчез Бублик вместе с его прибором... Я лично проверял квартиру, сейф, рабочее место — никаких следов. Исчез с концами... Со дня надень может такое начаться!

— Какое такое?

— Всякое!

3

Прекрасен наш мир, но нет в нем порядка... Кузькин заранее знал, что ему достанется проверка дачи Бублика. Если бы лето, ягоды и дамы в купальниках, то это доверили бы Паше Муромцеву. А когда слякоть и пустота — это ему! Как грязь месить, так Кузькин! Просто тихий ужас...

Свой голубой «Форд» Лев Львович оставил в кустах. Незачем светиться перед сторожем. Предстоит негласный обыск чужой дачи. Все это без ордера, без понятых, без экспертов — это не объяснить простому охраннику.

Коттеджи в поселке «Бархатная роща» были, но постоянно никто в них не жил. Большинство же дач — срубы деревенского типа. Избы с крыльцом, верандой и печкой... Все это строилось давно — в промежуток между Застоем и Перестройкой.

Кузькин шел вдоль ограды из толстых досок с колючкой наверху. Он фомкой простукивал доски и, как настройщик, прислушивался к звуку. Не могло так быть, чтоб все было крепко пригнано и прибито. В каждом заборе есть свои дырки!

Для таких мероприятий у Льва была специальная куртка с множеством карманов. И в каждом

было что-то нужное: где-то наручники, где-то отмычки, а где-то и простая веревочка — в хозяйстве все пригодится.

Одна из досок после удара фомкой зазвенела нотой «соль» в верхней октаве... Кузькин ударил по соседней — тут уже «ля», но так же звонко. Доски здесь свободно висят, как костяшки в ксилофоне. А это значит, что в нижней части вместо гвоздей одна фикция.

Лев заметил старую тропинку, ведущую от забора в рощу. Значит, здесь была чья-то тайная калитка... Он подцепил доски фомкой, раздвинул их и свободно вошел на территорию «Бархатной рощи».

Генерал Сидоров нарисовал для Кузькина схему поселка и приметы дачи Бублика. От забора было не так далеко, но путь проходил по боковым улочкам, где лужи, грязь и вообще — мрачный сумрак.

Из русской грязи можно делать отличный клей — она липнет ко всему. И особенно к финским туфлям, подаренным женой... Кузькин передвигался, прижимаясь к заборчикам, под которыми местами сохранилась травка.

Калитка на участок Бориса Бублика была открыта. А возле ворот виднелись довольно свежие

следы транспортного средства — возможно, крупного джипа.

На большинстве кустов еще не облетели листья. Сделав десять шагов по дорожке, Кузькин скрылся в зарослях... Возле крыльца он замер, ощущая силу своей дедукции.

Одно из окон разбито, и совсем недавно. Вместо стекла прибит картон — часть коробки от холодильника. Пять дней назад был сильный дождь, а на бумаге нет ни потеков, ни клякс. И значит, окно загородили четыре дня назад... Или три... Или сегодня.

Лев долго очищал обувь — не надо оставлять следы в чужом доме. Он уже хотел доставать отмычки, но машинально дернул за ручку — дверь и открылась...

Пришлось вытащить ствол и боком, постоянно озираясь во все стороны, пробраться на веранду. Там было пусто, мрачно и сыро. Неплохо бы проветрить... И Лев оставил дверь открытой.

Можно было осмотреть дом, но Кузькин любил работать последовательно — сначала обыск веранды, а потом всего остального.

В центре стоял массивный стол, на котором лежали три конфетки «Му-му».

Никакой другой еды не было! И холодильник

был пуст. И подвесной шкафчик пуст. А именно в нем обычно хранят крупу, сахар, соль, спички... Над мойкой системы «Мойдодыр» обнаружился сервиз на три персоны — три чашки, три глубокие тарелки, три столовые ложки... В ящике кухонного стола нашлись штопор и пачка с лавровым листом... Рядом с креслом — смятый лист бумаги.

Кузькин развернул и попытался прочесть... Темно!

Он попятился к двери, пытаясь рассмотреть неразборчивый почерк... Непонятно, нелюбопытно! Стоит сохранить!

Лев сложил лист вчетверо и спрятал во внутренний карман... Он так и стоял спиной к открытой двери. А под шорох бумаги не услышал сзади шагов. Он только почувствовал, как что-то вроде ствола уткнулось ему в спину, а грубый голос произнес: «Руки вверх!»

Кузькин поднял руки... Нет, оно понятно, что русские не сдаются, но и умирать не хочется.

Тот, который сзади, подпихнул «стволом» и скомандовал: «Три шага вперед!» Лев честно шагнул в центр веранды и сразу же получил по голове. Крепкий удар чем-то плоским, железным, звенящим. Кузькин отключился, обмяк и осел на пол... Это уже потом он узнал, что не было ника-

кого ствола — его элементарно взяли на пушку. Сзади был один хромой Валера с примитивной лопатой в руках...

4

Криминалист Вадим Хилькевич был технарь общего профиля. От экспертизы автомобильных тормозов до снятия отпечатков пальцев. От ядов и всякой такой химии до «жучков» и телекамер с ноготок...

Генерал Сидоров при приеме новых сотрудников обычно тянул резину, а тут за час изготовил и подписал приказ о зачислении капитана Хилькевича на фирму «Волна». И не куда-нибудь, а прямо в отдел полковника Пипия. Туда, откуда позавчера исчез гений местного масштаба — изобретатель Борис Бублик.

Фирма «Волна» размещалась не в Москве. И даже не в ближайшем Подмосковье. В свое время с учетом дикой секретности этот режимный объект определили на дальней окраине Ветлуги. Это такой старинный городок на Оке. Провинция, где есть остатки мощного кремля, вокруг которого сотни купеческих домов из времен чиновника Бальзаминова.

Вот в таких тихих городках и рождаются таланты вроде Левши или Бублика. Только тульский мастер сработал крутую фишку, хохму для

иностранцев — нацепил подковы на вредное насекомое. А самородок Бублик сделал такое, что может весь мир повернуть вверх дыбом!

Они шли по длинному гулкому коридору, как три богатыря из утреннего дозора. Шли не плечом к плечу, а гуськом — впереди Сидоров с генеральской выправкой, за ним Зураб Шалвович Пипия с усами, а замыкал процессию Вадик Хилькевич со страхом и сомнениями.

И действительно — он не оперативный работник. Это Муромцев или Кузькин ничего не боятся. Вот они залезут в любую заваруху и там затеряются. Это еще те фрукты!.. И Ирочка Багрова — оперативник. Она тоже фрукт, но такой сладкий, такой вкусный...

Хилькевич уже давно собирался сделать Ирине официальное предложение. В последнее время Багрова делала ему явные намеки на этот счет. А недавно произошедший случай просто заставлял его, как честного человека...

Сидоров резко остановился у двери, на которой было написано название отдела — «Новый Афон». В последующие дни никто не мог объяснить Вадиму, как возникло это странное имя. Сотрудники говорили общие фразы. О том, что это святая гора, что она в Абхазии и что Пипия

якобы оттуда родом.

При входе начальства народ зашевелился, и через минуту к площадке перед кабинетом начальника собралась группа в мятых халатах неопределенного цвета. Ясно, что когда-то они были белыми, но эту форму выдавали на год и за это время никто и не собирался ее стирать...

Генерал сообщил всем о приходе нового сотрудника и в общих чертах похвалил его способности. Пипия говорил дольше, но еще более неопределенно. О том, что надо радушно встретить инженера Хилькевича, но не надо отвлекаться. Все должны работать как единый механизм, но каждый на своем месте. Вадим стоял в центре вроде свадебного капитана. Он благодарно кивал, когда хвалили его, и сурово напрягался, когда давались напутствия... Нет, тут нужен оперативник! У них актерские способности. Эти всегда выплывут на поверхность. Но им самые простые задания достались... Вот Кузькин сейчас на даче Бублика — отдыхай, любуйся природой, дыши воздухом.

5

Кузькин очнулся, когда стало тяжело дышать. Он понял, что сидит в кресле, что привязан к нему по рукам, по ногам и по груди... Кто-то с перегарным дыханием стоял сзади и шарил ручищами во внутренних карманах куртки, давя на грудную клетку.

Оперативники редко попадают под пули. Но на всякий случай надо беречь грудь, где сердце, артерии и аорты... Вместо бронежилета у Льва Львовича были две плоские фляжки с коньяком. Обе из нержавейки — одна в правый карман, а другая — в левый.

Перегарный мужик достал фляги и на этом окончил обыск. Ни пистолета не нашел, ни отмычек, ни удостоверения Службы особого назначения... И на том — спасибо!

Валера сел напротив и решил провести допрос по всей форме. Но вначале открутил крышечки и понюхал содержимое емкостей. Однозначно — коньяк!.. Но это на запах. Для точного определения надо пробовать.

В шкафчике нашлись три чашки. Значит, одна запасная.

Сторож налил по фронтовой норме и подвинул сосуд к Кузькину — пусть первым выпьет! А вдруг здесь отрава метиловая.

Лев добродушно улыбнулся и пошевелил пальцами правой руки. Это был намек на то, что очень неудобно пить, когда запястья примотаны к подлокотникам кресла... Валера намек понял! Он подошел, развязал у Кузькина правую руку и подвинул поближе кресло.

Охранник сел и опытным глазом глянул на плоские блестящие фляжки: «В каждой — меньше бутылки. Около четырехсот граммов. А значит, в двух — восемьсот!.. Если этот парень на машине приехал, то значит, он за рулем. И ему больше трехсот наливать нельзя... Ему триста, а остальное придется мне... Надо бы хоть какую закуску».

Взгляд у Валеры наткнулся на три конфетки под названием «Му-му». Порядок!.. Он подкинул закуску под левую руку Кузькина. А ручка-то привязана!.. Пленник опять улыбнулся и опять пошевелил пальцами. И снова сторож все понял без слов. Он встал и отвязал вторую конечность... Даже примотанный к креслу, Лев чувствовал пистолет под левым нижним ребром. Вот теперь он король положения, поскольку руки у него развязаны! Он в любой момент может вытащить

ствол и отомстить за удар лопатой. Но сначала надо расслабиться и провести разведку.

И Валера не был настроен на конфронтацию. Раз образовалась компания, то надо друг друга уважать. После первой они поговорили о футболе, после второй — о женском поле, после очередной познакомились и почти побратались.

— Вот ты, Лев, ты нормальный парень. Нет, ты отличный мужик, поскольку сам принес... А другие приходят, и я им должен шампанское покупать.

— Пижоны! Это кто такие?

— Сам хозяин этой дачи и двое его корешков. Приехали, блин, на черном джипе «Гранд Чероки»...

— Ты, Валера, номер запомнил?

— Да плевал я на их номера!.. Мне обидно, что я им за свои деньги шампанское купил. Эту кислятину полусладкую... И главное, что они меня не просили. Как-то само в голове сложилось, что я должен купить бутыль и им принести.

— Мистика! Просто тихий ужас.

— Точно, Лев, чертовщина!.. А дальше, так еще хуже. Принес я, потом ушел, и вдруг меня тянет вернуться и разбить им стекло. Вернулся! Взял это шампанское и запустил в окно!

— Нуты, Валерка, крутой! Отстоял свою честь!.. А Бублик в это время сидел за компьютером?

— Точно, Лев! Он открыл черный кейс, а там экран и клавиши... Давай я тебя всего развяжу. И ты не обижайся, что я тебя лопатой огрел. Тогда я думал — ты вор, а сейчас я тебя уважаю... А ты меня уважаешь?

Через час Кузькин позвонил в Москву и сообщил, что по оперативной необходимости ночевать остается в поселке «Бархатная роща», в сторожке у хромого Валеры, местного охранника...

6

В Москве уже такого нет. В столице прогресс загнал все пиво в бутылки, и оно потеряло живость.

А в Ветлуге еще сохранились пивные ларьки, где кружки с янтарной жидкостью, а над ними шапка белой пены... И коллектив вокруг этих заведений особый. Тут за столиками не люмпены, а разночинцы — от слесаря до инженера, от студента до аспиранта, от артиста до скандалиста.

Бомжи здесь тоже есть, но они кучкуются далеко за ларьком, там, где гора пустых ящиков. Их добыча — водочные бутылки и недопитое пиво...

Еще утром Егор Лубяко подогнал и оставил в ста метрах от пивной палатки красные «Жигули» — простенькую «пятерку» с не известной никому биографией. Не машина, а бомж!

Потом пришлось провести очень сложную операцию — два часа Егор Петрович катал по городу Бублика. Изобретателя могли искать, но за тонированными стеклами джипа его не разглядеть... Они ездили по всем магазинам Ветлуги, подбирая беглецу одежду. И не один комплект, а на все случаи жизни.

По завершении шопинга подкатили к роще, что за тем самым пивным ларьком... Лубяко ушел, а через пять минут вернулся с бомжем, который отдаленно напоминал гения Бублика. Ростом, прической и легкой небритостью.

Изобретатель, сидевший в «Гранд Чероки» слышал, как Егор, стоя у машины, сулил бомжу золотые горы:

— Будешь кататься как сыр в масле. Будешь жить, брат, на широкую ногу — как кум королю!.. Но все надо делать секретно. Если у тебя язык без костей, то пиши — пропало!

— Это я могу. Я молчу, как могила... Я молодой был, так от жены гулял сразу с тремя. А она, дура, ни сном и ни духом... Я умею тайну хранить.

— Нормально!.. Но больше от жены не гуляй.

— Так теперь я и не могу. Всякая возможность отпала.

— Отлично... Тогда, брат, переодевайся, иди к той красной «пятерке», садись за руль — и вперед к новой жизни!.. И не забудь черный кейс. В нем твое счастье.

Лубяко заглянул в джип — Бублик сидел во всем новом, а его одежда аккуратно складирована на заднем сиденье. Вот трусы, носки, брюки и все остальное, включая ключи от квартиры, паспорт

в грубом бумажнике и несгораемый жетон сотрудника фирмы «Волна».

Сквозь тонированные стекла Бублик видел, как бомж вразвалочку побежал к красным «Жигулям» пятой модели... Совсем недавно этот бродяга был для Бориса Трофимовича пустым местом. А сейчас бывший оборванец стал близким и родным. Он бежал в его любимой куртке, в его рубашке и брюках... В его трусах, наконец!

Человек с черным кейсом и с паспортом Бориса Бублика сел в «пятерку», завел двигатель и начал набирать скорость. Впереди оживленный перекресток... Борис перевел взгляд на Лубяко. Тот стоял с сотовым телефоном. Номер был набран, и оставалось нажать лишь одну кнопку.

Он нажал... Через три секунды красная машина подпрыгнула и взорвалась кучей искр. Потом осела и превратилась в столб огня — не зря Егор Лубяко заправил бак под завязку...

7

Начальство ушло. Сотрудники отдела со странным названием «Новый Афон» потоптались и разбрелись по рабочим местам. Хилькевич остался один в своем закутке. На него никто не смотрел, кроме конопатой девицы, сидевшей за соседним столом.

Вадим наклонился над бумагами, но левым виском он чувствовал ее взгляд. И от этого кровь чуть разогрелась, прилила к лицу, и он покраснел.

Вообще-то Хилькевич не был специалистом по общению с женским полом. Ему было уже за тридцать, а он холост. Нет, когда-то он был женат, но это было давно, на первом курсе института. На брачную ночь они с невестой заперлись в спортивном зале. А потом целый семестр жили рядышком — она на втором этаже общежития, а он на пятом. После сессии оказалось, что его Люся — попрыгунья! Она спокойно перескочила к аспиранту, у которого была отдельная комната. А в начале второго курса убежала к доценту кафедры...

Конопатая соседка просто прожигала его взглядом. У Вадима даже висок начал дымиться. Он

повернулся в ее сторону, их взгляды встретились, и это было сигналом к сближению.

Она встала и начала медленно приближаться очень многообещающей походкой.

— Вас, кажется, Вадимом зовут? Красивое имя... А я — Василиса.

— Замечательно! Это у вас красивое имя. Просто какая-то Василиса Прекрасная!

— Ой, не льстите мне, Вадик! Я знаю, что у меня лицо далекое от стандартов.

— Это вы про веснушки? Они такие милые! Это ваше украшение. Это бриллианты и жемчужины.

— Если честно, то я и сама это знаю... Смотришь в зеркало — полная уродина. А подольше приглядишься и замечаешь внутреннюю красоту... Мне Боря Бублик говорил, что я неотразима.

— А вы, Василиса, были с ним знакомы?

— Естественно! Он же пять лет за вашим столом сидел. А в последнее время его все считали моим женихом. И все ошибались!.. Нет, основания для этого были, но предложения он мне не делал. А два дня назад и вовсе позорно бежал в Америку.

— Почему в Америку?

— А куда же еще?

Хилькевич сразу понял, что попал в точку.

Если болтун — находка для шпиона, то вот такая трепливая девица — это две находки. Это три находки!.. Но уж очень она настырная, эта Василиса. Один жених сбежал, и она быстренько готовит замену. Очень шустрая девица... А веснушки у нее действительно миленькие.

— У меня к вам просьба, Василиса. Я в вашей Ветлуге никого не знаю. Расскажите мне обо всем... Вы что вечером делаете?

— Я свободна... А куда мы пойдем?

— Куда хотите, Василиса! Я весь в вашей власти.

— Я слышала, Вадик, что вас в нашей общаге поселили? Там слишком глаз много. Начнутся всякие пересуды. Припишут нам то, что мы пока и не делали...

— А если в ресторан?

— Он у нас один. И там невозможно общаться — одни пьяные рожи и музыка во все уши грохочет... Если ко мне, то я с мамой живу. Если по улице гулять, то мы уже не подростки... Есть у меня ключ от квартиры Бублика. Раз он сбежал в Америку, то мы вполне можем воспользоваться... Вы не против, Вадим?

— С вами, Василиса, я хоть на край света.

8

Муромцев всех своих сыщиков перевел в Ветлугу. От Москвы до этого города на Оке полтора часа. И это если на «Мерседесе» и без пробок. Атак — два и больше...

Паша был здесь единственным официальным лицом и потому поселился в пустующем кабинете заместителя начальника УВД. Кузькин косил под туриста и снял квартирку в центре города. Хилькевич получил комнату в общежитии фирмы «Волна». Ирина Багрова приехала под видом журналистки и поселилась в лучшей гостинице. В одной из двух, что были в городе.

Официально дело по розыску гражданина Бублика Б. Т. не заводилось. Мужик прогулял на работе два дня — так и что? При чем тут милиция или другие органы? Что, его теперь с легавыми искать?.. Но Муромцев искал, и все понимали — человек подневольный! Раз ищет, значит, начальство приказало...

Подмосковная Ветлуга — город большой. Даже больше, чем его тезка, который разместился в лесах за Нижним Новгородом.

Помещение УВД на первом этаже напоминало

американские боевики — огромный зал с множеством столов, сейфов, компьютеров. И сплошной гул голосов. Кто-то проводит допрос, кто-то по телефону доругивается с женой, кто-то просматривает запись со скрытой камеры, где объект матерится, как сивый мерин.

Здесь же и две девушки в погонах — что-то вроде местного секретариата. Они отвечают на все районные звонки по «02». Они размножают сводки происшествий, рассылают задания на посты... По опыту Муромцев знал, что искать надо здесь, где перекресток всей информации. А еще он знал, какими глазами надо смотреть на девушек, чтоб те прониклись к нему всей своей душой.

Катя и Валентина прониклись сразу. Они старательно искали информацию для симпатичного Паши из Москвы, но все случилось само собой. Позвонил следователь, который выезжал на взрыв машины. У обгоревшего трупа сохранился паспорт на имя Бублика. И жетон фирмы «Волна» с личным номером.

Машина уже давно догорела, но зеваки не расходились. Это в Москве автомобили взрываются каждый день, а в тихой Вет-луге мафии или совсем нет, или мало — кот наплакал! Потому и интересно. А вдруг это заказное убийство?..

Паша за свою оперативную жизнь видел десятки таких сгоревших машин. И столько же сгоревших трупов с гадким ароматом бензина и шашлыка.

Его интересовали возможные свидетели и кейс.

И с тем и с другим было плохо. При взрыве ноутбук раскрылся и прогорел капитально — ни клавиатуры, ни экрана с жидкими кристаллами. Лишь скелеты дисководов и объедки микросхем... Хорошо, если команда Сидорова определит, что это тот самый кейс. Вот тогда можно и дело закрывать. Нет прибора — нет и проблемы!

Паша попытался поговорить с зеваками. Свидетелей среди них не было. Все прибежали смотреть на пожар. Захватывающее зрелище! Горит и корчится машина вместе со всем содержимым, а ты стоишь рядом и переживаешь. Но в глубине души радуешься тому, что у тебя самого все в порядке.

Из возможных свидетелей остался один — в тридцати метрах на пригорке сидел бомж с банкой пива. Он все время сидел неподвижно и одним этим напоминал мудреца. Или сфинкса египетского...

Паша знал, что эта публика принимает алкоголь с самого утра. И что это за свидетель, если в

мутных глазах крокодильчики плавают?

Бомжу было около сорока. Он сидел не на земле, а на бетонном блоке. Когда Муромцев приблизился, «сфинкс» впервые зашевелился. Он подвинулся, освобождая Паше место.

— Садись, коллега.

— В каком это смысле?

— Ведь ты же мент?

— Не совсем, но около того. Короче — есть у меня вопросы по этому делу... А вы имеете отношение к МВД?

— Имел, но давно. Почти сразу не сошелся с начальством по нормам потребления. Все они пили нормально, а я в два раза больше... Тебя, брат, как зовут?

— Павлом.

— А я — Михаил... Так вот, Паша, уволили меня без выходного пособия. Вчистую!.. Пять лет назад жена меня предала.

— Изменила?

— Вздор! По этой части мне равных не было. Тут в другом дело — жаба ее замучила. Стала укорять, что я не крутой, что денег домой не приношу. Обиделся я и ушел — теперь вот свободный человек... Ты, Паша, задавай свои вопросы. Или давай я сразу буду отвечать... Сгоревшую красную «пя-

терку» я видел за минуту до взрыва. Она стояла в ста метрах от пивной точки. А чуть подальше, у рощи, — черный джип. А заметил я их потому, что увидел, как незнакомый мужик уводит Чижика.

— Кто такой Чижик?

— Это, Паша, наш парень. Пухлый такой, небритый, пьяный... Мужика видел со спины и не узнаю. Номер джипа со ста пятидесяти метров не рассмотрел... Потом я отвлекся, а когда глянул — увидел, как красная «пятерка» пошла к перекрестку, и там взрыв. Тут же снялся и уехал в другую сторону джип... Все, Паша! Версии строй сам.

— А где Чижик?

— Он не вернулся... Чиж — птица вольная! Мог и улететь куда-нибудь. Но моя интуиция говорит, что он сгорел за рулем этой «пятерки»... Я, когда начинал, хорошим опером был. Даже отличным!

9

Вадиму Хилькевичу казалось, что все вокруг смотрят именно на них, что все вокруг знают, зачем они едут в пустую квартиру пропавшего Бублика... А зачем они туда едут? Вадик хотел просто поговорить с Василисой, разведать обстановку на фирме. Но, глядя на девушку, он начал понимать, что у нее другое на уме...

Служебный автобус вывез их в центр Ветлуги. В город ехало не так много народа. Большинство сотрудников фирмы «Волна» варились в собственном соку. Они жили здесь же, на окраине, в научном городке из девяти домов, школы, магазина и клуба.

А Бублик был из местных, из ветлугинских. Его квартира находилась в центре города, на улице Мышкина, дом семь дробь три. В трехэтажке из красного кирпича... Вадик с трудом открыл тяжелую дверь подъезда, пропустил вперед спутницу и сам нырнул в мрачное нутро дома. Лестницу освещала слабенькая тусклая лампочка. Она чуть качалась, и по стенам двигались даже не тени, а невнятные привидения... Вполне естественно, что испуганная Василиса тесно прижалась к

Хилькевичу и обняла его... Оттого, что он прочувствовал близость женского тела, ему стало приятно. Внутри все взволновалось и забурлило. Обстановка обещала дальнейшие радости.

И Вадик с ужасом понял, что предает Ирочку Багрову.

Сразу стало тревожно и тоскливо. У него появилась острая злость на себя самого...

Какая-то часть его сознания орала, что нельзя любить двух сразу! Что так не было ни разу! Что если он считает своей невестой Ирину, то не имеет права вот так обниматься в подъезде с другой... А если и может это делать, то в самом крайнем случае — исключительно в ходе оперативной комбинации. Только в целях выведывания секретов и вербовки объекта... Василиса и не подозревала, что Вадик собирается ее вербовать, то есть склонять к сотрудничеству.

На третьем этаже было совсем мрачно. Она нащупала ключи, передала ему все сумки и, пользуясь темнотой и свободой, прижала Хилькевича к двери и попыталась поцеловать. Но промахнулась! Ее губы лишь скользнули по его подбородку и уткнулись в шею.

Второй попытки она делать не стала, а занялась дверью. Потом они вошли в квартиру, и Василиса

привычным движением зажгла свет... Вадим вообще заметил, что все здесь было для нее не просто знакомым, а родным, домашним.

— Василиса, а вы здесь часто бывали?

— Это нескромный вопрос... Раз у меня есть ключ, то не надо думать, что я жила здесь. Так, иногда заходила в гости... Боря Бублик был хороший человек, но очень странный. Весь в науке. Иногда про свои формулы он вспоминал в самый неподходящий момент.

— Вы уверены, что он не вернется?

— Не бойтесь, Вадик. Я уверена, что он уехал в Америку. А оттуда не возвращаются... В последние недели он все время твердил, что скоро станет сказочно богат. Это где он достанет денег? Здесь, в Ветлуге?

— А может быть, у него новые друзья появились? Которые оттуда, из-за океана?

— Друзья у него действительно появились, но местные. Мне Боря показывал фото, где они втроем... Один из них — известная в городе личность. А Бублик назвал его своей «дойной коровой».

— Как фамилия этой коровы?

— Потом скажу... Вы что, Вадик, за этим сюда пришли? Возьмите свечи на комоде, откройте вино, протрите фужеры. А я пойду пока в душ...

Она ушла, а Хилькевичу моментально стало жарко. Сначала он рывком развязал галстук, а потом решительно снял пиджак.

Вадим осмотрелся... Это была двухкомнатная квартира в доме старинной постройки. Еще из царских времен. Огромная гостиная и большая спальня.

По фотографиям на стенах было видно, что это фамильное гнездо Бубликов. Наверняка комод и буфет были куплены каким-нибудь прапрадедом — купцом первой гильдии.

Вероятно, и ванна здесь была не как стандартная коробочка. Дверь туда была приоткрыта, но Вадим не решился заглянуть. Он только слышал, как там струится вода, а Василиса напевает что-то цыганское.

Хилькевич вскрыл вино, разложил конфеты, зажег свечи. Стало уютно и романтично... Она вышла не в джинсах, не в белом свитере, а в каком-то легком и ярком восточном халате. Вид был домашний и одновременно торжественный.

— Давайте выпьем, Вадим, и сразу перейдем на «ты». Без всяких брудершафтов.

— Согласен, Василиса... А за что пьем?

— За приятную встречу. За дружбу и любовь.

Красное сухое вино пили медленно, глядя друг

другу в глаза. Но даже в этот момент Вадик подумал о Ирине Багровой... Пока он ей не изменял, но у этой Василисы такой напор, что невозможно сопротивляться. Надо только успеть узнать о связях Бублика.

— Я все удивляюсь, Василиса, какое у тебя красивое и необычное имя.

— А у меня все красивое и все необычное.

— А сокращенные, ласковые варианты есть?

— В школе меня звали Васькой, а дома Лизой или Лисой.

— Ты говорила, Лизонька, что узнала нового друга Бублика. Того, который его дойная корова.

— Тебе нужно его имя? Я скажу, но в спальне... Пойдем, если не боишься.

И он пошел! А что было делать? Его служба и опасна, и трудна...

Она повернула его спиной к кровати, толкнула на матрац и запрыгнула сверху, как конопатая пантера.

Вадим понял, что для деловых разговоров у него не больше десяти секунд.

— Лизонька, ты обещала про дойную корову.

— Ох, Вадик, какой ты настырный! Непременно своего добьешься. И такой шустрый. За один день совратил бедную девушку.

— Лиза, ты про корову обещала.

— Опять ты про это! На фото вместе с Борисом был Владимир Афонин. Сейчас его личность на каждом заборе. Это наш кандидат.

— В каком смысле?.. Я, Лизонька, только утром из Москвы приехал. Я не вник в ваши дела.

— Я вижу... Через неделю в Ветлуге выборы мэра. И этот Афонин один из кандидатов. Наверняка он дал Борису деньги, и тот уехал в Америку... А теперь давай помолчим. Я не люблю при этом разговаривать...

10

Ирине сделали удостоверение от газеты «КК». Это было и хорошо и плохо... Хорошо тем, что издание популярное и его сотрудникам открываются все двери. А плохо из-за доступности телефонов редакции. Один звонок в Москву — и вам скажут, что не направляли в Ветлугу журналистку Багрову. Скажут, что вообще не знают такой!

Номер в гостинице ей бронировал сам генерал Сидоров. Получалась такая версия, что журналистка приехала писать об успехах фирмы «Волна»... Уже в первые часы после заселения Ирине в подробностях пересказали историю отеля «Салют». Он строился как женский пансион — что-то вроде института благородных девиц. Тогда он назывался просто, но на французский манер — «Версаль».

Так вот, уже через год пансион приобрел пикантную славу — сплетничали, что некоторые воспитанницы регулярно принимают у себя мужчин. Эти слухи тянулись три года, а перед первой войной с немцами возник скандал на всю Ветлугу. Из Москвы приехали полицейские чины, допросили девиц, распустили их по домам, а

руководство «Версаля» увезли в столицу. Суда так и не случилось, но кто-то из шутников ко входу в благородный пансион привесил два красных фонаря.

После этой информации пребывание в тихой Ветлуге и тем более проживание в бывшем «Версале» становилось для Ирины делом любопытным и веселым... В наше время никто не знает своих корней до седьмого колена. А именно из глубокого прошлого растут наши таланты и бегут все наши тараканы.

Багрова получила отдельный номер, но с удобствами в конце коридора. Узкая и длинная комната размером чуть больше чем два на четыре. Вероятно, именно в таких кельях жили когда-то воспитанницы пансиона.

В Москве конкретных заданий Ирина не получила. Она собиралась завтра утром встретиться с Муромцевым и сообщить, что ей нужны ценные указания от руководства. Но неожиданно в пять вечера позвонил сам Павел. Он узнал номер ее кельи и уже через пять минут был на третьем этаже лучшего отеля Ветлуги.

— Тут, Багрова, события развиваются так стремительно, что без тебя никак не успеть.

— Я, Паша, постараюсь.

— Постарайся... Я сегодня выезжал на труп. Клиент так обгорел в машине, что опознать невозможно. Но документы сохранились. Вот попробуй, Ирина, угадай с трех раз — на чье имя паспорт?

— Борис Бублик!.. А кейс при нем?

— И кейс есть, но весь сгорел, прямо в лепешку... Я чуть разведал и полагаю, что в машине был не совсем Бублик. Подменили парня, прямо как в мыльной опере... Вот тебе, Ирочка, ключи с трупа, сходи на улицу Мышкина, семь дробь три и проверь квартиру.

— Это все?

— Нет... Завтра будем проводить срочную генетическую экспертизу. Нужно хоть что-нибудь от настоящего Бублика. Поищи, Ирина, не побрезгуй... Может быть, волосы с подушки. Мне сказали, что этот тип был нормальным ученым — нестриженый и лохматый, как Эйнштейн.

— Сделаю, Паша... Это все?

— Нет. Вот тебе пригласительный в соседний кинотеатр. Через сорок минут там начнутся предвыборные дебаты. Встречаются все три кандидата в мэры... Мне интуиция подсказывает, что все это связано — Бублик, кейс и политика! Ты, Ирина, разведай обстановку. А в квартиру пой-

дешь, когда стемнеет. Нам нельзя там светиться — мы же без ордера.

Вокруг кинотеатра бурлила местная общественность — три группы старушек по двадцать человек. У всех похожие плакатики, призывающие голосовать за своего кандидата. Справа группа поддержки Афонина, слева — Твердохлебова, а по центру — Инюшева.

В фойе все зрители регистрировались, предъявляя паспорта. Не успела Ирина отойти от стола, как к ней подскочил шустрый парень во всем джинсовом.

— Вы сама Багрова. А я вас искал... Я — Феликс Скулов, редактор «Вечерней Ветлуги». Мы по пятницам выходим. Три полосы рекламных и немножко о местных новостях... А вам я завидую. Вы в газете, которая агитатор и трибун!

— Да, мы такие.

— Очень хотелось бы, Ирина, напечататься в «КК».

— Это можно... Но пока, Феликс, просветите в местных хитростях. Кто есть кто в Ветлуге? Что за политика вокруг выборов?

— Задачу понял. Сейчас все сделаем... Только пойдемте на балкон. Там пусто. Туда только прессу пускают.

Ирина вырвалась из кинотеатра только через три часа. То, что она услышала со сцены, напоминало балаган и словоблудие. Все кандидаты обещали одно и то же — повышать зарплаты, строить дороги, сажать воров, лучше лечить и учить... Словом, «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим, мир — народам»!

Феликс бросился провожать Багрову... Его можно понять. Кому не хочется работать в самой популярной газете! И все возможно. Только не надо быть лежачим камнем, под который ничего не течет! Надо цепляться за нужных людей, как репейник... В том числе и за эту журналистку.

Он догнал Ирину на улице у поворота на улицу Мышкина, где в доме семь дробь три была пустая квартира изобретателя Бублика. А в квартире кровать, а на ней подушка с волосками для генетической экспертизы... Багрова должна была отвязаться от этого прилипалы. Но и нельзя отшить его резко и грубо. Придется играть в приятное свидание. Немножко кокетства, игривости, намеков... Но она переиграла и доигралась!

Совсем незаметно они попали в старый городской парк, куда пока не дошла еще лампочка Ильича. Феликс сначала чуть прикоснулся ладонью к ее спине, потом обнял за талию, затем

крепко прижал к себе.

Это было слишком! Ирина увернулась, остановилась и отступила на шаг назад, ощутив за спиной толстый ствол столетней липы... Пора сказать этому мальчику, что он не на ту напал. Пусть губки не раскатывает... Но, очевидно, она слишком долго подбирала формулировки. Феликс понял ее молчание как знак согласия. Он ринулся в атаку!

Багрова оттолкнула нахала... Интуитивно она помнила, что за непрошеный поцелуй можно парня ударить по лицу. Она только перепутала пощечину и боксерский удар в челюсть. А рука у нее была тяжелая!

Журналист Скулов рухнул на осеннюю травку и даже не ойкнул... На ощупь в полной темноте пришлось искать пульс, тормошить и приводить Феликса в чувство. Это удалось лишь частично.

— Где я?

— В парке.

— Что со мной было?

— Нокаут... Ты посиди здесь у липы. Отдохнешь — и домой. А завтра зайди ко мне в гостиницу. Ты, Феликс, очень мне нужен. У меня мало знакомых в Ветлуге. Вообще никого нет. Ты у меня первый... Понял меня?

— Понял... Мне приятно быть первым... А вы кто такая?

Пришлось прислонить парня к дереву и оставить его до лучших времен.

Ирина шла туда, где светились уличные фонари. Шла и ругала себя за несдержанность. Но у нее были причины для такого поведения. В последние месяцы она пыталась решить свою личную жизнь. Ее отношения с Вадиком Хилькевичем стали романтичными, нежными и почти любовными. Она думала только о нем, и вдруг этот хмырь лезет целоваться! Рука сама сжалась в кулак... А рука у нее тяжелая!

Багрова на всякий случай проверилась и свернула на более темную улицу Мышкина. Вот он, дом семь дробь три.

На всякий случай она посмотрела на третий этаж, где располагалась квартира Бублика — по фасаду было четыре окна, и все они светились.

Ирина обошла дом... С тыльной стороны было тоже четыре окна. И все они тоже светились!

Первый вывод — что соседи изобретателя дома. Но это пустяк по сравнению со вторым выводом — дома сам исчезнувший Борис Трофимович. Возможно, временно забежал. За носками или зубной щеткой...

Багрова нырнула в подъезд и, нащупывая в полумраке ступеньки, поднялась на третий этаж... Ключ подошел сразу! Замок щелкнул, но она не решилась тут же открыть дверь. Сначала она подготовила к бою пистолетик «Вальтер», которым ее наградили три года назад. Эта штука полезней, чем Почетная грамота. «Макаров» — грубый ствол, он не для женской руки...

За дверью были слышны звуки. Непременно — там Бублик! Все считают, что он сгорел в машине, а этот изобретатель спокойно вывозит свои вещички.

Ирина осторожно открыла дверь и легко вплыла в пространство квартиры... В коридоре было светло и пусто.

Она продвигалась вдоль стеночек, одновременно поворачивая голову и руку с «Вальтером»... В ванной пусто, но мокро и душно... В огромной гостиной были следы недавнего банкета на двоих: горка конфет, горящие свечи, бутылка и бокалы с красным вином.

Была приоткрыта дверь в еще одну комнату. Там тоже был свет, но не такой яркий — на уровне бра или настольной лампы.

Ирина подошла поближе — явственно слышался скрип кровати и невнятное курлыканье...

Неважно, кто там, но надо брать их обоих!

Решено — она ворвется в спальню с криком «Руки вверх! Лежать лицом вниз! Работает ОМОН...» Это самый верный способ! Главное — ошеломить противника... Ошеломить — оставить без шлема, без защиты.

Багрова приблизилась и левой рукой приоткрыла дверь. Теперь она видела, что мужчина в брюках и рубашке лежит на широкой кровати, а сверху на него залезла фигурка в восточном халатике. Так вот эта гейша прыгает на мужике, как мартышка на груде бананов.

Чтоб направить «Вальтер» в голову лежащего, Ирина сделала два шага в сторону... Вдруг она поняла, что знает этого мужчину... Нет, не так! До этой минуты ей только казалось, что она его хорошо знает.

Багрова спрятала пистолет, дрожащей рукой вытащила мобильник и нажала нужную кнопку. Она начала говорить громко. Так громко, чтоб ошеломить тех, кто на кровати:

— Это ты, Муромцев?.. Ты просил волосы Бублика? Я не смогу их найти. Это не квартира, а бордель. Все волосы перепутались... Ты представляешь — сейчас на подушке Бублика лежит голова Хилькевича и еще какой-то конопатой

дуры.

Паша оценил, как хорошо работает в Ветлуге мобильная связь. Сквозь бормотание Багровой он услышал женский вопль: «Сама дура!..» А потом знакомый мужской голос: «Ты ошиблась, Иришка. Мы тут просто разговаривали...»

11

Маргарита Сидорова часто мечтала выйти замуж за генерала, дипломата или, на худой конец, за бизнесмена… Сбылась мечта идиотки! Вот теперь она генеральша! Но кто мог подумать, что это будет так скучно.

Три года назад она с подругой приехала покорять Москву. Конечно, и в ее родной Одессе много солнца, много песен. Во-обще-то там, у моря, было даже лучше, чем на Тверской. Лучше во всем, кроме одного — всех одесситов затюкал вопрос с «ридной мовой». Или ты ее знаешь, или нет — это две большие разницы! Если ты хохлушка, то будьте любезны, тогда мы вас везде «ласкаво просимо». А если нет, то иди работать уборщицей в порт. Или на спичечную фабрику.

В Москве Рита с подружкой сняли комнату и ежедневно уходили на промысел, на ловлю женихов.

Они крутились в центре города рядом с Думой, возле министерств и перед входом в известные фирмы, которые качают нефть и газ.

Маргарите повезло первой… Он шел, размахивая ключами от машины. Он был в сером костюме

— стройный, голубоглазый и немного седой. Понятно, что он в два раза старше, но на другой вариант она и не рассчитывала.

«Жених» подошел к черной машине, открыл дверцу и начал усаживаться за руль. Рита подскочила вовремя! Она спросила у него то, что за последний месяц спрашивала у всех: «А вы не скажете, как мне доехать до МГУ?»

У нее был очень милый одесский акцент. А еще она была наивная, симпатичная и очень молодая. Таким трудно отказать!

— Садитесь, девушка. Я еду в ту сторону — подвезу вас.

— Ой, спасибо... А то я недавно в Москве. Совсем запуталась. У нас в Одессе все вдоль моря, а у вас кругами, кругами.

— А зачем вам в МГУ?

— Поступать хочу, на журналистку учиться.

— Но уже сентябрь. Экзамены давно закончились.

— Жаль... Придется на будущий год поступать. Я очень до знаний жадная — так к наукам и тянет... Меня Маргаритой зовут. А вас?

— Борис Борисович.

— Ой, как я рада... А вы женаты? Вот я, так совсем нет! И никогда, ни с кем, ни разу и ни

чуть-чуть.

— Это редкость в наше время... Формально, Риточка, у меня есть супруга. Но она живет в Москве, а я работаю в Ветлуге. Вот такая семья — спим врозь... Я руководитель очень крупной фирмы — генерал Сидоров.

— Настоящий генерал?

— Настоящий... У меня в Ветлуге квартира огромная и коттедж прямо на Оке. Живу богато, но скучно. Нигде нет уюта и женского тепла... Решайте, Риточка. Если в МГУ, то мне за мостом надо направо поворачивать. А если ко мне в Ветлугу, то прямо.

— Прямо едем!.. Я вам так скажу, Борис Борисович, теперь у вас будет столько женского тепла, что вам просто жарко станет. Как в полдень в Аркадии.

Через год Сидоров развелся со старой женой. И почти сразу Рита Довгань стала Маргаритой Сидоровой и госпожой генеральшей... Сбылась мечта идиотки! Она и не представляла, что будет так скучно.

Она круглый год жила в городке из десяти коттеджей. Их домик был полной чашей. Все для жизни есть, но скука смертная! Особенно поздней осенью, зимой и весной. Летом хоть сад, огород,

грибы, купанье в Оке. И вообще — чуть побольше народа всякого.

Вот сейчас она и начиналась — поздняя осень. Теперь восемь месяцев сиди у ящика и смотри «Поле чудес».

12

До выборов мэра Ветлуги оставалось три дня, а воз чуть сдвинулся и опять застрял.

Муромцеву удалось узнать, что, нарушая все инструкции, Бублик работал с двумя кейсами — с настоящим и с макетом для испытаний. А значит, в машине вполне мог сгореть второй, поскольку они были почти неотличимы.

Далее, генетика подтвердила, что обгоревший труп совсем не от Бублика. Значит, изобретатель где-то рядом и химичит со своей адской машиной.

Главная информация та, которую добыл Хилькевич с риском для личной жизни. Не могла Василиса сочинить фразу про дойную корову. А если бегство Бублика организовал Афонин, то все становилось на свои места.

В Ветлуге всего три человека пытались стать мэрами. Твердохлебов от партии власти, Инюшев от коммунистов и Афонин от разночинцев, от тех, кто и против белых, и против красных... Ходили слухи, что Владимир Викторович — ставленник очень крутых ребят. Говорили, что местная братва финансирует Афонина из общака.

Все так, но если не пойман, то и не вор! С чем идти к кандидату в градоначальники? С пустыми домыслами? С фразой про корову? С опознанием хромого Валеры? С рассказом, как пьяный сторож запустил шампанским в окно?

Нет, до выборов Афонин фигура политическая. К нему на кривой козе не приедешь! Нужны железные факты и улики.

Паша Муромцев это понимал, но решил сходить ва-банк. Он вломился в предвыборный штаб на улице Героев Перекопа, пробился к самому Афонину и потребовал разговора наедине.

— Мы подозреваем, господин кандидат в мэры, что вы похитили и убили Бориса Бублика.

— Убил! И в землю закопал... А что значит — мы подозреваем? Кто это такие — «мы»?

— Это генерал Сидоров и группа следователей из Москвы... У нас все улики есть.

— У вас есть улики, а у меня есть связь с «убитым» Бубликом... Через час пусть ваша следственная группа соберется в кабинете Дмитрия Дмитриевича. А я попрошу Бориса позвонить генералу и все объяснить... Пусть каждый поговорит с живым изобретателем. Пусть все поймут, что нечего тут расследовать.

До выборов оставалось три дня... В кабинете

Сидорова сидели пятеро и напряженно смотрели на желтый телефонный аппарат с маленьким советским гербом на диске. Паша почему-то решил, что будет звонок на обычный городской телефон. Но вдруг зазвучала веселенькая мелодия Моцарта. Генерал вытащил из кармана свой сотовый и начал разговор.

Все затихли и прислушались. Сразу стало ясно, что на трубке настоящий Бублик, но через двадцать секунд Дмитрий Дмитриевич стал вялым. Он уже не беседовал, а произносил невнятные междометия так, как будто был под гипнозом.

Потом он протянул мобильник Павлу, приговаривая: «Все хорошо. Бублик жив. Он гостит у тети... А никакого кейса вообще не было. Это фантастика... Следствие надо прекратить...»

Муромцев машинально потянулся за трубкой, взял ее, но, дослушав монолог Сидорова, размахнулся и запустил мобильником в стенку. Бросок был от души! Умный «Сименс» разлетелся на блестящие осколочки, микросхемы и кнопочки.

Владелец сотового не прореагировал. И вообще — он выглядел жалко. Не генерал, а какая-то зомби бессвязная.

Паша подскочил к Сидорову и начал, как шаман, водить руками вокруг головы, очищая карму

с аурой.

— Как они вас долбанули, товарищ генерал!.. Они хотели всех нас в транс ввести. Сидели бы мы сейчас, как чукчи в мыльной опере... Вы отдыхайте! Мы отвезем вас сейчас на квартиру, а вашей жене я что-нибудь совру. Кстати, она знает что-нибудь о Бублике?

— Знает... Я три раза привозил его в свой коттедж... Мы работали над чертежами прибора. Он обещал закончить и передать его мне. Но вдруг убежал.

— Постойте, генерал! Раньше вы этого не говорили.

— Раньше я вам врал. А теперь мне все по барабану... Я очень хочу спать.

Он заснул уже в машине. Муромцев был уверен, что генерал проспится и даже не вспомнит своих признаний. Гипноз — это страшная сила!

На квартире Паша оставил Ирину с Хилькевичем. Пока объект дрыхнет, пусть эти голубки тихо выясняют отношения. Багрову понять можно, но Вадим пострадал на боевом посту. Он же не из-за баловства... Он герой! Он бросился на Василису, как на амбразуру...

Кузькин обещал проследить за Афониным, а самому Муромцеву предстояло ехать к молодой

генеральше. Интуиция зашевелилась и начала шептать, что многое крутится вокруг Маргариты. И надо быть мастером, чтоб понять эту женщину.

Коттеджи стояли не прямо у воды, а на высоком лесном берегу. Их было больше десятка. За общим забором виднелись только крыши с башенками и флюгерами.

Паша был уверен, что жена генерала встретит его с распростертыми объятьями. Он видел Риту несколько дней назад, когда Сидоров затащил всю группу к себе на шашлыки. И все это мероприятие продолжалось чуть больше трех часов.

Два-три случайных взгляда, и Муромцев понял — генеральша на него запала. И не потому, что он такой неотразимый красавец. Это — само собой!.. Тут дело в другом — скучно ей.

Одесса, она не Вологда и не Пенза. В ней все сверкает и бурлит: знаменитый Привоз, пляжи Лонжерона, окрестности бронзового Дюка... Одесса — это вечный карнавал! Только в Бразилии демонстрируют филейные части, а здесь гордятся игрой ума, жуликами, юмором и самогонкой из абрикосов.

Паша позвонил ей за пять минут до приезда. И только потому, что нужен был ее звонок на

пост охраны — здешних сторожей не впечатляют удостоверения Службы особого назначения. У каждого кулика свое болото!

Рита встречала гостя у калитки. Уже вместе они открыли ворота, и красный «Рено» Муромцева заехал на площадку перед домом. Он видел, что хозяйке понравился этот маневр — стало быть, гость заехал не на минутку, а основательно. Значит, будет общение, будут разговоры, шутки, намеки. В любом случае — это веселее, чем сидеть у телевизора или смотреть на холодную и мокрую речку.

Снаружи дом был примитивен, как рисунок первоклассника. Красная коробка с зеленой крышей. А еще — окошки в два этажа, широкое крыльцо и три трубы наверху. Никаких закруглений, башен и балкончиков.

Зато внутри начиналась генеральская роскошь — холл из светлого мрамора и зеркала в бронзе.

Было заметно, что Рита суетится. Она старалась держаться поближе, много щебетала и хихикала... Но кофе сварила отличный!

— Удивляюсь вам, Рита. Вы заперли себя здесь, как графиня Монте-Кристо... Вам надо блистать в элитной тусовке. Москву покорить, конечно, трудно, но вся Ветлуга могла быть у ваших ног.

— Так уж и вся?

— Не вся, но половина. Все мужчины Ветлуги. А женщины завидовали бы и кусали локотки... Неужели вам здесь не скучно?

— Скучно, Павел! Но мужу меня собственник и ревнивец... Он знает, что вы ко мне поехали?

— Сложный вопрос...

Муромцев решил максимально запутать ситуацию. Всем известно, что хорошую рыбу ловят в мутной воде... Рита ждала ответа, а Паша держал паузу. Он выбрался из своего мягкого кресла, прошелся по гостиной и приблизился к генеральше со стороны спины. Это так романтично! Он наклонился к ее плечу и начал что-то шептать на ухо.

— Я сожалею, Рита, но ситуация выходит из-под контроля. Все перепуталось, как в мыльной опере. Сегодня ваш муж не приедет ночевать. Но не это самое страшное. Всех нас ждет катастрофа, если вы не вспомните детали. Вы знаете Бориса Бублика?

— Знаю, Павел... Это такой лохматый изобретатель. Он был у нас в конце лета. А потом стал часто бывать — каждую неделю... Но они с Дмитрием запирались в кабинете, а я им только кофе таскала.

— Подслушивала?

— Совсем немножко. Только в самом начале... Тогда и подслушивать не надо было. Они во весь голос говорили.

— Теперь, Рита, о самом главном... Кому ты говорила о разговорах мужа и Бублика.

— Никому!!!

Последний ответ был даже не криком, а визгом. На женском языке он означал: «Я говорю, нет! Хотя на самом деле да. Но я никогда не сознаюсь».

А Паша и не стал больше спрашивать. Он открыл сумку, вытащил нечто вроде пульта от телевизора. Приладил круглую антенну, надел наушники и начал подниматься наверх, туда, где кабинет... Маргарита пошла за ним, как мышка за дудочкой.

Он сразу засек, что жучки в кабинете есть. Но быстрый успех — не победа!.. Паша ходил, изображая сложный поиск.

На пятой минуте он вытащил из-под стола брусочек величиной с половинку карандаша... Еще через три минуты под лампой нашел белую медальку на липучке.

— Это ваши жучки, Маргарита? Вы их установили?

— Нет, не я.

— Тогда кто?

— Не знаю.

— Жаль, Рита. Не хотите вы сотрудничать со следствием. Но десять лет за шпионаж вам обеспечены... Вы же знаете, что ваш муж возглавляет секретный институт. На этой фирме куют щит родины... Или вы не наш человек?

— Я — наша! Я — патриотка! Я еще в Одессе говорила только на русском языке... Догадываюсь, кто мог это сделать, но очень боюсь, что муж разозлится.

— Напрасно, Рита! Я ничего не скажу генералу про ваших любовников.

— Любовников? Да он был всего один... Я вам так доверяю, Павел. У вас такие глаза, что вам невозможно врать. Вот скажите, это измена, если всего один за три года? Которые каждый месяц налево прыгают — те шалавы. А как я — это случайность.

— Согласен, Рита... Так кто он?

— Он в здешней охране работал... Вначале мы с Егором просто гуляли по берегу и трепались обо всем. Я ему и рассказала о Бублике и о приборе, который он сочиняет... А в сентябре Егор бывал у нас дома. Ну, тогда, когда мужа не было... Только обещайте, Паша, что это между нами.

— Обещаю... А как фамилия твоего Ромео?

— Он говорил, но я забыла... На «л» начинается и на «о» заканчивается.

— Ламброзо, что ли?

— Ха! Крутая шутка... Нет, Егор с Украины. И фамилия его Лысако или Ломако.

— Нормально, Рита. Найдем мы твоего Левако... Поздно уже. Надо ехать. Я бы и здесь переночевал, но неудобно без хозяина.

— Ничего страшного, Паша! Мы же не в одной кровати спать будем?.. Или как?

13

Дом номер девять на улице Героев Перекопа готовился к празднику. Все как в американском Белом доме — флаги, шарики, шампанское... До выборов оставалась одна ночь!

Штаб Афонина выходил на центральную площадь. Здание старинное в три этажа с башенкой наверху. Архитектура веселенькая — смесь готики с модерном.

Все сотрудники штаба знали, что в ближайшие сутки на третий этаж лучше не соваться. Это генеральская зона, это голова движения и ее мыслительный центр.

Там наверху было шесть комнат и всего три человека — мудрый Афонин, лохматый Бублик и суетливый Лубяко.

К полуночи стало меньше нервозности, но появились усталость и тупое безразличие... Троица разместилась в углу огромного зала, подальше от балкона и окон. А перед этим Егор обеспечил секретность совещания — он пластырем заклеил замочную скважину и возле двери разместил два включенных магнитофона. Теперь не подсмотреть и не подслушать!

Бублик сидел с воспаленными глазами. Последнюю неделю он работал, как папа Карло. Ни сна, ни отдыха измученной душе.

Во время беседы Лубяко молчал. Он не чувствовал себя «шестеркой», но всему свое время... Чего спешить, как голый в баню?.. Всю эту операцию с выборами Егор придумал сам, а значит, и доходы Афонину придется платить поровну — на три части.

С Маргаритой Лубяко познакомился от скуки. К сентябрю коттеджи опустели... Однажды он обходил участки, а тут она стоит. И глаза такие ждущие, такие просящие... В постели Егор называл ее королевой Марго.

А Рита любила трепаться. Невозможно беседовать без собеседника. Это идиотизм, когда ты говоришь в одиночку. Это сдвиг по фазе... А когда есть партнер, можно болтать без умолку. Вот оно — женское счастье!

Уже при второй встрече Марго сообщила бойфренду о гениальном Бублике, который изобрел прибор, который управляет людьми, которые говорят по сотовому...

Только через сутки Лубяко сообразил, что мелькнул его шанс в этой жизни. Но на первом этапе нужен денежный человек... Из кандидатов

в мэры подходил только Афонин. Твердохлебов был слишком трусливым, а Инюшев — слишком принципиальным.

Владимир Викторович имел свой недостаток — он был сумрачен и недоверчив. Он загорелся только после эксперимента с хромым Валерой. Вот тогда посыпались деньги и началась гонка за лидером...

Во время беседы Лубяко молчал... Афонин вел последний допрос изобретателя.

— Мощности большие нужны? Дом здесь старый. Как бы пробки не перегорели.

— Нет, передатчик берет не больше, чем электроплитка. Важно, чтоб антенна повыше была — для охвата всех слоев населения.

— Красиво говоришь, Борис Трофимович... «Всех слоев населения». Получается, что теоретически я могу все сто процентов взять?

— Да, но это если теоретически... Я ввел изменения, которые позволяют воздействовать на любой сотовый телефон. Но у некоторых вовсе нет мобильников.

— Ты прав, Бублик, народ живет бедно.

— И еще — максимум за час до акта голосования должен быть разговор по сотовому.

— С кем?

— С кем угодно! Важно, чтоб был выход в эфир и чтоб внушение не рассосалось... По всем опросам, за вас сейчас четверть избирателей. Я сделаю вам сорок процентов.

— Мало... Но для победы вполне достаточно... Ты что, Лубяко, молчишь? Готовь антенну! Ты у нас самый молодой? Вот сейчас полезешь на башенку и прикрепишь провод на самую макушку. Чем выше, тем лучше!

Егор никогда не думал, что боится высоты. Да и какая здесь высота?.. Он стоял на крыше, на самом краю трехэтажного здания. Здесь над фасадом построена башенка с куполом и шпилем. Если смотреть на нее отдельно — это детский домик на площадке, где песочница... Но если глянуть вниз — сразу мороз по коже и мурашки по спине.

Он зажал провод в зубах и пополз наверх, всей грудью обнимая шершавый купол... Добравшись до шпиля, Лубяко испытал победный восторг. Он стоял на вершине с антенной, как Егоров с Кантарией! «Весь мир на ладони, ты счастлив и нем...»

Их разбудили старые добрые марши. Про то, как утро встречает прохладой, про кочегаров, плотников и всякое такое... Афонин неторопливо встал с дивана и поморщился — молодежь надо звать на выборы новыми ритмами. Он попытался

вспомнить подходящую мелодию, но в голову лез не самый современный шлягер про «три кусочека колбаски»...

Внизу уже ждали кандидата стилист, гример и парадный костюм. А через час Афонин должен предстать перед телекамерами на центральном участке. Надо проголосовать и при этом сказать что-то яркое про народное благо, про гадких олигархов и про утрату моральных основ.

Перед уходом из штаба Афонин обернулся к Бублику и произнес:

— Начинай работать, Борис Трофимович. Электорат уже к урнам потянулся... Сегодня наша судьба решается — и моя, и твоя!

Это было сказано красиво и вдохновенно.

Бублик приободрился... Понятно, что он любил жизнь, любил деньги, любил общаться с девушкой по имени Василиса. Но это были побочные радости. Удовольствия второго сорта! Больше всего его волновал научный успех. Ему нравилась всемирная слава. Ему хотелось изобрести такое, чтоб круче, чем на Нобелевскую премию... И вот час настал!

Борис сел за стол, надел наушники с микрофоном, подсоединил куда-то антенну и открыл кейс с экраном и клавиатурой. Он начал давить

на кнопки с такой же яростью, как Курчатов при испытании первой бомбы... А что? При полном успехе он вполне может войти в пятерку самых великих. Очень даже неплохая компания: Ньютон, Эйнштейн, Королев, Курчатов, Бублик...

Лубяко был рядом, но думал о бытовухе... Война войной, а завтрак готовить надо!

Он заваривал кофе, резал колбасу и думал о приятном... Вот станет Афонин мэром, а управлять делами будет он, Егор Лубяко... Через год с помощью Бублика они прихватят пару крупных банков и переедут в Москву в качестве министров или спикеров... А потом он заберется так высоко, что выше некуда...

А Борис Трофимович не мечтал, а работал. Он сидел над клавиатурой и голосом гипнотизера шептал в микрофон: «Мне нравится Афонин. Только он мой кандидат. Лишь он даст мне все, что я хочу... Надо голосовать за Афонина. Он сделает меня богатым. Он даст мне кучу денег. Целый мешок долларов. Или два мешка...»

В городе было пятнадцать избирательных участков — не много, но и не мало. К полудню потянулись пенсионеры и домохозяйки.

Лубяко направился к соседней школе. Плакаты с ликами кандидатов были сорваны еще вчера.

Уже сутки народ жил без агитации.

Люди шли не толпой, а редкими группами. Выходили с участка с другой стороны, и Егор пошел туда. Ему очень хотелось зафиксировать хоть один случай голосования под знаком Бублика.

Народ выходил молча, как после исповеди. Если и говорили, то о конфетах и пряниках. О чем угодно, но не о деле... Лубяко ждал час, а упорным всегда везет.

Из участка вышла пара средних лет и очень среднего достатка. Вроде как инженер с учительницей. Она была возбуждена и все еще пыталась доказать, что нынешние большевики — это лучше, чем все остальное. Она приводила в пример своего папу с маленькой пенсией и маму с мизерным пособием. Ее муж помолчал и вдруг сознался:

— Ты знаешь, Маринка, а я за Афонина голосовал.

— Как так, Вася?.. Мы же обсуждали. И папа нам все разъяснил.

— Сам не знаю, Марина. Подошел к школе, а внутренний голос говорит, что Афонин лучше... Он нам даст много денег, мешок долларов.

— Ты что городишь, Василий? Афонин тебе даст? Этот бан-дюган беспробудный только воро-

вать умеет... Нет, я сейчас папе позвоню!

И она позвонила! Достала сотовый и прямо со ступенек школы сообщила отцу о политической ошибке мужа. Заложила его, как Павлик Морозов... Разговор длился две минуты, но Лубяко заметил, что мадам Марина затихает. Глазки потухли и перестали искриться.

— Отец сказал, Василий, что ты не прав!.. Но я подумала и решила, что надо было и правда за Афонина голосовать. Он такой добрый, такой милый... Внутренний голос мне подсказывает, что он действительно даст нам по мешку долларов. Или по два...

Лубяко глянул в глаза двум этим зомби, и его начал бить колотун... Это страшно, когда нормальные люди вдруг превращаются в болванов, в тупых кур на насесте, в баранов перед закланием.

Егор двумя пальчиками вынул из кармана мобильник. Он хотел зашвырнуть его подальше, но пожалел — отключил вызов и засунул на дно сумки. В самый дальний угол...

Как представитель штаба, Лубяко весь день мотался по городу. Кустарные опросы на выходе с участков давали странную картину: Афонин громогласно лидировал в центре. Там, откуда

просматривалась башенка со шпилем, куда дрожащий Егор вчерашней ночью прилаживал антенну...

В семь вечера выборы продолжались, хотя пик голосования прошел. Все готовились закрываться и считать голоса... В штабе Афонина готовились к банкету.

Еще три дня назад добрый Владимир Викторович сообщил, что пьянка состоится при любом раскладе. Победим — пьем шампанское с радости, проиграем — зальем горе водкой... Организаторы заготовили оба продукта, понимая, что к утру ни одной полной бутылки не останется. Ни того, ни другого...

Лубяко поднялся в зал на третьем этаже. Там сидел все тот же Бублик во все той же позе. Он склонился над ноутбуком и монотонно повторял в микрофон: «Только за Афонина! Это классный мужик. Все встаем с диванов и бежим голосовать... С Володей все станете богатыми. Он всем даст денег! Вот лично я уже получил аванс. И не маленький...»

14

Очевидно, Кремль не сразу врубился в ситуацию.

За последние годы страна потеряла сотни тысяч секретов. И умные мозги текли на Запад не тонкой струйкой, а бежали рекой. Лились, как Волга полноводная... А тут один-единственный прибор свистнули. Да еще пропал какой-то Бублик из Ветлуги. В масштабах России это пустяк. Ну, хорошо — два пустяка.

Когда на выборах победил Афонин, то наверху раскинули мозгами и сообразили, что грядет катастрофа. Кто-то даже предложил провести в Ветлуге полную зачистку. Объявить, скажем, что в городе птичий грипп, провести массовые обыски и выколупнуть Бублика с его прибором... А Афонина, как единственного заразившегося, отправить лечиться за Байкал.

Генерал Тимур Вершков с трудом убедил, что Служба особого назначения справится чисто и быстро. Как говорится — без шума, пыли и вирусов с крылышками... В Ветлуге работает бригада самого Павла Муромцева! А он не только кейсы находил!

Паша не знал, что его персону обсуждают так высоко. Все его сотрудники третий день искали любовника Риты Сидоровой. Тот, который с украинской фамилией — на «л» начинается, на «о» заканчивается. Не хохол, а какой-то неуловимый Джо.

Правда, установочные данные этого парня нашлись быстро. Егор Лубяко действительно в начале лета устроился в охрану коттеджей на берегу Оки. А десять дней назад скоропостижно уволился. И не осталось никаких концов — ни прописки, ни телефона, ни фотографии в личном деле...

Паша чувствовал, что Маргарита что-то ему недоговаривает. Она одесситка! Это очень хитрые создания. Своенравные, упертые и болтливые, где не надо. А где надо — скрытные сверх меры... Правда, и москвички такие же...

Вспоминая глаза этой королевы Марго, Муромцев почувствовал, что поспешил. Поторопился потому, что испугался. Генеральша прямо намекнула на совместную ночевку, и он постарался тихо слинять... Дурак! Мог бы и потерпеть одну ночь. Ведь самое важное для оперативника — информация, а не моральные принципы.

После выборов Паша решил нагрянуть к Мар-

гарите внезапно и взять ее на абордаж. У него просто не было другого выбора.

Он бросил машину в овражке за километр от коттеджей. К цели Муромцев пробирался по влажному берегу реки. В трех метрах справа был обрывчик, а в двух метрах слева в тихой воде плескалась рыба. Иногда гладкую поверхность волновала стайка мелочи, иногда громко шлепал хвостом лещ или голавль... Паше захотелось бросить все и взять удочку. Захотелось сесть здесь в телогрейке и в соломенной шляпе. И чтоб рядом костерок и палатка.

Муромцев шел, увязая в прибрежной грязи... А вот и забор, который спускается к самой воде... А вот и дырка в заборе, которая удобна всем. Потому этот проход широк и больше похож на калитку.

Еще сто метров вдоль берега — и можно подниматься к дому генерала Сидорова. Муромцев наверняка знал, что до вечера хозяина не будет дома.

Он шел от реки, не скрываясь. Шел в полный рост, как белые офицеры шли в психическую атаку.

Рита была на балконе. Она, конечно, увидела его, сбежала вниз и выскочила на крыльцо. Паша даже не удостоил ее взглядом. Он поднялся

по ступенькам и двинулся вперед в гостиную, оставляя за собой мокрые следы с ошметками травы и грязи.

У камина он развернулся и сел в пышное кресло из натуральной кожи. Рита даже не пыталась возражать. Она как-то прибалдела. Внешне действия Муромцева выглядели как хамство. Но в его осанке, в его взгляде ощущалась мужская сила и страшная крутизна.

Королева Марго даже не села в соседнее бежевое кресло. Она стояла перед Пашей, как лакей перед барином... Нет, натурально — у Риты была поза типа «чего изволите?».

— Значит, так, гражданка Сидорова, которая в девичестве Довгань. Значит, так. Нам стало известно, что в прошлый раз вы не все сказали.

— А что я такое не сказала?

— Очень многое... Даю тебе, Рита, последний шанс. Говори все и чистосердечно! Хватайся за соломинку!

— А с чего начинать?

— С самого главного.

— Это с фотографии, что ли?

— Именно с нее!

Понятно, что Муромцев понятия не имел, что существует какая-то важная для дела фотография.

Но он держал марку! Паша понял, что схватил удачу за хвост, и упускать ее не собирался. Он играл гениально и с удовольствием.

А Марго пошла к шкафу и вынула большую коробку с предметами для рукоделия. Очевидно, там был тайник. Этот сундучок — такая вещь, куда генерал Сидоров не полез бы никогда. Со дна Рита достала пару фотографий.

— Только мужу это нельзя показывать. Я здесь не совсем одетая... Вот это Егор. А это я. Только ты, Паша, не смотри сюда — я стесняюсь.

— Я на работе, Риточка. Ты для меня свидетельница. Хотя и очень симпатичная... А где вы снимались? Я не узнаю комнаты.

— Так это не здесь. Это на квартире у Егора. Он в центре снял трехкомнатную.

— Так ты была у него?

— Даже два раза... Но согласись, Павлик, я не могла об этом сказать. У меня на фото такой вид, что хоть стой, хоть падай. Просто кошмар!

— Да, чистая мыльная опера... Говори адрес этого гада!

— Откуда я знаю адрес? Я ему писем не писала... А так найти могу. И дом помню, и этаж, и все остальное...

Они наспех перекусили. Рита переоделась, а

Муромцев почистил обувь. Через час они уже мчались к Ветлуге.

Дом Егора Лубяко был в старой части города. Фасад кирпичной четырехэтажки не выходил прямо на улицу. Перед подъездом был палисадник, газон с обломками фонтана, а вдоль тротуара шел забор чугунного литья.

Свой приметный красный «Рено» Павел оставил в ближайшем переулке. Они с Ритой шли как влюбленные, обнявшись и низко головы наклонив. Это для конспирации. Брать Лубяко надо тихо, аккуратно и невзначай. Но это Муромцев думал о секретности операции. А Марго радовалась поездке в город. Она старалась приподнимать брови и поглядывать по сторонам то правым глазом, то левым. Вот он дом, где она провела приятные часы. Вот палисадник с разрушенным фонтаном. Вот калитка в чугунном заборе. А вот из нее выходит сам Егорушка.

Рита вывернулась, рванулась вперед и пулей проскочила тридцать метров.

— Здравствуй, Егор! А мы тут к тебе приехали... У Павла очень важное дело. Он уже три дня тебя ищет.

Реакция у Лубяко была отличная. И его машина стояла в удобном месте. Он отпихнул Маргариту

и в три прыжка добрался до руля своей «Хонды».

Шансов не было, но Муромцев побежал в погоню. Почти догнал! Но Лубяко-то был на колесах — он вдавил педаль газа и улетел, обдав Павла газами и мелким гравием.

На обратном пути удалось схватить обиженную Маргариту за руку и потащить к красному «Рено». Тот завелся мгновенно — без слов и обещаний!

В центре города невозможно догнать машину, не зная, куда она поехала. За эту минуту «Хонда» могла три раза повернуть налево и встать между домами во внутреннем дворике. Вот и догоняй ее после этого! Ищи-свищи!

Очевидно, Рита заметила растерянность на лице Муромцева. Или заметила, или ощутила — женщины такие вещи нюхом чуют!

— Я думаю, Паша, что этот хам поехал за Черное озеро... Он как-то проговорился, что у него есть босс, а у того тайная дача за Черным озером.

— А почему дача тайная?

— Потому что она для всяких секретных дел... Егор намекнул, что после выборов он будет жить только там.

— После выборов? А кто этот босс у Лубяко? Уж не Афонин ли?

Муромцев не стал слушать ответ. Он рванул

машину вперед. Он мчался красиво, как на празднике отчаянных гонок.

Уже далеко за городом на прямом Заречном шоссе они увидели хвост «Хонды». А еще через пять минут просто сели на этот хвост.

Паша вытащил пистолет и протянул его королеве Марго.

— Я выскочу на встречную полосу, поравняюсь, а ты стреляй по колесам... Ты, Рита, в шину сможешь попасть?

— Смогу!.. Только на что здесь надо нажимать?

Лубяко давно уже заметил погоню. Не дожидаясь обстрела, он свернул налесную дорогу. Там впереди маленькая полянка и там должна быть засада в кустах — пятеро ребят на двух джипах...

Он позвонил на дачу еще в Ветлуге. Егор понимал, что парень, который гнался за ним по булыжной мостовой, очень упорный и упертый. Такие не отступаются. Позвонил на дачу и договорился с охраной Афонина о деталях засады.

Перед поляной «Хонда» сбросила скорость и плавно свернула на небольшую лужайку посреди леса. Муромцев повторил маневр, понимая, что Лубяко сам залез в капкан. Но зачем? Судя по отзывам Риты, он — кто угодно, но не идиот.

Над этим парадоксом Паша размышлял не

больше трех минут. Все стало ясно, когда появились два черных джипа, которые напрочь заперли поляну.

Вылетая из машины, Муромцев вспомнил, что не включил тревожный маяк и никому не позвонил в ходе погони. Теперь его будут искать долго.

Паша рванулся к «Хонде», пытаясь взять Лубяко в заложники. Но ребята из джипов тоже были шустрые. Один из них в прыжке дотянулся до бегущего сыщика, и Муромцев позорно упал, уткнувшись лицом в колесо «Хонды»... А почему Рита не стреляла в эту шину? А где пистолет? Это он так у нее и остался?

Рита вывалилась с сиденья и под прикрытием красного «Рено» поползла в лес. Земля была холодная, влажная, и казалось, что в траве полно мышей и жуков. Пистолет мешал, но она не выпускала его из руки. Вот и первое толстое дерево. А за ним куст орешника с пожухлой красноватой листвой.

Она встала и посмотрела туда, откуда доносились воинственные крики. Это у «Хонды» Паша воевал с ребятами из черных джипов. Все они были в одинаковых комбинезонах и с короткими стрижками под братву.

Марго ощутила гордость — ее Павел разбрасывал этих бойцов, как тигр мартышек. Правда, он был один, а этих макак пятеро. Они висли на руках, на ногах, на шее. Тут никак не справиться без помощи... Без ее помощи!

Она вышла из-за куста и заорала что-то грозное, типа: «Сдавайтесь, гады! Дырку от бублика вы получите, а не Муромцева...» Потом Марго направила пистолет в крайнего нападавшего, зажмурилась и нажала на спусковой крючок.

Оно выстрелило! И как громко! Громче, чем со всего размаху молотком по пустой железной бочке. А еще в нос пахнул сладкий аромат пороховых газов.

Рите понравилось. Она открыла глаза и увидела, что комбинезоны разбегаются. Она прицелилась еще в одного, снова зажмурилась и нажала на спусковой крючок... Опять громко бабахнуло!.. Потом еще, еще и еще!

После восьмого выстрела такой послушный пистолет перестал повиноваться. Верхняя железка откинулась назад, и впереди неприлично оголился круглый ствол — тонкий, как ее мизинец.

А на поляне слышался стон и мат... Сообразив, что «у девки патроны кончились», братки продолжили вязать Муромцева, а один побежал к

Маргарите... Это был ее первый в жизни нокаут! Очень, надо сказать, неприятная штука.

Через час перевязали раненых и завершили беспрерывные перекуры. Из восьми пуль только две попали в цель. И обе — в мягкие части тела.

Пашу сразу загрузили в багажник, а спеленатая Марго сидела у джипа и наблюдала за перевязкой. Который был с дыркой в плече, вел себя гнусно! Он все время ныл и звал какую-то Свету. Ну совсем не как мужчина.

Второго Рита ранила в верхнюю часть бедра. Парень вел себя мужественно. Он оголился прямо перед ней и терпел, пока кровь смывали водкой... Картинка не из приятных! В принципе, Маргарита любила голых мужчин, но не с простреленным же задом...

15

Результаты выборов объявили во вторник. И сразу на Афонина полился шквал телефонных поздравлений. Все хотели пораньше вручить букет и сувенир из бронзы или малахита.

Будущий мэр принимал в штабе на улице Героев Перекопа, дом номер девять. Здесь центр города. Здесь под боком Бублик со своим кейсом. И здесь антенна, которую Лубяко прицепил к самой верхушке высокого шпиля над башенкой...

В среду утром Афонин передал Бублику список фамилий с должностями и суммами. Под первым номером значился тихий еврей Картавин Марк Захарович. Это был олигарх местного розлива. Он владел ветлугинским мясокомбинатом с фирменным названием «Басово». Производство развивалось, но вяло. Хозяин имел большие прибыли, но не огромные. Поэтому напротив этого пункта будущий мэр скромно проставил — 50 тысяч у.е.

Букет Марк Захарович заказал в Москве. Получился огромный диск из роз, но в цветах национального флага. С белыми и красными проблемы не возникло. А вот синие розы были

какими-то бурыми с легкой голубизной. В качестве сувенира для мэра Картавин выбрал кинжал в ножнах и в деревянной шкатулке. Клинок из дамасской стали. Без золота и бриллиантов, но с витой серебряной нитью, с бирюзой по всему полю и янтарем в рукоятке.

За час до встречи с будущим мэром Марк Захарович по сотовому телефону позвонил жене. И вот с этого момента ему начало казаться, что он несет не те подарки... Или так — те, но мало! Надо бы добавить еще 50 тысяч баксов.

Внутренний голос просто схватил Картавина за горло, и не очень щедрый еврей лично пошел в банк и снял сумму, подсказанную интуицией. Для главного колбасника города банкиры постарались. Они сделали все быстро и выдали пачки с новыми хрустящими купюрами. Спасибо финансистам! Надо будет — и он для них постарается.

Марка Захаровича сопровождали две девушки — одна для букета, другая для кинжала. Обе были рослые, краснощекие, мясистые. Таких большинство на комбинате «Басово». Хозяин подбирал под свой вкус.

На каждый визит Афонин выделил пять минут. На первой минуте мясник произнес много сладких слов. На второй проходило вручение

букета и целование мэра девушками. На третьей — дарение кинжала и напутствия про острый ум, про крепкую руку и про «смерть врагам».

И тут вдруг Картавин предложил девицам удалиться: «Мне надо с Владимиром Викторовичем пошептаться». Крепышки, похожие на пингвинов, упорхнули без звука.

Марк Захарович скромно посмотрел в потолок и произнес:

— Я решил, уважаемый мэр, на благотворительность потратиться. Прошу принять от чистого сердца.

— Я пока не мэр, но если от сердца, то можно... Там на приставном столике конверты подготовлены. Напишите, что это от вас для детского дома... Написали? Вложите сумму и там оставьте... Спасибо, Марк Захарович. Сиротки вас не забудут...

Девушки ждали шефа в машине. Они ждали похвалы, но Картавин молча плюхнулся на переднее сиденье и замер, как наркоман в полной отключке... У него действительно были стеклянные глаза, но мысли чуть шевелились... «И зачем я деньги ему принес? Это у меня начало сносить чердак! Правильно считают, что настоящий еврей к старости должен или свихнуться, или

сбрендить... Шут меня знает, что со мной! Но если я рассуждаю, то значит, я еще не спятил! Так, легкий заскок. Ум за разум зашел...»

А в это время к Афонину зашел второй посетитель с восточной улыбкой и с похожим букетом. Это был местный строитель элитного жилья. Он тоже вошел к будущему мэру со стеклянными глазами и тоже предложил круглую сумму — на строительство православной церкви.

Владимир Викторович даже опешил. Весь город знал, что кавказец Гасан Акмеев правоверный мусульманин. И вдруг — деньги на храм... Только потом Афонин понял, что это не шутки Бублика, а его научный эксперимент. Надо же знать пределы внушаемости.

Третьим пришел местный банкир. Он тоже пожертвовал на добрые дела, но в два раза меньше, чем ему внушалось. Финансисты — они скряги! Этих не пробить никаким гипнозом.

Потом приходили от местного рынка, от автозаправок, от мебельной фабрики, от здешнего суда и УВД.

На всякий случай Афонин ни до одной купюры не дотронулся. К концу дня он вызвал Лубяко, который все пожертвования небрежно сгреб в спортивную сумку. Они прихватили Бублика и

поехали на тайную дачу, что за Черным озером... Это у Сталина была ближняя дача и, стало быть, дальняя. А у Афонина — гостевая и тайная.

В машине Бублик примостился на заднем сиденье и задремал. Но сквозь сон изобретатель услышал такое, что не должен был слышать. Лубяко и Афонин обсуждали каких-то пленников. Что правильней — мочить их или не мочить?!

— Я не пойму, Егор, ты их сам допрашивал?

— Обижаете, шеф... У меня до сих пор напряг во всех членах. Я провел четыре ночных допроса. По всем старым правилам — наган на стол и настольная лампа в морду.

— И что?

— А ничего... Оба говорят похоже, но не одно и то же. Парень заявляет, что он из группы частных сыщиков. Их, мол, вызвал генерал Сидоров для поиска любовника его жены.

— Я не понял, Егор. Какого любовника?

— Меня!.. А Ритка сознаётся, что он все про Бублика спрашивал... Что с ними делать, шеф? Отпускать нельзя, а мочить не хочется.

— Вот и подержи их, Егор, в подвале, пока я присягу не приму. А потом мы устроим им что-нибудь хитрое. Обоих или за наркотики посадим, или за терроризм.

Бублик сидел тихо, делая вид, что спит. Его не очень волновала жена генерала Сидорова, а тем более неизвестный сыщик из Москвы. Его тревожили методы действий Афонина с Лубяко. Если так дальше пойдет, то они и его упрячут в подвал. Или еще глубже... Надо бежать! И без Василисы как-то скучно...

За Черным озером Бублика «разбудили». Афонин был возбужден и торопился обсудить результаты работы.

Тайная дача напоминала сказочный терем. Только подвал в ней был из кирпича и бетона, а остальное из тесаных бревен, резных наличников и других деревянных завитушек.

Все было новое, и внутри пахло краской и сосновой смолой. Полы и лестницы из мореного дуба скрипели при каждом шаге.

Наверху, в кабинете с пустыми книжными шкафами, Афонин забрал у Лубяко сумку с добычей. Это оказалось приятной работой — доставать плотные бумажные конверты и выбрасывать их содержимое на круглый стол в центре комнаты. А сами пакеты мять и бросать в камин.

— Ты молодец, Борис Трофимович! Что ты внушал, то они и делали. Но на два-три дня надо притихнуть. Неизвестно, что эти поздравители

сейчас делают. Они могли так сойти с катушек, что до сих пор в нирване пребывают.

— Я не понял, это всем притихнуть или только мне?

— Только тебе, господин Бублик! Тебе и немножко Лубяко. Но ему возможна охота-рыбалка, а тебе из дома ни шагу ногой... Я тебе обещал много денег?

— Обещали, Владимир Викторович.

— Бери! Вот тебе пятьдесят тысяч баксов. Это десять твоих годовых зарплат... Обещал деньги — возьми! Но свободу мы тебе не обещали. Так что посиди, Борис Трофимович, под домашним арестом. Не обижайся, брат!

— Мне можно наверху или в подвал спускаться?

— Лучше бы в подвал. Но там занято. Там более важные персоны.

16

Генерал Сидоров прямо в своем кабинете устроил представление. Это было что-то вроде истерики, но в суровом мужском варианте. Без визгов и рыданий!.. Дмитрий Дмитриевич кричал, дрожал всем телом, хватался за сердце и бегал из угла в угол, как бурундук в клетке.

Все понимали его и даже сочувствовали. Если бы у мужика просто исчезла жена — это горе, но не беда. Но когда ее увел молодой майор Паша Муромцев, то тут катастрофа личной жизни. Это явный повод прыгать бурундуком.

Специально приехавший из Москвы полковник Потемкин пытался неуклюже успокоить:

— А может быть, их похитили разные люди. И держат сейчас в разных камерах... В одном месте Пашу, а в другом — жену вашу.

— Разные люди? Ха-ха! Охрана видела, как они вдвоем бежали вдоль берега. Туда, где стоял его красный «Рено»... Не в камерах они сейчас, а уже в Одессе. Там у моей Риточки есть домику моря.

— Но купаться уже нельзя — море-то холодное... Что им делать в этом домике?

Генерал просто завыл от злости на весь мир!

И особенно на туповатого Потемкина. Или он издевается, или у мужика нет ни капли воображения... И действительно — что молодой паре делать в домике, если море холодное?

Кузькин, забыв про субординацию, начал поправлять начальство:

— Про Одессу даже не думайте, товарищ генерал. Я Муромцева знаю как себя. Он женщин любит, но на вашу жену Паша бы не позарился. Согласитесь, что она не Венера. На всех ее фото — образ ниже среднего уровня. Просто тихий ужас... Следует вывод — их украли! И бежали они по бережку не к машине, а от врагов. От кого? Вот в чем вопрос!.. Афонина бы пощупать, так нельзя — он теперь мэр. Народный избранник.

— Пока он присягу не принял, он еще не мэр.

— Намек понял, товарищ генерал... И не волнуйтесь вы так. Найдем мы вашу жену в целости и сохранности. Это я вам говорю — Лев Кузькин.

Полковник Потемкин уехал устраиваться в гостиницу. Из-за общего стресса, шока и транса он был не в состоянии руководить. А кот из дома — мыши в пляс! В том смысле, что без руководства у подчиненных начали возникать дикие мысли... Ирина Багрова предложила штурмовать штаб Афонина.

— Ты пойми, Лев, если Павла и эту девку держат в городе, то это в подвалах штаба.

— Возможно, ты и права.

— Я всегда права!.. Нас трое. Хилькевич блокирует вход. Я вырубаю охрану и лечу в кабинет Афонина. А ты, Лев, вниз. Там нужна мужская сила — замки вскрывать.

— Возможно, ты и права... Вот какие у тебя основания считать, что будущий мэр тут при делах? Только одно — фраза про дойную корову. Бублик сказал ее Василисе, она Вадиму, Вадик — нам... Это не улика! С похищением Муромцева это связано, как бузина с дядькой.

— С каким дядькой?

— С тем, который в Киеве. А бузина — в огороде... Надо, Багрова, знать народный фольклор... У меня против Афонина есть более весомые аргументы. Вот газета, а вот карта Ветлуги.

Троица склонилась над столом. Кузькин брал из газеты данные по выборам, рисовал на карте кружочки и вписывал туда циферки. В результате получилось, что на пяти участках, которые были близко от штаба Афонина, за него проголосовало три четверти избирателей. На тех, которые чуть подальше, — половина. А на дальних окраинах Ветлуги — всего четверть.

Кузькин зарычал, как лев, и хлопнул ладонью по столу:

— Это же просто тихий ужас! Что хотят, то и воротят!.. Тут у них на штабе шпиль низкий. А если Бублик подключится к Останкинской башне, то он сделает Афонина мэром Москвы?.. Потом они могут и в мировом масштабе! Даже страшно становится... Тут будешь спрашивать шепотом: «А что потом, а что потом?..» Значит, так! Всем проверить оружие! Начинаем обыск со штаба. Потом рванем на квартиру Афонина. Затем на его дачу.

— А ордер на обыск?

— Ты что, Ирина, не поняла? Мы сейчас демократию спасаем! А ты о формальностях...

Каждый поехал на своей машине. От этого не стало больше народа, но психологически было спокойней. Три авто значительно сильней, чем одно!

Еще недели не прошло после выборов, а дом номер девять на улице Героев Перекопа опустел. Из штаба Афонина вывезли оргтехнику и самые ценные вещи. Охрана стерегла плакаты, три кадки с пальмами и мебель в пустых кабинетах.

Кузькин даже не стал доставать документы. И говорить ничего не стал. Он просто распахнул

входную дверь и ворвался в холл с видом победителя. Прямо как Жуков в Берлин!

Проходя мимо поста охраны, Лев небрежно бросил: «Эти со мной...» Багрова и Хилькевич шли сзади, напоминая адъютантов маршала.

Давно замечено, что собаки кусают лишь тех, кто их боится, и догоняют лишь тех, кто убегает... Вот так и вахтеры — они проверяют пропуска только у тех, кто их предъявляет. А кто с орлиным взглядом ломится «грудью вперед бравой», то тот, очевидно, имеет право и так пройти.

На третьем этаже были открыты все комнаты. Самая шикарная мебель была в зале, выходившем на фасад. Как раз наверху башенка, на которой купол, на котором шпиль...

Кузькин распахнул дверь балкона, и все трое вышли на это красивое, но ветхое сооружение. Возле чугунной стремянки, ведущей на крышу, валялся моток провода. Один его конец тянулся наверх. Если отойти к самому краю балконной ограды, то можно увидеть, что на шпиле прикручена лохматая антенна.

Вот теперь вообще никаких сомнений не оставалось. Все трое четко представляли, как в день выборов над кейсом сидел Бублик и заставлял народ голосовать под свою дудочку. Прямо как

Нильс, ведущий крыс в море...

Они завершали осмотр второго этажа, когда вдруг появился охранник. Он обратился к Кузькину робко, понимая, что делает огромную глупость:

— Простите, а вы из какой организации?

— Мы, друг, не из организации. Мы сами по себе... Я покупаю этот дом! Вместе с башенкой и подвалами!.. Здесь есть подвалы?

— Есть! Но они заперты.

— Ключи найдешь? Тогда веди нас, цербер. Вперед, наш аргус... Это я по-латыни говорю. Тебе не понять.

Охранник имел лакейскую душу и бегал, стараясь угодить покупателю дома. Подвалы были хорошие. В них было много хлама, но Муромцева там не было. Как и генеральши Риты Сидоровой.

Намекнув на хорошие чаевые, Кузькин узнал у «цербера», что городской квартиры Афонин пока не имеет, а живет или в шикарном коттедже рядом с поселком Уварово, или в уютной даче за Черным озером.

Уварово не было элитным поселком. Но забор в особняке Афонина был похож на Великую китайскую стенку. Даже хуже — здесь имелась сигнализация и колючка в три ряда, а там — нет.

Кузькин нашел холм с видом на поляну, усадил всех троих и объявил «совет в Филях».

— Значит, так, ребята. Если мы не находим решения, то через час я еду в Москву. К вечеру возвращаюсь с динамитом и дымовыми шашками... Забор взрываем одновременно в трех местах, и каждый бежит к подвалам, разбрасывая дымовухи... Успех нам обеспечен, потому что они обалдеют от нахальства. Мы такого натворим — просто тихий ужас!

17

Паша Муромцев лежал с девушкой на кровати. Такое бывало и раньше, но впервые в жизни он был недоволен этим положением. Никому из охраны неохота сидеть в подвале. Поэтому они связали пленников по всей форме и пошли наверх.

Маргариту они опасались меньше — ей связали ноги и руки за спиной. Скрутили и положили на койку рядышком с Павлом, который лежал на спине навытяжку. Ему закинули руки за голову и примотали к верхней кроватной спинке, а ноги соответственно к нижней...

Рита могла повернуться на бок, согнуть ноги, скорчиться, а он лежал на спине, как тот оловянный солдатик. Через два часа затекло все, что могло затечь.

— Нам, Рита, надо бежать!

— Хорошая шутка... Если бы мы на печи лежали, то дали бы ей команду. А про кровати в сказках ничего не сказано.

— Тоже хорошая шутка... Атеперь серьезно. У тебя, Марго, зубы крепкие?

— Не жалуюсь. В Одессе грецкие орехи только

так колола... Павлик, а они нас убьют?

— Если не убежим, то убьют... Переворачивайся на живот и ползи ко мне на грудь. Ну, прямо мыльная опера получается... Коленками осторожно — не везде дави!

Ей предстояло простое действие! В обычных условиях сменить позу — нужны секунды. А тут Рита ползла, как улитка по кабачку... Два раза он пытался помочь, но только дергался и сбрасывал ее с себя.

Наконец она доползла и дотянулась зубами до узла над его головой. Дотянулась и начала грызть грязную веревку. Та вначале крепилась, потом стала лохматиться и расползаться... К концу процедуры Павел начал натурально терять сознание. Он задыхался — довольно плотная одесситка лежала сверху, а ее грудь утыкалась ему в лицо, затыкая и рот, и нос... Но всему бывает конец! Марго догрызла последние ниточки, отвалилась в сторону. Муромцев смог вдохнуть полной грудью и, вытянув вперед руки, сесть.

Остальное было делом техники. Паша долго распутывал путы на своих ногах, а потом принялся освобождать Риту. Ей пришлось лечь на живот и подставить связанные за спиной руки.

Эти гады-охранники его вязали толстыми

жгутами, похожими на скрученные бинты. Маргарите, как женщине, достался тонкий цветной шпагат. Множество завязок, и каждая из них — гордиев узел. Муромцев старался как мог. Он распутывал, растягивал, разгрызал веревки.

Вероятно, Рита прониклась доверием и нежностью к тому, кто вызволял ее из плена. Во всех сказках освободитель получает принцессу всю целиком!.. Но пока она могла только говорить.

— Ты устал, Павлик? Я так тебе благодарна... Если мы спасемся, то я на все согласна!

— Об этом потом!.. Ты лучше вспомни во всех деталях разговоры своего мужа и Бублика.

— Во всех деталях я и не знаю. Я же не постоянно подслушивала, а так, от случая к случаю... Последние два раза Бублик приходил с чемоданчиком, в котором был прибор с гипнозом. И Дима научился управлять этой штукой.

— Так генерал умеет работать с кейсом? Никому нельзя верить... Ты почему мне раньше об этом не говорила?

— Раньше я тебе не совсем доверяла...

На этой фразе Паша разгрыз последний узел и начал разбрасывать обрывки веревок, которые разлетались по всему подвалу... Рита села, быстренько размяла руки и набросилась на Му-

ромцева, стараясь поцеловать его по полной программе. Но это у нее очень плохо получалось. Со связанными ногами она была неповоротлива и напоминала Русалочку. Да и то — без чешуи и хвоста!

Ноги они распутывали вместе, а Марго продолжала болтать:

— Я точно знаю, что Дима умеет работать на этой штуке. Я видела, как охранник Шурик пришел к нам на участок и забросил свой пистолет в наш прудик.

— А дальше что?

— Ой, Павлик, дальше очень интересно. Но совсем неприлично... Шурик разделся догола и полез в холодную воду.

— Натуральная мыльная опера!.. Так он нашел пистолет?

— Нашел... Потом Дмитрий убеждал Бублика вместе идти на Нобелевскую премию. Затем обещал сделать его заместителем министра обороны.

— А почему не министром?

— А министром самого себя... Вот тут, Паша, я очень внимательно слушала. Ведь совсем не хило — быть женой министра!.. Но этот изобретатель ни на что не соглашался. И тогда муж пригро-

зил, что отберет прибор, а Бублика заставит всю жизнь голым в пруд прыгать... Это он намекал на бедного Шурика.

— Я, Рита, намек понял... Потяни за этот конец. Порядок! От веревок мы освободились. Теперь через забор и в лес.

Их камера была довольно просторной — не меньше тридцати квадратных метров. Кроме кровати здесь были и старые шкафы, стол и всякие ведра, коробки, банки. Подвал, он и есть подвал. Куда все подваливают...

Окно было, но маленькое и наверху. Где-то под потолком.

Муромцев подтянул стол, вскарабкался и заглянул на волю. Рама была небольшая, но пролезть вполне можно. Как раз напротив подвала у забора стояла стремянка. Так все удачно складывается!

Паша нашел в углу низкую табуретку. Если поставить ее на стол, то Марго вполне дотянется до форточки... Он уже взял скамеечку в руку, когда в полной тишине послышался лязг замка. Еще несколько секунд, и дверь распахнется, а на пороге появится охранник! Или два!! Или три!!!

Муромцев метнул табурет в окошко, схватил Риту, повалил на пол и в два рывка запихнул ее под кровать. И сам залез туда же.

Они не только слышали скрип дверных петель и грубую матерщину троих охранников. Они буквально перед носом видели их белые кроссовки.

Сейчас ребята остынут и начнут обыск. Где будут искать? Это хорошо известно из серии анекдотов про «вдруг возвращается муж»... Искать будут в шкафу и под кроватью! Это точно — к гадалке не ходи!

18

С холма Кузькин заметил импортный грузовик-фургон. Мало того — это холодильник на колесах. Странная белая машина, такие здесь не ходят.

Буквально за три секунды в голове сыщика разыгралась такая дедукция, и все сразу сложилось. Даже план из трех пунктов. Лев вспомнил о присяге нового мэра. Эта самая инаугурация состоится завтра утром. Короткий фуршет будет в городе, а здесь для своих — банкет, переходящий в пьянку. И значит, элитная машина везет в коттедж закуску для торжества.

Кузькин бежал с холма, увлекая соратников. Они успели сесть в машины и перекрыть дорогу до того, как грузовичок выехал на финишную прямую. Здесь за рощей был совершен чистый разбой. Из белой машины вытащили троих ребят. У них отняли документы, фирменные бейсболки и белые халаты. Ни в чем не повинных людей оставили в глубине рощи, в наручниках, в обнимку с березами... Жалко их, но у каждого своя судьба!

Если бы привратники стали проверять документы, то всем пришлось бы туго. Особенно

Ирине с паспортом усатого грузчика Василия Чуркина. Но про эту машину все знали и ждали ее с аппетитом. Кроме того, в охране Афонина работали лохи, болваны и оболтусы.

Белый рефрижератор с деликатесами спокойно прошел линию крепостных ворот и задом подкатил к спуску в подвалы коттеджа.

Вся свободная охрана вызвалась помогать перегрузке. И ведь не голодные люди, не бомжи, не на паперти сидят, а каждому охота на халяву заныкать банку икры или ломоть копченого осетра. Не сторожа, а ворюги, хапуги и мазурики!

Под огромным домом было с десяток комнат и столько же закутков и каморок. И первое помещение — двадцатиметровый холодильник.

Кузькин сразу оценил, что перегрузка всей машины займет добрый час. Поэтому он не торопился. Начали с перекура, и ненавязчиво выяснилось, что никого из хозяев в доме нет. Наверху поварихи и горничные смотрят сериал. А внизу — четверо охранников. Один у ворот и трое вот здесь, на разгрузке.

Наметанным глазом Лев сразу определил старшего. Сорокалетний курносый добряк имел странное имя Артур. Или в честь английского короля, или в честь героя книжки «Овод». Но

там это нормально. А Артур из Ветлуги — звучит прикольно...

Перегрузка шла вяло. Кузькин уловил момент, когда двое охранников зашли в подвал-холодильник, и запер дверь. Спускавшийся вниз Артур от неожиданности выронил ящик С палками копченой колбасы — его встречала Ирина с пистолетом. А Лев с Хилькевичем подскочили с боков и заломили руки за спину.

Самый действенный допрос — это когда в первые минуты! Когда противник обездвижен и ошеломлен! И особенно полезно, если вопросы задает женщина. Ирина гневно сверкала глазами, размахивала пистолетом и скалила зубы, как дикая вампирша. И Артур сразу размяк и прослезился.

Через десять минут стало ясно, что в этом коттедже искать пленников бесполезно. У Афонина есть еще одна дача под названием «Тайный дом».

— Это не очень далеко. Это за Черным озером... Там даже есть подвал с кроватью. И никого чужих. А здесь — проходной двор. Завтра сто человек гулять будут. Какие тут пленники?

— Хорошо, Артур... Рисуй план дачи за Черным озером. Сможешь?

— Смогу... А вы меня после этого не убьете?

— Нет! Час в углу постоишь, и все.

Коттедж все-таки осмотрели. И все подвальные комнаты, и парадные залы, и баню, и гостевые спальни. Артур был прав. Это почти дворец и не самое подходящее место для пленников.

А вот «Тайный дом» за Черным озером вполне мог быть логовом Афонина.

И это недалеко. Если впереди хорошая дорога, то можно долететь за двадцать пять минут. А на трех машинах — еще быстрее!

19

Афонин был жадным и охране платил мало. Вот и шли туда лохи и балбесы. Одетые в комбинезоны с нашивками, они выглядели грозно. Но в критических ситуациях терялись и делали глупости. Муромцев был уверен, что они заглянут под кровать. Но кто-то крикнул: «В окно сбежали!» — и все стали повторять это же, добавляя матерные междометия.

И охранники в белых кроссовках побежали наверх. Туда, где лестница прислонилась к забору... Вылезая из-под кровати, Паша и Рита через разбитое окно слышали, как один охранник заорал: «Они здесь перелезли!» — и все стали повторять это же, добавляя присказки и прибаутки.

Муромцев тихо поднялся по лестнице и выглянул в коридор первого этажа — там было тихо. Марго следовала за ним и повторяла все его действия.

Павел видел, что сейчас его враг не очень хитер и не очень коварен. Его легче обмануть, чем победить в прямой драке. Они пошли на второй этаж. Кто подумает, что они добровольно пойдут в мышеловку мансарды.

Поднявшись наверх, Муромцев увидел человека, стоящего на балконе. Это была не просто фигура, а личность в комбинезоне и белых кроссовках. Парень услышал шаги за спиной, развернулся и вошел в коридор. Но там на балкончике солнце светило ему в глаза. Он видел лишь два силуэта в темном проеме. Конечно, это свои — а кто же еще!

— Мне надо было раньше на балкон выйти. Я бы точно увидел, куда они побежали.

— А почему не вышел? Ты чем занимался?

— Я изобретателя стерег!

— Бублика?

— Бублика... А вы кто такие? Вам здесь не положено...

Последние фразы были лишние. Они уже стояли рядом — на расстоянии прыжка. И Паша прыгнул! Он подмял хилого охранника, не дав ему даже чирикнуть.

Если честно, то Муромцев перестарался. Он слегка придушил парня, хотя тот и не думал сопротивляться. Пришлось не вести его в камеру Бублика, а тащить...

Паша впервые увидел знаменитого лохматого гения. Того, из-за которого весь сыр-бор в Ветлуге.

— Приветствую вас, Борис Трофимович.

— Здравствуйте... А вы кто такие?

— Мы — ваши спасители... Вы же пленник? Или вы здесь по своей воле?.. Берите, товарищ Бублик, свой знаменитый кейс и готовьтесь бежать.

— А прибора у меня нет. Его Афонин с собой возит.

— Понятно... Он сам может с ним работать?

— Ни в коем случае! Афонин с прибором, как папуас с ноутбуком.

Пленный охранник очухался, начал ныть и качать права. Типа: «Вы за это ответите! Я при исполнении, а вы сразу за горло хватать. Ведь больно».

Говорил он не зло, а жалобно, иногда всхлипывая и пуская слезу. Паша слушал все это и молча обыскивал парня.

Больше всего поразил пистолет. Он был не газовый, не пневматический, а нормальный боевой «Макаров». И при нем две полные обоймы патронов. Это если у всех охранников такие пушки, то может и маленькая война случиться. Совсем ни к чему!

Муромцев присел около парня и передернул затвор пистолета — загнал патрон в патронник. Очень неприятный звук, особенно если при этом

на тебя смотрит срез ствола со зловещей черной дырой... Охранник сразу перестал ныть. Он замер, широко раскрыв глаза и рот. Он ждал вопросов, и они последовали.

— Ты жить хочешь?

— А кто не хочет? Все хотят. Так мир устроен, что любая на-секомая от смерти бежит.

— Ну ты, блин, философ... Повторяю вопрос! Ты жить хочешь?

— Хочу!

— Будешь делать, как я скажу... Сейчас пойдешь на балкон и вызовешь старшего. Скажешь, что тебе Афонин позвонил и ждет на трубке... Все понял?

Охранник поспешно кивнул, демонстрируя полную покорность. Павел взмахнул стволом, как дирижерской палочкой, и парень встал. Еще взмах — и он пошел к балкону, постоянно оглядываясь. Последняя отмашка, и он начал кричать, вызывая какого-то Жору. Очень натурально играл свою роль. Прямо по системе Станиславского.

Жора резво поднялся на второй этаж и в коридоре у поворота налетел на элементарную подножку. Он растянулся на полу и сразу же ощутил между лопатками холодный ствол.

У Жоры была рация, и вскоре он вызвал еще

одного подчиненного, а потом еще одного... Через десять минут четыре связанных охранника сидели на полу у стенки. Четверо в комбинезонах и белых кроссовках.

Честный Жора сразу сообщил, что успел связаться с неким Лубяко, который «правая рука у Афонина». А раз о побеге известно, то вскоре здесь появятся джипы со следопытами...

Удивительно, но Бублик вел себя как-то вяло. Его освободили, а он не выражал бурной радости. Они шли к платформе пригородной электрички. Но не по дороге шли, не по тропиночке, а прямо через лес, запутывая следы.

Муромцев гнал Маргариту и Бублика, как сержант молодых десантников. Это было похоже на кросс в погоне за краповыми беретами. Они пересекали буреломы, прыгали в овраг и долго шлепали по дну ручья.

Неожиданно кончился дикий лес и началась цивилизация — развалины фермы, огородики, кучи мусора... К платформе можно было подойти незаметно. Но она была настолько пустынна, что, взойдя на этот помост, три беглеца смотрелись слишком ярко, как солисты на голой сцене. Из декораций — только скамейка в центре.

Нетрудно догадаться, что платформа имено-

валась «Черное озеро». Но не было ни билетной кассы, ни расписания.

Электричка еще не появилась, но где-то за лесом послышался ее томный гудок. И одновременно с этим приятным звуком противно взвизгнули тормоза, и два черных джипа развернулись на пыльной пристанционной площадке. Первым беду заметил Бублик. Он присел, согнулся и в таком виде доковылял до скамейки. Прилег на нее и стал неотличим от нормального бомжа.

Из каждого джипа вышло по четыре человека. Среди них были лишь двое знакомых — охранник Жора и господин Лубяко. И у всех на лицах была надменная, торжествующая улыбка. Типа того, что: «Попались, цуцики! От нас никто не уйдет».

Они двумя группами заходили с обоих концов платформы. Через минуту они сомкнутся в центре и проведут захват.

Электричка появилась вдали, но шла малой скоростью. Она причалит через две минуты, когда беглецы будут повязаны. Муромцев не хотел стрелять. Он слишком хорошо умел это делать, а у него ствол с двумя обоймами. Зачем в мирное время гора трупов?

Опять заскрипели тормоза. Паша глянул и обомлел: слева от джипов пристроились знакомые

авто — голубой «Форд» Кузькина, старый «Шевроле» Хилькевича и серенькая «девятка» Ирины Багровой.

Муромцев обнял Риту и грозно скомандовал: «Прыгай и беги к голубой машине!..» У них оставались секунды, но этого хватило.

Марго перелетела через загородку платформы и по кустам понеслась к «Форду». А Паша на бегу успел сделать четыре выстрела по колесам джипов. Он умел очень метко стрелять!

Боевики Егора Лубяко тоже начали прыгать вниз. Но они опоздали на несколько секунд. А с пробитыми шинами они опоздали навсегда. Через сто метров погони джипы сели на обода и отказались двигаться.

А в это время у платформы остановилась электричка. С шипением открылись двери. Бублик встал со скамейки, отряхнулся и юркнул в один из вагонов.

Вскоре поезд поравнялся с шоссе, по которому двигалась кавалькада из «Форда», «Шевроле» и серенькой «девятки». Они ехали спокойно — никто за ними не гнался... И за Бубликом никто не гнался...

20

Интуиция, как и зависть, бывает белая и черная. Первая та, которая рассказывает про все положительное, про все хорошее, что будет в будущем. А вторая заранее знает о полном провале любого дела.

Тимур Аркадьевич Вершков считал себя оптимистом. А кроме того, он не просто знал группу Муромцева, он курировал всю Службу особого назначения. И потому был в ней уверен.

К концу первой недели белая интуиция Вершкова начала темнеть, а после звонка из Генеральной прокуратуры все вообще стало беспросветно темным. Он позвонил Потемкину, приказал собрать всю группу и сам выехал в Ветлугу.

Если рассматривать объективно, то успехи в бригаде Муромцева были. Но Вершков и слушать ничего не хотел. Он изначально был настроен на разнос и головомойку. Он приехал не слонов раздавать, а вставлять дыни. Ребятам нужна крепкая встряска!.. Хорошая нахлобучка еще никому не повредила.

— Доигрались? Допрыгались? Я лично должен вас от прокуратуры отмазывать!.. У нас, между

прочим, правовое государство. И незачем врываться в коттедж мэра и бить его братков... В округе полно дач простых граждан. Так нет — вас тянет туда, где политики живут... Что молчите, Муромцев? Отвечайте!

— Я в коттедж к Афонину не врывался. Меня туда вместе с женой Сидорова привезли. Скрутили, как котят, и бросили на одну кровать.

— Вот эти подробности меня не интересуют!.. И как это вас, опытного бригадира, смогли скрутить? Выходит, мы не такие умные, как кажемся... Не то плохо, что вы пощипали Афонина, а то, что результат нулевой.

— Не совсем так, товарищ генерал! Результаты есть. И не такие плохие.

— Ты о чем говоришь, Муромцев?.. Или я не все знаю? Тогда докладывай, Павел Ильич. Только конкретно — без этих своих «мыльных опер».

— Понял... Доказано, что Афонин выборы выиграл незаконно. Найдена антенна на его штабе, и чем дальше от этого места, тем у него меньше голосов.

Вершков скривился, как от зубной боли. Потом вскочил и начал бегать вдоль стены. Было видно, что он распаляется, готовясь продолжить выволочку. Но вдруг остановился и сказал весьма

примирительно:

— Антенна, Паша, это не доказательство. Нам нужен изобретатель! Пусть нам расскажет, как он для Афонина гипнотизировал народ. Нам нужен Бублик, а он от вас укатился.

— Да, он от нас ушел. Но он ушел и от мэра... Сейчас прибор у Афонина, но теперь это как пустой ящик. А значит, противник будет искать Бублика. И мы будем искать... Кто найдет первым, тот и победил.

Муромцев затих, и в кабинете повисла тишина. Каждый хотел предложить свой способ поимки беглого гения, но после генеральского разноса головы работали плохо. У всех, кроме самого Вершкова. Он и предложил первый план:

— Я слышал, что у Бублика была невеста по имени Василиса. И мне говорили, что он к ней имел серьезные намерения. Он даже копил деньги на свадьбу. Оттого, возможно, и продался Афонину... Я прав, Павел Ильич?

— Все верно, товарищ генерал.

— И мне доложили, что криминалист Хилькевич установил с этой Василисой тесный контакт... Установили, Вадим Иванович?

— Установил. Но не такой уж тесный! Чистая дружба, и никакой другой близости.

— Это вы все успеете... Я предлагаю поселить Хилькевича с Василисой в квартире Бублика. Будем ловить на живца.

План был нормальный, но Вершков не знал всех тонкостей... Ирину Багрову не зря называли Багирой. Это не только из-за созвучия фамилии. Это из-за упорного характера — раз она положила глаз на Вадика Хилькевича, то уж своего не упустит.

Багира резко встала. Отодвинутый ею стул покачнулся и с грохотом завалился на спинку.

— Я против, товарищ генерал! Нам нельзя опускаться до сводничества... И вообще — эта Василиса конопатая, толстая и наглая.

— Согласен с вами, Ирина Романовна. Но вы меня не дослушали. Я предложил подселить Хилькевича не одного, а с кем-нибудь из оперативников. Например, с вами... А внизу в машине две-три ночи подежурит товарищ Кузькин... Вы согласны, майор?

— А я могу не согласиться?

— Конечно, нет!

— Тогда я согласен... Всю ночь просидеть в машине — это тихий ужас!

21

Ветлуга гордилась своим театром. И это правильно — если в городе нет своего очага культуры типа музея, зоопарка или казино, то это не город, а большая деревня.

А в Ветлуге было все, включая драматический театр. Его построил местный купец Ферапонтов для своей дочки. Очень хотелось девочке быть артисткой, а папаша был добрый и прогрессивный. Он считал себя патриотом и не стал покупать театр в Лондоне, а построил его в родной Ветлуге. Все это было в тот год, когда в Одессе бузили на «Потемкине», а в Москве кидали булыжники на Красной Пресне.

Дочка Ферапонтова была вертлява и не очень талантлива, но всегда получала главные роли. А сам театр жил и развивался. Уже к Первой войне с немцами здесь сложилась отличная провинциальная труппа. При строительстве социализма театр стал замшелым и тусклым, но как-то выжил. А вот в последнее время воскрес.

Опять появились купцы с шальными деньгами, а у каждого свои девочки, которые хотят петь, играть и вести закулисные интриги. Понятно, что

в театре забыли про Шекспира, но и без Вильяма получалось ярко и весело. Как в «Сильве» или в «Мистере Икс». Некая смесь кабаре и цирка.

Бублик хорошо понимал, что ему нельзя возвращаться в квартиру на улице Мышкина, дом семь дробь три. Там его кто-нибудь, но поймает. Или этот Паша из непонятных спецслужб, или Лубяко с бандитскими замашками... Удивительно, но изобретатель любил свободу. Против белых, против красных — за вольную волю!

В Ветлуге было одно местечко, где Бублик мог надежно спрятаться. Борису Трофимовичу было далеко за тридцать пять. Почти сорок!.. Он был ученым, но он не был монахом.

Пятнадцать лет назад молоденький Бублик познакомился с костюмершей из театра. Мария Петровна в то время бежала из Прибалтики, прихватив с собой лишь загадочную фамилию Шуманас. Здесь в Ветлуге ей дали комнатку над сценой и хорошую работу с маленькой зарплатой.

Уже тогда Маша была старше Бублика на семь лет, а сейчас и того больше. С ней было хорошо. Они встречались почти ежедневно — жили и не тужили.

Борис не думал о других взаимоотношени-

ях. Мария — это старший товарищ! Это друг и, понятное дело, радость телесного общения... А появившаяся недавно Василиса — совсем другое! Это будущая семья, любовь, дети...

Костюмерша Шуманас настояла, чтоб их отношения были полной тайной. Бублик был не против — а зачем ему лишние приключения на поясницу?.. Все эти годы он бесплатно обслуживал телевизоры и другую электронику директора театра. А за это имел постоянный пропуск в храм Мельпомены.

По знакомым боковым лестницам он поднялся под крышу театра. Туда, где была уютная костюмерная мастерская и комнатка в прибалтийском стиле... Мария стояла лицом к двери и отглаживала гусарский мундир.

— Где ты пропадал, Борис? Тебя десять дней не было. А по твоему рабочему телефону говорят что-то непонятное. Про твою секретную командировку, про то, что ты заболел или сбежал.

— Все правильно... Мне, Маша, надо пожить у тебя недельку. Ты не против?

— Я не против. Я очень соскучилась... Послушай, Бублик, а оставайся здесь не на недельку, а навсегда. Или давай к тебе переедем.

— Ко мне нельзя. Меня там наверняка ждут,

как того профессора на Цветочной улице... Я тебя прошу, Мария, зайди завтра на мою квартиру и принеси кое-какие приборы, одежду и всякое такое... Только делай все, как в шпионских фильмах.

— Это как?

— Маскируйся. Обходи засады. Смотри, чтоб за тобой хвоста не было.

22

Впервые в жизни Лубяко получил солидную должность. Вчера вечером мэр назначил его своим помощником по вопросам безопасности. А сегодня утром он уже получил корочки — удостоверение с золотым гербом на обложке, с печатью, фотографией и всякими завитушками внутри.

На медленной скорости Егор ехал вдоль длинного забора фирмы «Волна». В ранней молодости он три года работал охранником на фабрике. Кто такие несуны — Лубяко не просто знал. Он их изнутри чувствовал. Эти мелкие воришки есть везде. А значит, они есть и здесь, на фирме генерала Сидорова.

В трех местах опытный глаз обнаружил подкопы под забором и тропинки, ведущие в лес. Егор отогнал машину за кусты и замер, ожидая добычу. Долго ждать не пришлось!

Лубяко заловил первого несуна, потом второго. И тут понял свою ошибку — уж слишком огромная фирма! Эти двое «языков» готовы были рассказать все, но они даже не слышали о Бублике. Они были из других отделов и из других секторов фирмы... Егор решил дождаться третье-

го и уехать. Найдутся и другие способы выхода на изобретателя кейса.

Третий появился через четверть часа. Сумрачная фигура в телогрейке и ватных штанах пролезла под забором, пропихивая вперед себя коробку. Вроде как из-под женских сапог. Там в месте пролаза не было грязно. Добрые люди еще утром постелили на дно свежий чистый картон. Фигура встала, отряхнулась и быстрым шагом направилась в лес. Коробку она несла за ручку, как удобную сумку.

Лубяко выскочил из укрытия и бросился догонять несуна. Тот услышал сзади топот и бросился бежать, очень странно виляя бедрами.

В последний момент Егор прыгнул и схватил злодея за рукав телогрейки. Они оба упали и катались по опавшей листве, как медвежата.

Наконец бывший самбист Лубяко перекинул несуна на спину, навалился всем телом и полез ему за пазуху, пытаясь нащупать документы. И нащупал!.. В последующие секунды Егор испытал крутой шок! Под ним лежала баба!.. Правильнее так — очень молодая женщина, пышущая здоровьем во все стороны. Она вяло брыкалась и пыталась укусить насильника за руку.

— Спокойно, гражданка! Я представитель мэра

города. Провожу рейд против воровства... Что у вас в коробке?

— Руку с груди убери!.. Рейд он проводит. А сам туда же.

— Дура ты! Очень мне нужно... Я за документами твоими полез. Надо же мне знать из какого ты сектора.

— Из восьмого.

— А Бублик из какого?

— Это Борис Трофимович?.. Он тоже из восьмого. Он даже из нашего отдела. Я с ним в одном кабинете сижу... Меня Катя зовут.

— А я Егор.

— Послушай, Егорушка, ты или насилуй меня скорей, или слезай. Тяжело тебя держать.

Она хихикнула и попыталась пошевелиться под ним. Лубяко сразу вскочил и тоже криво усмехнулся — совсем не по делу спрашивать о Бублике в такой позе.

Они стояли на поляне и отряхивали с одежды чистые желтые листья. А рядом лежала большая коробка, как от женских сапог с высокими голенищами.

— Я думаю, ты украла ноутбук. Угадал?.. Ох, Катерина, ты была не права! На первый раз вам, гражданка, светят три года общего режима...

Хочешь?

— Не хочу.

— Тогда выкладывай подробно о Бублике. С кем он общался, с кем жил, у кого может прятаться?

— Понятно... А я сама с ним жила. Но давно, два года назад, еще до Василисы. Мы с Борисом крепко поругались, а тут ему Васька подвернулась.

— Она его невеста?

— Вроде того. Я знаю, Егор, что в загс они еще не подавали, но жили вместе. На третьем этаже. Улица Мышкина, семь дробь три... У меня у самой от этой квартиры ключи остались. Храню как память... Думаю, что Васька и сейчас там живет. Возможно, и Бублик недалеко от своей квартиры.

— Где?

— В нашем театре. Мне Борис говорил, что там у него надежная подруга есть. Не знаю, артистка или билетерша, но точно, что она старше его и живет прямо в здании театра... Бублик о ней мельком говорил. Есть, мол, у меня такая, которой в любой момент можно на грудь поплакать.

— Значит, так, Катерина... Я отдам тебе украденный тобой ноутбук, а ты мне ключи от квартиры нашего дорогого Бориса Трофимовича. А еще ты будешь молчать о нашей встрече... Согласна?

Или три года общего режима! Выбирай — первое или второе?

— Первое! Но ключи у меня дома. Поехали скорей, пока муж на работе. Его еще четыре часа не будет.

23

Засада — очень неблагодарное дело. Хорошо, если она завершилась быстро и успешно. А так... Хуже нет ждать да догонять.

Кузькин уже вторые сутки сидел в машине и тупо смотрел на подъезд дома номер семь дробь три по улице Мышкина. Иногда он выходил, разминался или делал вид, что чинит свой голубой «Форд».

Намного лучше было Василисе — ее практически заперли в спальне, и она развлекалась женскими романами про любовь.

Ирина и Хилькевич проводили время в огромной гостиной — в этой несуразной комнате со старинной мебелью. Со стен на них смотрели фотографии всех Бубликов за последние сто лет. Тот, который с бородой, — купец какой-то там гильдии. Возможно, он прикупил для семьи и этот комод, и этот буфет, и кожаный диван с прямой спинкой... Но квартира тогда занимала весь третий этаж. Семь комнат, не считая кухни, чуланчиков и каморок для прислуги.

Ближе к ночи Ирина зажгла свечи, создавая уют. Они сели на диван с круглыми подлокотни-

ками и деревянными полочками над головой. Но душевного разговора так и не получилось. Мешали старые скрипучие пружины, выпиравшие во все стороны. А больше всего мешала Василиса. Не она сама, а факт ее присутствия в соседней спальне...

В полночь лязгнул дверной замок!

Багрова подскочила к столу, схватила пистолет и задула свечи. Потом она нащупала Хилькевича и потянула его в угол, за буфет.

Кто-то вошел, зажег свет в коридоре и начал шуровать по шкафам. Через несколько минут этот кто-то вошел в темную гостиную и начал искать выключатель. Он включил свет и сразу подставился. И главное, это был не он, а она... Вошедшая женщина стояла спиной к Ирине в двух метрах от нее.

Багрова сделала шаг и протянула вперед ствол. Он ткнулся в спину женщине, точно между лопатками.

— Руки вверх!.. Теперь два шага вперед и лечь лицом в ковер.

Женщина выполнила все и ждала, уткнувшись в грязный ворс бывшего персидского ковра. Ирина обыскала лежащую — ничего, кроме ключей и пустых сумок.

На всякий случай Хилькевич надел на задержанную наручники. Он же помог ей сесть на диван с торчащими пружинами. А Ирина начала допрос:

— Кто вы такая?

— Я костюмерша из театра, Мария Шуманас.

— Как?

— Шуманас... Это от мужа фамилия. Он в Вильнюсе, а я в Ветлуге... На самом деле я Макарова Мария Петровна.

— Понятно... Пришли за вещами для Бублика? Где он?

— Не знаю... Он очень просил не говорить, где он прячется.

— И не говорите!.. Я сейчас пошлю два десятка милиционеров на обыск всего театра. И в первую очередь будут искать в вашей костюмерной... Найдут?

— Найдут... Борис действительно у меня. Он очень напуган. Его все ищут, а он не виноват. Честное слово!

Багрова поняла, что у нее есть шанс. Если на Бублика наброситься всей командой, то он замкнется и сбежит, как сбежал от Муромцева... Если к этому гению придут две женщины, то он непременно размякнет и расколется...

Хилькевич остался стеречь Василису. И вообще — засаду никто не отменял!..

А две женщины пошли в театр.

Ирине предстояло проскочить мимо Кузькина, дремавшего в голубом «Форде». Для этого она нацепила куртку Бублика, его берет и толстые очки... Пронесло! Костюмерша прикрывала Багрову, и они проскочили во внутренний дворик дома. А там до театра рукой подать. Даже ближе!

Осенняя Ветлуга была очень неуютной. После полуночи освещение отключили. Стало сумрачно и зябко. Не холодно, но промозгло. От общей сырости стыли руки, ноги и другие части тела.

В театр вошли через служебный вход. Вахтерша открыла на голос Марии Шуманас и сразу ушла в свою каморку, где светился телевизор, издававший томные вдохи.

Во всех театральных коридорах горел дежурный свет — тусклые светильники величиной с кулак. За сценой пахло таинством и магией. Понятно, что это запахи старого дерева, лака, пыльного бархата, ржавых ступенек. Но все вместе — это неподражаемый аромат кулис.

Мария вела куда-то наверх, но не по парадным лестницам и не по запасным. Они поднимались по конструкции, больше похожей на строитель-

ные леса.

Где-то внизу просматривались декорации и всякий театральный реквизит. А они ползли по металлическим ступенькам вперед и вверх... Где-то над сценой была площадка, а за ней дверь.

Они вошли, и моментально в глаза брызнула ослепительная яркость десятка ламп. Ирина зажмурилась, понимая, что еще минуту придется привыкать к этому светопреставлению. А пока она будет слепым котенком, Бублик вполне может опять сбежать.

Пришлось начать беседу вслепую:

— Вы здесь, Борис Трофимович?

— Здесь!

— Очень приятно... Меня Ириной зовут. Вы меня не бойтесь — я ваш друг.

— Я и не боюсь. Мне надоело и бегать, и бояться... Я люблю уют и женскую ласку. Правда, Маша?

Мария подала голос, но было невозможно разобрать, что она говорит — подтверждает или возражает.

Глаза начали привыкать к свету, и первое, что увидела Ирина, — широкая кровать с двумя подушками. Ей стало жаль эту женщину со странной литовской фамилией. Наверняка Буб-

лик обсуждает с ней Василису, советуется про возможную свадьбу. Если так, то он никакой не гений, а банальный подлец. Волокита, бабник и ловелас!.. Донжуан лохматый.

Свет совсем перестал раздражать, и Багрова огляделась. Кроме того, что тут была спальня, эта огромная комната использовалась под мастерскую, примерочную и склад с десятками готовых костюмов.

Бублик не собирался бежать. Он сидел в резном кресле из старого театрального реквизита. Рядом стояло такое же... Ирина подошла и села.

— Вы знаете, Борис, что из-за вашего прибора уже погиб человек? Это бомж — его взорвали вместе с машиной и вашими документами.

— Я об этом знаю.

— Но это пока маленькие цветочки. Ваш кейс — он как атомная бомба. В дурных руках не только демократию угробит, все вокруг, в мировом масштабе... Подумайте, Борис, как нам найти эту штуку. Я знаю, Боря, что вы очень умный. Вы гениальный, Боренька!

Было смешно смотреть, как мужик млеет. Он прищурился, слушал в два уха и блаженно улыбался... Любит, гад, ласку! А кто ее не любит? Доброе слово и Бублику приятно...

— Я даже не представлял, Ирина, что все пойдет вразнос. Думал, помогу Афонину, добуду деньги на свадьбу, а потом сдам прибор Сидорову... Найти кейс можно. Смотрите сюда!

Бублик вытащил кучу бумаг и стал популярно объяснять Ирине устройство черного ящика. Кроме всего прочего внутри кейса был обычный сотовый телефон, и в момент работы по коду можно было засечь его нахождение.

Самое важное Багрова узнала в конце разговора. Говоря это, гений теребил лохматые волосы и выглядел как нашкодивший ребенок.

— Не знаю, как это получилось, но я, Ирина, вставил в кейс систему самоликвидации. Надо набрать вот этот телефонный номер, потом звездочку, тройку, решетку и код. Дальше все вспыхнет и внутри расплавится.

— А если рядом человек, он тоже расплавится?

— Не думаю! Хотя... Вы не волнуйтесь, Ирочка, до этого не дойдет. Афонин вообще боится техники. Лубяко знает лишь основы. С прибором только я могу работать и Сидоров. Но он же генерал... В последний раз Дим Димыч сказал мне, что в Москве ему за этот прибор миллиард баксов предлагали. Наверное, пошутил... Или нет?

24

Если ты скрываешься, то и твоя машина должна быть незаметной. В такую погоду самый подходящий цвет авто — мокрый асфальт. Лубяко припарковал «Пежо» на повороте перед улицей Мышкина. Яркое освещение уже отключили, и иномарка сливалась с влажной дорогой и кучами осенних листьев на бульваре.

Уже подходя к дому номер семь дробь три, Егор заметил голубой «Форд».

Кузькин поставил свою машину под единственный в округе фонарь. Даже в полночь небесная синева американской эмали сверкала во все стороны. Таких авто в Ветлуге вообще не было. Но Лубяко видел где-то этого голубого... Точно! Он стоял у платформы «Черное озеро». И на этом «Форде» бежала Маргарита со своим приятелем!

Засада опасна только тогда, когда о ней не знаешь. А Лубяко уже все понял. Он пошел к машине Кузькина не прямо, а со стороны кустов. Даже если бы Лев не дремал, он не увидел бы противника.

У Лубяко был с собой пистолет, но голый — без глушителя. Один маленький выстрел сразу раз-

будит всю улицу Мышкина. Ветлуга же не Москва — здесь редко стреляют... И потом, стрельба — это кровь. А Егор любил работать чисто.

Он под кустами подполз к «Форду» и вытащил из кармана короткую черную скалку с двумя рожками на срезе. Это то, что иногда называют словом шокер — электрошок.

Лубяко лежал у багажника, сжимая в правой руке оружие, а в левой свой сотовый телефон. Он нажал несколько кнопок, и мобильник заиграл бравый «Турецкий марш» Моцарта... Бросок! И, царапая корпус о мокрый асфальт, телефон скользнул вперед и лег в районе водительского сиденья.

Только что на улице Мышкина была кромешная тишина. А сейчас из-под голубого «Форда» неслась чарующая мелодия уроженца города Зальцбурга. Это, как минимум, любопытно! Особенно когда Моцарт играет где-то под твоей пятой точкой.

Кузькин открыл дверцу, а марш от этого стал только громче... Это более чем любопытно!

У большинства водителей под сиденьем банальная монтировка. Лев взял железяку, как булаву, и вышел наружу. Моцарт играл где-то под днищем.

Кузькин топнул правой ногой. Потом ею же пошуровал под машиной — результат нулевой! Австрийский гений продолжал издеваться, наигрывая свой старый хит с восточным колоритом.

Никто не любит полной непонятки! Это просто тихий ужас — кругом пустынно, а он играет из-под «Форда»... Лев еще раз оглянулся и для острастки взмахнул монтировкой... Пустой номер! Ни одной живой души. Ничего, кроме музыки...

Кузькин опустился на колени и принялся водить железякой под днищем. Вид у мужика стал очень модным — куртка задралась наверх, а джинсы натянулись, оголяя поясницу и чуть-чуть пониже ее...

Лубяко рванулся из-за багажника, приставил шокер к голой полосе и нажал кнопку. От разряда спина заискрилась, Лев дернулся и завалился на бок.

В инструкции шокера говорилось, что клиент очухается через четверть часа. Этого могло не хватить. А кроме того, все описание прибора было очень рекламным — таким обещаниям нельзя верить. Егор варварски оторвал под капотом «Форда» какие-то провода и ими скрутил руки Кузькина.

Хилькевич прислонил фотографию к чашке и долго смотрел, пытаясь запомнить невыразительное лицо лохматого человека. Странная личность этот Бублик! У него есть весьма соблазнительная невеста, а он прячется в театре у другой. А еще Василиса говорила, что до нее в этой квартире бывали всякие лаборантки и даже научные сотрудницы с фирмы «Волна». Почему у людей никогда не складывается, чтоб любовь случалась один раз и на всю жизнь.

Больше всего Вадим боялся конопатой Василисы, которая заперлась в спальне и до сих пор не выключила свет. Она действительно очень соблазнительная. Пусть излишне плотненькая и даже толстая... Если она поймет, что они в квартире только вдвоем, то может выйти из спальни и начать приставать.

Пусть бы поскорей пришел кто-нибудь! Или Бублик, сбежавший ото всех, как колобок. Или неизвестный Лубяко. А лучше всего — Ирочка Багрова. Она ушла так недавно, а он уже скучает... Вадим вдруг сформулировал отличное определение: любимая — это та, с которой ты не хочешь расставаться. Никогда! Ни на секунду!..

Скрежет дверного замка не испугал Хилькевича. Ведь ключи были у Ирины, а это значит,

что она вернулась... Он вскочил так резво, что опрокинул стул, на котором сидел. А на этот звук выбежала конопатая Василиса.

Вадим устремился к двери, но притормозил... В квартиру вошла вовсе даже не Ирина. И не Бублик... Незнакомый мужчина был неприветлив и насторожен. В руке у него была небольшая черная дубинка.

Василиса подошла поближе, и Вадим вспомнил, что должен обеспечить безопасность этой женщины. Он, выпятив грудь, сделал шаг навстречу незнакомцу. Если это Лубяко, то его надо задержать! И Хилькевич полез в карман за пистолетом.

Он не успел! Вошедший выбросил вперед руку с черным пеналом.

Хилькевич успел понять, что это шокер. Он даже увидел разряд. Но только в первую долю секунды. Потому что во вторую долю Вадик вырубился и свалился на пол, как мешок с чем-то мягким и теплым.

Вероятно, Василиса подумала, что она будет следующей. Ее глаза наполнились ужасом, а все тело начало дрожать и извиваться.

— Ты что дергаешься? Боишься?

— Нет!.. Немножко... Очень боюсь.

— Ты кто такая?

— Я — Василиса.

— Понятно! Ты — невеста Бублика... А кто этот, что на полу?

— Это Вадик. Он секретный агент. Но не из ментов и не из ФСБ. Он из какой-то очень специальной службы... Он очнется или насовсем?

— Очнется. Но связать его надо. Ты, Василиса, ищи веревочку и рассказывай.

Конопатая толстуха начала выдвигать ящики комода, и сразу прошел страх. А с ним и дрожь.

Между делом Василиса рассказала, что с Вадиком была некая Ирина. А затем пришла литовка — костюмерша из театра. Она сразу раскололась, что Борис у нее прячется. И вот совсем недавно эта Ирина пошла в театр «брать Бублика».

— Да, Василиса, хорошенькая у них спецслужба! Парня-лопуха оставили девицу караулить, а баба пошла на задержание мужика... Собирайся со мной, Василиса! Как говорится — с вещами на выход.

— А зачем?

— Поедем, красотка, кататься. Давно я тебя поджидал.

Когда они проходили мимо «Форда», было видно, что бедный Кузькин еще не очнулся. Он

лежал, перемотанный проводами, на полу под задним сиденьем.

Лубяко спешил, но не торопился. Он вел Василису быстрым прогулочным шагом. На мокром асфальте «Пежо» нашелся с трудом.

До театра было не более трехсот метров, но пешком они не пошли — сели и поехали.

Лубяко причалил в переулке, где склад декораций и служебные выходы. Он почему-то попросил даму пересесть на заднее сиденье. Василиса пересела.

Она уже совсем перестала бояться незнакомца. По дороге он шутил и отпускал комплименты. На темной улице Мышкина парень несколько раз пытался ее обнять и вообще давал волю рукам. Это не совсем приятно, но вовсе не страшно... Вот и сейчас, усадив Василису на заднее сиденье, он протянул ладонь и погладил ее по щеке. Потом провел рукой по шее, потом по груди... Хам!

Она думала, что это грубая эротика, а Лубяко просто прицеливался, боясь промахнуться в темноте. Через секунду он поднес к нужному месту шокер и нажал кнопку. Разряд мелькнул таинственным голубым светом. Как маленькая молния, но без грома. И без шума, и без пыли.

Театр в Ветлуге был явным культурным цен-

тром. В правом крыле здесь до трех ночи работал ресторан под названием «Парнас», а в подвале располагался безымянный клуб с полумраком, с барменом и с восточными танцами.

Лубяко дважды бывал в этом подпольном заведении под скромной вывеской «Кафе». Хитрый хозяин повесил над входом красный фонарь, но ничего подобного внутри не было. Вернее, было — но не до такой степени.

Егор спустился по ступенькам и вошел в дымный зал. Что-что, а курили здесь покруче, чем в заморских ночных клубах.

Под потолком в полумраке крутился шар с зеркальными кусочками, и вокруг разлетались разноцветные лучики-зайчики. Они упирались в табачные облака, делая все сказочным, похожим на царство Кощея.

В этой дымовой завесе Лубяко незаметно проскочил мимо бармена и углубился в лабиринт подсобок. Пробираясь через коробки и ящики, он нашел дверь, которая вела наверх, в театральные коридоры.

За кулисами очень трудно заблудиться. Здесь на каждом повороте множество табличек со списками и стрелочками во все стороны. Сразу ясно, где сцена, где директор, а где костюмерная...

Она наверху на четвертом этаже. Значит — под самой крышей.

Егор шел легко, стараясь не шуметь. Но это было лишнее — лестница была над рестораном, и сюда доносились звуки музыки.

Дверь в костюмерную была закрыта, а Лубяко не был виртуозом по части отмычек. Хотя имел их с собой и обучался этому искусству. Тут, как и на рояле, — кто-то может и Шопена сбацать, а другой одним пальцем выбивает собачий вальс. Но оба играют.

Егор старательно ковырял в замке набором хитрых железяк. Через три минуты он разозлился на них. Потом на дверь и на себя... Он присел и заглянул в замочную скважину.

Это был старый замок под толстый ключ. Обзор был полный, а вид — любопытный. Лубяко не считал себя ангелом, но даже ему стало стыдно подсматривать такие сцены.

Он встал, отошел к самому краю коридора, разбежался и ударил плечом в дубовую створку чуть повыше замка.

Плечо хрустнуло! Петли звякнули! Дверь ухнула и раскрылась!.. Егор ввалился в мастерскую, выхватил пистолет и направил его на две фигуры, лежащие на кровати.

Бублик замер, а Мария Шуманас сжалась, натягивая на себя простыню. Егор решил проявить благородство. Для допроса ему нужен был лишь изобретатель, а голая баба тут только помешала бы.

Он махнул ей пистолетом — «можете одеться» — и указал куда-то туда, где примерочная и костюмы на длинной вешалке. Мария Петровна покорно кивнула и сползла с кровати, стаскивая с Бублика последнюю простыню. Атому ничего не оставалось, как сесть и потянуться за трусами. Самое время для начала допроса.

— Ты что же это, Борис Трофимович, убежал от меня? Мы ведь дружно жили.

— Так я не убежал. Меня на Черном озере прямо с дачи украли.

— Возможно! Но на платформе ты меня увидел — и прыг в вагон... Ну, ладно! Проехали этот эпизод... К тебе сейчас приходила Ирина?

— Ирина?.. Приходила!

— Что ты ей сказал?

— Ничего... Клянусь тебе, Егор Петрович, молчал как рыба на льду.

Лубяко хотел сказать театральное «Не верю!», но сделал привычное — снял ствол с предохранителя и передернул затвор. Простое действие, а

очень впечатляет!

Было приятно наблюдать, как у полуголого Бублика расширились глаза и задрожали руки... За всеми этими развлечениями Егор совершенно забыл о Марии. Он не следил за ее действиями. Да и неудобно подсматривать, как одевается сорокапятилетняя женщина.

А дама старшего бальзаковского возраста натянула лишь одну деталь одежды. И сразу внимание Марии Шуманас привлек болван. Это такая дубинка вроде булавы. Узкой частью ее вставляют в дырку стола, а на широкую надевают парик. Для шитья или ремонта. Маша взяла болван двумя руками и, как дубину, подняла над головой.

Скользя босыми ногами она подошла к Лубяко со стороны спины. Раньше она и дрова никогда не рубила! А уж бить мужика по башке — тут вообще нужна особая сноровка.

Мария промахнулась... Болван пролетел мимо головы и, чуть задев левое плечо, скользнул по руке.

Спортивная сноровка заставила Егора отскочить вправо и в прыжке развернуться лицом к противнику. Он падал спиной на широкую кровать. Еще в полете он успел прицелиться в силуэт и выстрелить. Пуля попала туда, где в поясной

мишени десятка.

Мария замерла на две секунды и рухнула на гору тряпичных обрезков.

Поднявшись с кровати, Лубяко развернулся так, чтоб не видеть полуобнаженное женское тело с кровавым пятном между грудей... Он вынул из пистолета магазин. Передернул затвор и выбросил патрон из ствола. Взял лоскут и начисто протер оружие. Потом он окликнул Бублика и бросил «Макаров» ему.

Борис машинально схватил летящее оружие и начал лапать его, оставляя отпечатки, где только возможно. А когда почувствовал, что ствол горячий, — отбросил на кровать.

Очевидно, Лубяко этого и хотел. Он взял пистолет платочком и аккуратно вставил магазин на место. Потом эту страшную улику бросил рядом с телом.

— Одевайся, Борис Трофимович. Тебе нельзя здесь оставаться. Сейчас поедем к Афонину, конфискуем приборчик, и я вывезу тебя в Москву... И зачем ты эту Шмулькис убил? Нормальная была женщина. Симпатичная, но с очень импульсивным характером... Кстати, о девушках! Внизу в машине тебя Василиса дожидается. Мы вместе поедем... Это чтоб ты глупостей больше не делал.

Бублик вскочил с кровати. Он хотел дать Лубяко гневную отповедь, но слова застряли в глотке и наружу вырвалось лишь недовольное ворчание. Борис Трофимович надел рубашку, а потом снова сел и нацепил второй носок.

Еще час назад Маша объясняла ему актерское умение жить в предлагаемых обстоятельствах... Это очень правильно! Если ты не можешь ничего изменить, то живи и радуйся! Показывай всем, как тебе уютно в новой роли... Бублик взглянул на Лубяко и попытался ему улыбнуться.

24

Кузькин лежал на диване и тихо стонал. И не столько от боли, сколько от жгучего позора. Так получилось, что оперативный штаб сосредоточился здесь, в квартире дома номер семь дробь три по улице Мышкина.

Всю ночь здесь были Ирина Багрова и слегка шокированный Хилькевич. В пять утра примчался Муромцев, а в шесть — полковник Потемкин.

Паники в первый момент не было. Была лишь легкая растерянность и ожидание провала. А после обнаружения трупа в костюмерной сыщики взбодрились и начали работать. Даже Кузькин встал в строй. Он сказал, что делает это, «превозмогая боль».

В театре трудилась бригада местных ментов и ветлугинской прокуратуры. Следователи опросили вахтеров и узнали, что в полночь погибшая поднялась наверх с неизвестной женщиной. Слепили ее фоторобот — получилась Ирина Багрова. Никакого Бублика, а тем более Лубяко никто в глаза не видел.

Стали искать приметный для Ветлуги «Пежо» цвета мокрый асфальт. Первый раз это авто виде-

ли на рассвете около коттеджа Афонина. А чуть позже машину Лубяко заметил гаишник на дороге, ведущей в Москву. Он точно запомнил, что кроме водителя в иномарке было двое пассажиров — мужчина и женщина. Если так, то дальше «Пежо» влился в поток транспорта и растворился в нем. Теперь их надо искать в Москве. Всех троих — преступного Лубяко, непутевого Бублика и несчастную конопатую Василису... И еще одно — зачем они ночью заехали к Афонину? Только за ним, за черным кейсом. А значит, и прибор сейчас в Москве!

Все чувствовали, что обстановка накаляется. Действие начинало ускоряться, а значит, и развязка близка.

В полдень позвонил и сразу же приехал Сидоров. Он сообщил, что в мэрии ждут его и кого-то из руководства Службы особого назначения. Таковых здесь был только один — полковник Потемкин Петр Петрович.

Провожая их, Ирина посоветовала купить по огромному букету и поздравить мэра с избранием. «Это так — для надежной конспирации».

Они вместе вошли в мэрский кабинет. И сразу букеты пришлось отложить в сторону — рядом с Афониным стоял прокурор города. Он был в

форме и всем своим видом показывал, что он на службе и при делах.

Но разговор начал новоиспеченный мэр. И обращался он к Сидорову не как к старшему по званию.

— Очень жаль, Дмитрий Дмитриевич, что наша первая встреча омрачена претензиями.

— Чьими?

— Моими! У меня к вам крупные претензии... Недавно ваша жена со своим любовником майором Муромцевым захватили мою дачу на Черном озере. Они связали охрану и жили в доме несколько дней.

— Это ложь, Афонин!

— Это правда, генерал!.. У меня все их ходы записаны. Есть куча свидетелей, и у всех показания от зубов отскакивают... Но это не все! В это же время группа сотрудников Службы господина Потемкина напала на мой коттедж и нанесла охране телесные повреждения.

— Надеюсь, без трупов обошлось?

— Не шутите так, Сидоров... Я уверен, что все это связано с выборами. Меня хотели запугать и опорочить. Я даже знаю кто — Твердохлебов. Он из Партии власти, а эти всё могут... Итак, все документы по нападению на моих людей я передаю

прокурору, и сегодня он возбудит все, что надо. И второе — в пятницу в нашей студии прямая передача «Турнир». Я вызываю всех вас к барьеру...

Назад ехали в сумрачном настроении... Если не вернуть Бублика с его кейсом, то все дальнейшее в глубоком тумане. А Бублик где-то в Москве. И Василиса его там. Хуже, что и Лубяко там. Этого профи голыми руками не взять. Он тихо ляжет на дно и изобретателя с его невестой спрячет.

Уже подъезжая к дому семь дробь три по улице Мышкина, полковник Потемкин принял решение — сегодня же все едут в столицу. В Ветлуге останется он сам. Для связи и вообще для порядка...

25

Лубяко не стал прятаться на окраине. В первый же день он сделал три важных дела. За дикие деньги снял квартиру на Новом Арбате. И не где-то у земли, а на десятом этаже. Здесь антенна будет повыше, чем в штабе на башенке.

Со слезами продал свой «Пежо» цвета мокрый асфальт. Просто сбросил засвеченную машину за бесценок.

И, наконец, купил по доверенности неприметный красный «Лексус». Покупка в ГАИ не оформлялась, а значит, на этом Лубяко не поймать. Как говорится, он в списках не значился.

Снятая квартира имела мебель, посуду и почти все, что нужно на первых порах. Вечером на кухне они наспех отметили новоселье и разбежались по своим комнатам — Бублик с Василисой отправились в маленькую спальню, а Лубяко занял гостиную с диваном и двумя креслами.

Засыпалось плохо, но еще хуже спалось. Ведь прошли ровно сутки после драмы в костюмерной ветлугинского театра. Егору приходилось и раньше убивать людей. Совсем недавно он взорвал бомжа. Но это совсем другое дело! Совсем не то,

что стрелять в легко одетую женщину. И выстрел был не дальний, а почти в упор — полтора метра, не больше.

Самое неприятное, что у нее такое чистое имя — Мария. И лицо у нее было симпатичное, спокойное и яркое. Это плохо, что он хорошо ее запомнил! Вот физиономия бомжа стерлась из памяти. Как и его имя... А здесь — Марья-красавица с чарующей литовской фамилией. Как же ее — Шумкас, Швыдкас, Шмулькис?

К часу ночи Лубяко успокоил себя тем, что выстрел был случайным. Эта мегера чуть не убила его деревянной дубиной! Он падал на кровать, а пистолет выстрелил сам собой... Так оно и было. Эта гадина сама нарвалась...

Утром Лубяко начал работать. Он три раза обошел Новый Арбат, заходя в каждый банк и открывая там валютный счет. Одновременно он выискивал жертву. Выбор пал на фирму со странным названием «Петролеум». Эта нефтяная фирма держала офис в переулках Старого Арбата. Но Егор проверил — головной особняк виден из окон снимаемой квартиры.

Красный «Лексус» стоял в переулке без хозяина, а Лубяко устроил засаду в тридцати метрах от фирмы. Время было обеденное, и из шикарного

здания с эмблемой из трех нефтяных вышек выбегали сотрудники. Все клерки очень похожи друг на друга, хотя здесь были люди разного пола и возраста.

И вот наконец появилась подходящая фигура. Лубяко в каком-то кино слышал про взгляд незамужней женщины. Так вот у этой было все незамужнее — и глаза, и прическа, и одежда, и походка.

На вид она была несколько старше Егора. Но ровно настолько, что вполне могла надеяться на него, как на случайно подвернувшегося принца.

Она явно не относилась к руководству, но и была не из технического персонала. Какой-нибудь бухгалтер, юрист, референт.

Лубяко прижал к груди кожаную папку с кипой бумаг и рванулся навстречу. Он несся прямо на нее, но в последний момент, избегая столкновения, отпрыгнул в сторону. Ноги его заплелись, Егор взмахнул руками, выронил папку, и документы вывалились к ногам бальзаковской дамы. И ей ничего не оставалось, как наклониться и помочь в сборе бумажек. Лубяко заговорил сразу, понимая, что у него не больше десяти секунд. За это время надо женщину заинтриговать и оставить при себе.

— Ах, простите, я такой неуклюжий... Вероятно, у меня вид полного идиота?.. Я вас не испугал?

— Все хорошо. И не волнуйтесь вы из-за пустяков.

— Нет, я очень неловкий и даже нескладный... Авы замечательная женщина. Любая бы начала ворчать, злиться, ругаться... У вас удивительно нежные и добрые глаза. Вы просто божественная!

— Вы преувеличиваете. Я не одна такая.

— Нет, вы единственная!.. Если бы я раньше встретил женщину, хоть в чем-то похожую на вас, я бы на ней женился. Но пока — холостой... Меня Егором зовут. А вот там мой «Лексус». И раз я вас задержал, разрешите подвезти в любую точку мира.

— Спасибо, Егор, но я не тороплюсь... У меня перерыв на два часа. Думала прогуляться, пообедать... Меня зовут Вероника.

— Потрясающее имя!.. Мы не можем так расстаться, Вероника. Наша встреча — это судьба... Поехали обедать в самый лучший московский ресторан.

— Так нам, Егор, и ехать никуда не надо. В пяти минутах от нас «Прага». Я в журнале читала, что она в числе первых по рейтингу.

Через час они были не просто друзьями. За свою жизнь Вероника не привыкла к комплиментам. Ей никто их не говорил, да она бы и не слушала. Некогда! До двадцати пяти лет она училась, получила красный диплом. Потом аспирантура, потом три года в министерстве, потом приглашение в богатый «Петролеум»... Везде она трудилась как зверь. И поэтому у окружающих мужчин даже не возникало желания сказать ей что-то приятное, ласковое, красивое.

Только в самом начале она понимала, что Егор преувеличивает ее достоинства. Не такая она и красавица, хотя симпатичней, чем жена английского принца... И не такая уж она добрая. Хотя однажды специально купила мясо для бездомных собак... Вот с умом у нее действительно все в порядке. И с трудолюбием. И с чувством юмора.

Вскоре Вероника перестала оценивать комплименты. Она слушала и растворялась в них. Егор стал казаться самым близким человеком. Она была готова отдать ему все, что имела. Отдать всю себя...

Последние часы работы Вероника просто искрилась. У нее горели глаза и внутри все пылало и жаждало. Ровно в семь Егор будет ждать ее на том самом тротуаре... На «их месте»!

Так получилось, что она сама пригласила его к себе домой.

Сама!.. И не на чашку чая, а до утра. Или даже на несколько дней. Или навсегда?

Егор сказал ей, что приехал с Урала и еще не знает, где остановиться. А она сказала, что у нее двухкомнатная квартира на площади Гагарина, что готова потесниться. В тот момент она действительно не думала про это самое! Она прикидывала, как разместить гостя в одной из комнат. И только потом, оставшись одна, Вероника почувствовала — они не смогут спать врозь. А значит, сегодня произойдет то, что могло с ней случиться еще двадцать лет назад... Как глупо прошли эти годы! Но она же не виновата, что не встретила Егора тогда. А никто другой ей не был нужен! И никогда не будет нужен!

Вероника улыбнулась, представляя, как ее любимый бегает сейчас по магазинам. Он обещал для их первого ужина скупить в Москве все деликатесы. Егор упомянул устрицы, миноги, трюфели... Она терпеть не может всю эту гадость, но сегодня будет есть с удовольствием!

Думая о нем, Вероника впадала в состояние блаженства. Вернувшись на работу, она вспомнила о Егоре и впервые назвала его «любимым». И

потом все пошло по нарастающей!.. Странно, но до сих пор она думала, что для этого нужно съесть три пуда соли. Она глупо считала, что для любви нужен год знакомства... Она была дурой! Теперь Вероника точно знала — влюбиться можно и за три часа. Было бы в кого!

Она вдруг вспомнила про его просьбу. Так, мелочь, сущий пустяк!.. Завод Егора продает какие-то трубы. И для переговоров ему понадобился список всего руководства «Петролеума» с номерами их сотовых телефонов... Она сделает это за пять минут. Это так просто ей, секретарю-референту директора фирмы...

26

Пять разноцветных машин мчались по северной окраине Южного Бутова. Впереди на красном «Рено» мчался Муромцев, а замыкал кавалькаду Лев Кузькин на голубом «Форде».

За рощей они свернули направо и в тупике уткнулись в ворота болотного цвета. Здесь, в коттедже на северной границе Южного Бутова, располагался один из филиалов Службы особого назначения.

Из всех кодовых названий к особняку прилипло непонятное — вилла «Икар».

На площадке перед коттеджем уже стояла знакомая черная машина, и все сразу приуныли. Если приехал сам генерал Вершков, то надо ждать разноса по полной программе. Но Тимур Аркадьевич совсем не жаждал крови. Сегодня не было никаких причин для злости. Утром светило солнышко, жена была ласковой, поясница почти не болела. А еще — по делу о черном кейсе наметился результат!

Как и обычно, все собрались в кабинете Потемкина. Как и обычно, на председательском месте уселся Вершков. Как и обычно, генерал

говорил для всех, но пристально смотрел только на Багрову.

— Плохо работаем, друзья! Вот только Ирина Романовна нас радует. По тем кодам, которые она добыла у Бублика, мы вчера вечером засекли кейс где-то в районе Нового Арбата... А это значит, что некогда нам долго совещаться. На Гоголевском бульваре уже стоит автобус с техникой. Отдохните пять минут и пулей в Центр. Сегодня надо взять злодеев... Если они начнут работать с кейсом, то мы определим их с точностью до квартиры... Все поняли задачу?

Все дружно кивнули, что-то проворчали и начали готовиться к короткому отдыху, и только Хилькевич поднял руку. Прямо как первоклассник перед учителем.

— Разрешите спросить, товарищ генерал?

— Спрашивай, Вадим.

— Когда захватим прибор Бублика, можно, я изучу его во всех деталях? Очень любопытная штука.

— Нельзя!.. Надо все вернуть в исходное состояние.

— На каком уровне, товарищ генерал?

— А на таком, как будто Бублик ничего не изобретал... Нельзя будоражить общество стра-

хом гипноза. Нашего избирателя нельзя пугать черными кейсами... Сделайте так, чтоб прибор напрочь исчез! Чтоб духа его не было!

27

Егор боялся пошевелиться. Он хотел уйти, как английский лорд. А для этого надо было выскользнуть из-под ее руки, быстренько одеться и смыться, пока она еще спит.

Было уже девять утра, а это означало, что сегодня Вероника впервые опоздает на работу. Всю свою жизнь она просыпалась до звонка будильника. Вероятно, она и во сне всегда думала о работе, о своем рабочем столе, о сейфе, о бумагах. Но это было раньше. А вчера вечером она взлетела на вершину счастья, и этой ночью ей снилась только любовь. Было так хорошо, что не хотелось покидать эту сказку...

Лубяко не встал с кровати, а сполз с нее. На мохнатом ковре совсем не слышно шагов, а шторы закрыты наглухо, пропуская лишь узкие полоски света.

В центре комнаты он оглянулся и замер... Вероника повернулась на спину. Редкие солнечные лучи переливались на ее теле. Она спала, но лицо было живым и губы чуть заметно шевелились. Возможно, она шептала его имя.

Натягивая штаны, Егор думал об одном — а

не дурак ли он? Вот взял бы да и остался здесь навсегда! Такая прекрасная женщина стала бы счастливой... И он сам мог бы... Нет! Не мог! Он авантюрист, а не примерный семьянин.

Уходя, Лубяко проверил в кармане самую большую ценность — список руководства «Петролеума» со всеми телефонами, включая номера сотовых.

Егор тихонько прикрыл дверь. Пусть Вероника поспит. Это понятно, что она вчера утомилась. Но странно, как она забыла про Совет директоров. Сегодня в «Петролеуме» соберется все его руководство — три десятка очень богатых персон. Просто не люди, а денежные мешки с мобильниками в карманах.

Лубяко ни минуты не сомневался, что Бублик и его конопатая Василиса сидят в квартире тише воды и ниже травы. А куда им деться? После того что случилось в костюмерной ветлугинского театра, им обоим лучше сменить документы и затеряться на каком-нибудь Дальнем Востоке... Вот в этом Егор обещал помочь. А значит, они ждут его, как ангела-хранителя! Как последнюю соломинку, которая удержит их на плаву...

В квартире была полнейшая тишина... Егор вошел в гостиную и улыбнулся. Картинка на-

поминала тургеневские времена — парочка старосветских помещиков дремала на диване. Прямо как в дворянском гнезде. Они сидели обнявшись и прильнув друг к другу... Нет, этих голубков он должен спасти! Вот сегодня он снимет два-три миллиона баксов, завтра купит для ребят новые паспорта, и пусть едут в Хабаровск или в Находку... Им даже можно выдать их долю — по двадцать тысяч каждому! Или даже тридцать штук на двоих...

Лубяко глянул на часы — Совет директоров в фирме «Петролеум» должен начаться через час. Это значит, что персоны из списка уже в здании или на пути. Егор заорал, как сержант в казарме:

— Подъем! Построиться в две шеренги... Пора работать, ребята. Сегодня, возможно, самый главный день в нашей жизни.

— А что надо делать, Егор Петрович?

— Вам двоим — самая легкая работа. Ты, Василиса, звонишь мужикам вот по этому списку, а ты, Бублик, в этот момент внушаешь им нужные действия.

— Какие?

— Простые!.. Каждый должен срочно снять денежки со своего счета и положить на мой. Вот здесь список на тридцать должников, их теле-

фоны, банки, куда деньги переводить и суммы... Все понятно?

— Ясно.

— Тогда я пошел. У меня самая сложная работа — весь день в очередях у касс стоять. И сумку с собой таскать. К вечеру может больше пяти кило долларов набраться... Я буду звонить вам каждые четверть часа. Если все в порядке, то говорите условную фразу.

— Это вроде пароля?

— Верно, Бублик, самый настоящий пароль... Скажем, так: «Над всем Арбатом безоблачное небо». Это если все хорошо!

Лубяко спустился вниз и перед подъездом осмотрелся. Он пошел в сторону Кремля. Но не по широкому Новому Арбату, а дворами пробрался на Молчановку и три раза пересек ее, проверяясь на предмет хвоста. Все было чисто!

Около большого книжного магазина он влился в толпу и по подземному переходу прошел поближе к Старому Арбату, в район, где много банков и где домик фирмы «Петролеум».

Первый звонок Бублику обрадовал. Изобретатель не забыл произнести пароль и сообщил, что уже окучил троих нефтяных директоров.

Банковская система неповоротлива, но уже

через два часа Лубяко получил первую порцию американских денег — десять пачек по десять тысяч в каждой... А через четверть часа ему выдали еще один вклад. Потом еще один...

28

Муромцев впервые ехал в автобусе без единого окошка. У него никогда не было боязни замкнутого пространства, но и приятных чувств он не испытывал — где-то там солнышко и бурлящий город, а ты сидишь тут, как килька в банке!

Кому нравилась эта поездка, так это Хилькевичу. У него горели глаза, когда он рассматривал сотни приборов и нагромождение проводов вдоль стен. Он задавал хозяевам машины вопросы на своем техническом языке, из которого Паша понимал только предлоги и междометия.

Автобус двигался неторопливо, останавливаясь и прислушиваясь. Вдруг под потолком вспыхнула яркая лампа и включились динамики. В этой огромной железной коробке на колесах зазвучал голос Бублика. Изобретатель монотонно внушал кому-то, что тот должен срочно перевести сто тысяч в другой банк на счет Лубяко Егора Петровича.

В автобусе все напряглись... Через минуту определили дом, где работал черный кейс, и даже примерный этаж — с восьмого по двенадцатый...

Муромцев по внутренней связи крикнул корот-

кое «Стоп!», и громоздкая машина остановилась. Паша с удовольствием открыл дверь. Солнечный свет весело ворвался в автобус.

Все это происходило на Поварской улице. Рядом стоял голубой «Форд» Кузькина с ним самим и с Ириной Багровой.

Павел выполз на вольный воздух, вдохнул полной грудью, и его стал покидать стресс от сидения в темном ящике. Выходит, у него на самом деле есть неприязнь к замкнутому пространству — такая маленькая клаустрофобия.

До нужного дома было всего пятьдесят метров. Муромцев махнул рукой, и его бригада двинулась на штурм. На всякий случай они подходили к дому не строевым шагом, а с учетом конспирации. Кузькин с Ириной изображали влюбленную парочку, Хилькевич — алкаша с нетвердой походкой, а Паша гулял, как турист.

Снаружи дом напоминал бетонную коробку, а в подъезде все сверкало богатством, свежестью и уютом. Как в коттеджах из красного кирпича!

Консьержка попыталась встать грудью, но четыре удостоверения охладили ее пыл. Она сразу стала покорной, готовой на любые услуги. А что от нее надо было? Сущий пустяк!

Муромцев завел даму в ее каморку и выложил

на столике три фото, добытые еще в Ветлуге, — Лубяко, Бублика и непутевой Василисы. Соблюдая конспирацию, консьержка ничего не произнесла. Она на маленьком листочке написала: «Вчера они сняли кв. № 109, десятый этаж. Марица».

Все было ясно, но Паша все-таки спросил:

— Красивое у вас имя. Вас зовут Марица?

— Конечно, нет! Это мой псевдоним. Я так подписывала сообщения в начале восьмидесятых... Со мной на связи был Артур Матвеевич. Чудесный мужчина, хотя и майор КГБ... Вы с ним не встречались?

— Не приходилось...

Кузькин сразу понял, что дверь в сто девятую квартиру очень удобна для штурма. Первое — нет ни телекамеры, ни глазка. И вообще — дверь не стальная, а из деревянных планок. Если разбежаться, то ее можно вышибить плечом.

Но начать решили с мирных переговоров. Встали сбоку от двери, обнажили стволы, и Муромцев нажал кнопку звонка, продумывая ответ на вопрос «кто там?».

Но в квартире никто и не собирался ничего спрашивать. Просто щелкнул замок и распахнулась дверь. На пороге стояла молодая женщина — конопатая и немного взволнованная.

— Вам кого?

— Нам Бориса Бублика.

— Так он сейчас очень занят.

— А для нас он всегда свободен. Мы его друзья... Лубяко в квартире?

— Нет, Егор вышел в город... Я только сейчас вас всех узнала! Вы прямо из Ветлуги приехали?.. Проходите в квартиру.

Они ворвались внутрь, ожидая сопротивления. Но все было тихо, мирно и спокойно. В гостиной зазвонил телефон. Бублик отошел от своего черного кейса и посмотрел на вошедших. На трех богатырей с пистолетами.

Телефон продолжал звонить, и Борис взял трубку:

— Да, это я. У нас все хорошо... А что погода? Погода ужасная. Над всем Арбатом тучи! Гром и молния...

29

Лубяко только что вышел из очередного банка с отяжелевшей сумкой. Он стоял в арбатском переулке, разговаривал с Бубликом и щурился от осеннего солнца. При чем здесь тучи? Какие молнии?..

Когда он сообразил, сотовый телефон издавал уже короткие гудки — Бублик нахально отключился. Или его отключили!

Думать было некогда! Лубяко побежал к Староконюшенному переулку, где притаился красный «Лексус»... Хорошо, что Бублик со своей конопатой подругой не видели его новой машины. Хорошо, что они ничего не знают о Веронике, живущей на площади Гагарина.

По дороге он выбросил в урну сотовый телефон. А недалеко от машины просунул в решетку водостока паспорт на имя Егора Лубяко.

Новый паспорт он сделал на благозвучную фамилию Полевой. Документ давно был при нем. Он носил его в тайнике под днищем сумки. Жаль, что не удалось зайти еще в два банка — был бы ровно миллион баксов.

Егор оставил машину во дворе с видом на Не-

скучный сад. Сам подъезд, где жила Вероника, был с другой стороны. Присев на лавочку, гражданин Полевой ждал ее до восьми вечера.

Она шла с тяжелыми сумками, и он бросился помогать.

В первый момент Вероника отпрянула, но сразу же узнала Егора, и ее грустное лицо начало расцветать. Он не звонил ей до вечера, и она решила, что ее любимый никогда не вернется. В метро, возвращаясь домой, она печально улыбнулась — теперь ее можно вставить в книгу рекордов по разделу «Самая короткая любовь».

И вот он опять стоит рядом! Такой красивый, такой добродушный, такой любимый...

Они собрались ужинать, и Егор предложил сесть за стол посемейному, в домашней одежде. Он шепотом намекнул Веронике, что готов помочь ей снять строгое платье и набросить халатик...

Когда они пошли в спальню, Ника почувствовала дрожь в коленках и восторг во всем теле... Егор только начал ее раздевать. Дальше она вошла в раж. Вероника сама сбрасывала с себя все. Одновременно ей удавалось срывать одежду с любимого. А еще они целовались... Делалось все в ознобе и суматохе. Это было нелепо, трудно, но

очень приятно...

Через час они впервые заговорили. Стеснительным голосом Ника призналась:

— Я самая счастливая женщина на свете. Стоило столько ждать, чтоб дождаться такого как ты... И вообще — сегодня странный день. Чудесный и чудной! Столько важного случилось в первый раз.

— И что же такого у нас впервые?

— То, что произошло ночью, — это у меня впервые.

— Точно! Я это заметил.

— А утром я впервые ощутила себя брошенной женщиной.

— Вот это зря! Я просто будить тебя не хотел.

— Сегодня я впервые проспала на работу.

— Молодец, Ника. Так им и надо, нефтяным олигархам!

— А потом произошло удивительное. Впервые в «Петролеуме» сорвался Совет директоров. Приехали все, но вдруг начали разбегаться. Многим срочно понадобилось в банк... А возвращались все с дикими глазами, не понимая, что они сделали и зачем... Егор, а ты меня не бросишь?

— Нет, милая. Я пришел к тебе навсегда.

Про себя Лубяко подумал, что не так уж он и

врет. Ему очень полезно лечь на дно и пожить у Вероники два-три месяца. Или даже до весны... А это почти что «навсегда».

30

О будущем телевизионном шоу говорил весь город. Народ радовался, что выбранный ими Афонин не замкнулся в своем кабинете, а готов предъявить себя во всей красе.

Мало того, что обещали прямой эфир, так саму передачу организовали в зале ветлугинского театра с приглашением всех слоев общества — от ученых с фирмы «Волна» до усатых торговцев с местных рынков.

На сцену мэр вызвал своих бывших соперников, генерала Сидорова, журналистов, адвокатов и избитых Кузькиным охранников... Народ с восторгом ждал этого шоу. Никто не верил, что при новом мэре жить будет лучше, но все ожидали, что жить станет веселее...

Три иномарки успели въехать в Ветлугу за два часа до представления. Первым ехал Паша на своем красном «Рено», затем Хилькевич на стареньком «Шевроле», а замыкал кавалькаду гордый голубой «Форд» с Кузькиным за рулем. Как и положено для таких переездов, ценный пассажир сидел в средней машине на заднем сиденье.

На Бублике была ковбойская шляпа, натянутая до ушей, черные очки и пестрый шарфик, прикрывавший подбородок.

Самым опасным представлялся участок улицы Мышкина. Здесь у дома семь дробь три могла быть засада... Но на кого? Местные менты давно уже не искали инженера Бублика. Для них он давно взорвался и сгорел в своих «Жигулях»...

Группа шла в квартиру не толпой, а конспиративно, как на сходку подпольщиков во времена царского режима.

Первым делом включили телевизор и настроились на местный канал. До начала шоу был еще час с хвостиком. Бублик разложил на столе свой черный кейс, а антенну общими усилиями протянули на балкон, с которого было видно крышу театра и часть его фасада.

Теперь оставалось только ждать... Багрова вытащила мобильник и набрала номер шустрого журналиста из «Вечерней Ветлуги»:

— Это Феликс Скулов? Приятно тебя слышать... Помнишь Ирину из «КК»?

— Здравствуйте, Ирочка! Вы так внезапно исчезли... А я в театре. Здесь сегодня яркое событие намечается.

— Слышала, Феликс. Могу посодействовать,

чтоб твой материал всунуть на первую страницу... Но там действительно будет что-то интересное?

— Однозначно! Я весь сценарий знаю... Сначала прокурор заявит о возбуждении уголовного дела против майора Кузькина.

— Против него одного?

— Нет, Ирина. Против группы сотрудников из московской Службы особого назначения. Там и генерал Сидоров замешан, и его жена со своим любовником... Представляешь, они еще до выборов разгромили дачу Афонина и его охотничий домик. Есть куча свидетелей. На сцене будет десяток охранников в гипсе.

— А не сорвется это мероприятие?

— Нет, Ирочка! Уже все собрались... Вот я вижу, как мэр приехал... Вот Афонин выходит из раздолбанных «Жигулей», достает мобильник, отходит в сторонку...

Ирина дала отмашку, и Бублик начал колдовать над своим кейсом... А через пять секунд он уже монотонно говорил в микрофон, призывая Афонина покаяться и покинуть мэрскую должность.

Все, кто был в гостиной, хорошо знали о возможностях прибора. Но все, что было до сих пор, это мелкие цветочки. А вот чтоб чиновник сам ушел с должности — не верилось. Такого еще

никогда не бывало!

Часть Ветлуги сидела в театре, а остальные прильнули к телевизорам... Заставка исчезла, и появилась бодрая фигура ведущего:

— Друзья! Сегодня первое публичное выступление мэра Афонина... Мы, ветлужане, готовы сплотиться и идти за своим лидером... Вам слово, Владимир Викторович!

Лидер вышел на авансцену на ватных ногах и с потухшим взглядом. Он долго собирался с духом и наконец произнес:

— Простите меня, люди добрые! Врал я вам... Вот сидит господин Твердохлебов, так это он выиграл выборы. Пусть теперь вами руководит Максим Леонидович. А я подаю в отставку. Не имею морального права занимать высокое кресло. Выборы были липовые!.. Я не мэр, а фуфло!

На этой исторической фразе Афонин спустился со сцены в зал и в полной тишине прошел к выходу.

Режиссер перевел камеру на ведущего программы, и тому ничего не осталось, как говорить. Молоть все, что ложится на язык:

— Вот теперь мы все поняли, кто наш настоящий мэр... Мы все ждали, когда наступит справедливость. И она наступила!.. Сегодня

первое публичное выступление господина Твердохлебова... Мы, ветлужане, готовы сплотиться и идти за своим лидером... Вам слово, Максим Леонидович!

31

Муромцев ожидал, что в Ветлугу приедет кто-то из руководства. Или полковник Потемкин, или сам Вершков Тимур Аркадьевич. Он генерал — и Сидоров, заказчик операции, тоже генерал. Пусть бы они между собой и разбирались, что делать с Бубликом, куда девать его гениальные мозги, уничтожать ли черный кейс.

К вечеру позвонил Вершков. Он был всем доволен, но в Ветлугу не собирался. Генерал шутил, намекал на банкет по поводу награждения, советовал Муромцеву дырявить пиджак под орден... На деловые вопросы Паша получил простой ответ: «Приводите все к нулевому варианту, к тому моменту, когда Бублик еще ничего не изобрел».

Интуиция говорила Муромцеву, что так просто им из Вет-луги не уехать, что добром все это не кончится.

Ночевали все вповалку в квартире Бублика, в доме номер семь дробь три по улице Мышкина... К девяти утра в огромной гостиной с буфетом и комодом стали собирать завтрак на всю компанию. И вот в это самое время в дверь позвонили. И не скромно, не ласково, а настойчиво и злобно.

Паша поправил пистолет, висевший под мышкой, и открыл замок. За дверью стоял генерал Сидоров, а за ним шестеро охранников из фирмы «Волна». Крепкие ребята, и все при оружии.

Дмитрий Дмитриевич вошел с самой добродушной улыбкой. Муромцеву тоже пришлось изобразить гостеприимство:

— День добрый, товарищ генерал... Проходите к столу.

— Спасибо, но я на минуточку. Хочу вас всех поздравить с успехом. Хочу поприветствовать нашего дорогого Бублика... Пора на работу, Борис Трофимович. Будем вместе доводить наш прибор. Я, кстати, заберу его — он у нас на балансе числится.

И Сидоров нахально схватил с комода черный кейс и бросился к двери. Охрана на лестничной площадке ощетинилась, и задержать генерала было уже невозможно.

В дверном проеме он обернулся и радостно пообещал:

— Спасибо за службу! Сегодня всей бригаде выпишу премию. По три генеральских оклада каждому...

Дверь захлопнулась, и у всех стало тревожно на душе. Сидоров — хороший человек, но только

когда у него нет черного кейса.

Муромцев подошел к широкому окну. Внизу на площадке стояли три черные «Волги» с включенными двигателями.

— Скажите, Бублик, вы говорили, что в приборе есть система самоликвидации.

— Есть.

— И что надо делать?

— Надо набрать на сотовом телефоне определенную комбинацию и послать сообщение.

— Диктуйте, Борис Трофимович!

Паша достал мобильник и стал нажимать кнопки, повинуясь командам Бублика. Народ быстро уяснил ситуацию и подтянулся к окну.

Сидоров уже подходил к машинам, когда Муромцев завершил набор и послал сообщение. Все напряглись и подались вперед, стараясь не пропустить самое главное. Прошло три секунды... Четыре... Пять!..

Генерал уже открыл дверцу и наклонился, садясь в машину, когда кейс взорвался. Это было похоже на новогоднюю петарду, на сноп салюта, возникший не в небе, а в метре над землей... Задрожали стекла, залаяли собаки, загудела сигнализация дворовых машин...

Охрана Сидорова мгновенно загрузила шефа в

машину и сама бросилась на свои места. Три черные «Волги» синхронно развернулись на узкой площадке и рванули вперед. Прямо как в фильме про «Мертвый сезон».

Муромцев недоверчиво взглянул на Бублика:

— Послушай, изобретатель! А ты не переборщил со взрывчаткой?

— Все в порядке, Павел. Один грохот и искры. Никаких ранений не будет. Максимум — три синяка на генеральской заднице.

— Это нормально! А то я испугался, что мы его совсем прибили. Это бы получилась не мыльная опера, а триллер-ужастик... Собирайтесь в Москву, Борис Трофимович. Вместе с Василисой. На несколько ближайших лет вам Ветлуга противопоказана.

Чемодан собирала Василиса... Они уединились в спальне и торопливо обсуждали свою будущую жизнь. Бублик говорил все больше о практических вопросах, а она о любви:

— Боря, а ты детей любишь?.. Я уже не такая молодая, и с этим мы не должны откладывать.

— Как приедем в Москву, так и займемся... А прибор я за месяц восстановлю. Мне никаких чертежей не надо — у меня все в голове... У меня и другие задумки есть! Представь, Василиса, в

эфире нет никакой рекламы, а люди толпами бегут в магазин за нужной зубной пастой... Все решается на уровне подсознания! Хочешь, я тебе схему прибора набросаю?

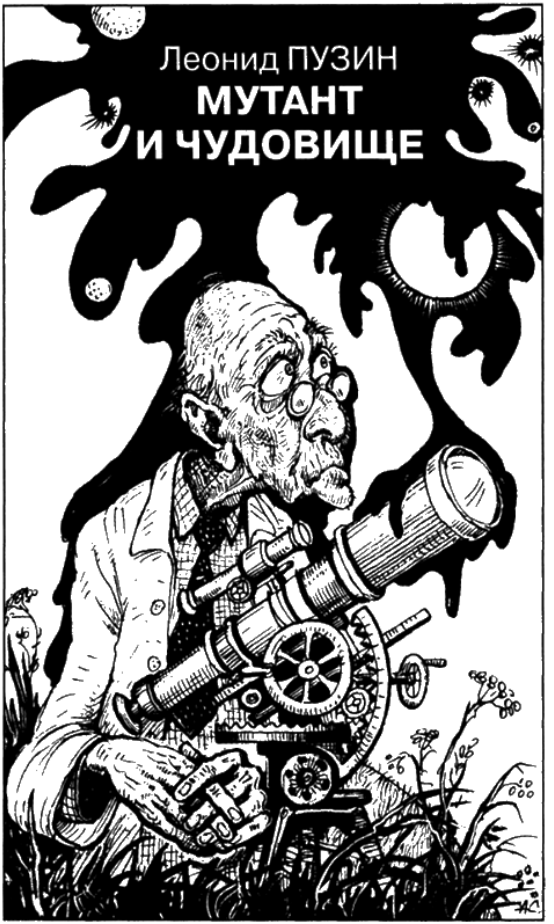
— Хочу... Боря, а сколько детей у нас будет? Хорошо бы двое — мальчик и девочка...

Вечером, подъезжая к Москве, Кузькин в своем голубом «Форде» настроился на радио «Криминальная волна».

«Сегодня днем мы передали не совсем точную информацию. Директор фирмы «Волна» Сидоров не убит, а легко ранен. Он вывихнул два пальца на правой руке и получил несколько осколков в мягкую часть тела... Как нам сообщает корреспондент «Вечерней Ветлуги» Феликс Скулов, у местных сыщиков уже есть основная версия — это не терроризм, а бытовая разборка на почве ревности. Дело в том, что недавно жена генерала Маргарита три дня скрывалась на даче бывшего мэра Афонина. И жила она там не одна, а с симпатичным москвичом...»

Кузькин выключил радио. Дальше он не мог слушать!.. Это Муромцев у них «симпатичный»? Как врут журналисты! Он же курносый, скуластый и уши торчат...

Леонид ПУЗИН
МУТАНТ И ЧУДОВИЩЕ


Леонид ПУЗИН
МУТАНТ
И ЧУДОВИЩЕ

Молодой астрофизик Юрий Чертков, рассеянно окинув взглядом фотографии участка звездного неба, полученные на трехсотпятидесятисантиметровом телескопе за пять лет наблюдений, лишний раз удостоверился, что угловое смещение таинственного «слепого пятна» увеличивается год от года. Стало быть...

Вообще-то, как астрофизика Черткова интересовало не столько перемещение, сколько природа открытого десять лет назад астрономом-любителем Яном Шварцем загадочного объекта. Но поскольку за восемь лет регулярных наблюдений все предположения о природе «слепого пятна» не шли дальше малоубедительных гипотез, то исследователям оставалось только следить за его перемещением. Да и то лишь фотографии последних шести лет позволяли сделать вывод, что угловая скорость наблюдаемого объекта выше угловой скорости ближайших звезд — до этого наблюдения за «слепым пятном» велись преимущественно любителями и, соответственно, вызывали мало доверия у профессионалов. И только когда пять лет назад тот же Шварц заявил, что угловая скорость открытого им объекта увеличивается, астрономы трех серьезных обсерваторий начали регулярно фотографировать

«слепое пятно». И после двух лет наблюдений пришли к выводу, что, как это ни странно, Шварц прав. Следовательно...

Всматривающемуся в ряд фотографий Юрию Черткову вдруг пришла в голову совершенно абсурдная мысль: «слепое пятно» не газопылевое облако, каковым ему надлежало быть по мнению большинства астрономов, а «абсолютно черное тело». Казалось бы, ничто не давало оснований для этого нелепого предположения — газопылевое облако должно иметь очень низкое альбедо, поглощая большую часть попадающих на него излучений, — но молодой астрофизик вдруг ни с того ни с сего уверился: «слепое пятно» поглощает не большую часть, а все излучения. Во всем диапазоне электромагнитных волн. Стало быть...

Однако, рассчитав на мощном компьютере массу имеющего десять миллионов километров в диаметре — а, по оценке большинства астрономов, «слепое пятно» было именно такого размера — «абсолютно черного тела», Чертков обозвал себя беспочвенным фантазером. Чтобы объект с массой примерно в одну двухсотую солнечной и находящийся вблизи внешних границ облака Оорта имел наблюдаемое угловое ускорение, для этого явно недостаточно гравитации нашего

Светила. Необходимы дополнительные — либо внешние, либо внутренние — силы. А поскольку дополнительным внешним силам взяться было неоткуда, то...

Само собой, о том, что приближающееся к Земле «слепое пятно» является космическим кораблем пришельцев, соответствующие издания затрубили с момента его открытия. И даже когда астрономам удалось рассчитать примерные размеры этого «корабля», количество энтузиастов хоть и уменьшилось, но не существенно. Зато возросло число сторонников «облака-убийцы» — чему очень способствовали регулярно появляющиеся в периодической прессе сенсационные сообщения о нацеленных на бедную Землю сотнях «астероидов-убийц». Не говоря уже о «пророках», проповедниках, кликушах и шарлатанах всех мастей, с присущей подобным гражданам безапелляционностью объявивших «слепое пятно» знамением близкого конца света и, разумеется, заработавших на посеянном ими страхе очень недурственные дивиденды.

Казалось бы, сухие цифры не оставляли места фантастической гипотезе Юрия Черткова, тем не менее молодой астрофизик не спешил отказаться от бредовой идеи: предположив, что «слепое

пятно» является «абсолютно черным телом», он невольно попал под обаяние своего вымысла. Однако, будучи профессионалом, Чертков несколько раз перепроверил результаты расчетов, изменяя заданные параметры, — все равно ничего не получалось! Даже уменьшив массу «слепого пятна» в сто раз, астрофизик не смог объяснить его траекторию одним лишь притяжением Солнца.

Более того, вернувшись к общепризнанной гипотезе о газопылевой сущности «слепого пятна», Чертков получил очень неоднозначные результаты. Наблюдаемое угловое ускорение объяснялось гравитационным воздействием Солнца только в том случае, если плотность — и, соответственно, масса — таинственного образования была совершенно ничтожна. Но в таком случае, почему оно заслоняет звезды? Ведь это только по земным масштабам десять миллионов километров значительное расстояние, по космическим — сущая ерунда. Чтобы газопылевое облако диаметром десять миллионов километров не пропускало свет расположенных позади него звезд, оно должно быть как минимум в тысячу раз плотнее, чем удовлетворяющее условиям задачи. Однако в этом случае его ускорение не может быть вызвано

одним только притяжением Солнца. И?..

Юрий Чертков задумался — черт! Или это дурацкое «слепое пятно» является огромным пузырем из светонепроницаемой пленки, или оно способно двигаться автономно! Или... то и другое вместе?! И тогда, значит, не так уж и не правы бульварные газетенки, вот уже десять лет трубящие о приближающемся к Земле корабле пришельцев? Да, но космический корабль диаметром в десять миллионов километров?., а почему бы и нет! Ведь если допустить, что «подпространственные» мгновенные перемещения на любые расстояния так и останутся уделом фантастов, то звездолеты должны быть именно таких — планетарных — размеров. Чтобы на них могла поместиться если не вся раса охочих до перемены мест отважных безумцев, то ее значительная часть. В противном случае межзвездные путешествия — даже с субсветовой скоростью — теряют смысл: чем могут осчастливить далеких потомков слетавшие на расстояние хотя бы в тысячу световых лет, не постаревшие «живые ископаемые»? Да... но десять миллионов километров... не слишком ли это много для любого космического корабля? Самых что ни на есть планетарных масштабов? Это сколько же, чтобы его построить,

потребуется планет размером с Землю?

Поймав себя на нездоровой тяге к гигантомании — ведь он чуть было не занялся расчетами сверхзвездолета! — астрофизик Чертков мысленно выругался и вернулся к дикой гипотезе «абсолютно черного тела». Однако сколько компьютер ни пересчитывал все мыслимые — и даже не мыслимые! — значения его массы, ни одно из решений не удовлетворяло наблюдаемому угловому смещению «слепого пятна». Как, впрочем, и общепринятая гипотеза «газопылевого облака» — чтобы перекрывать свет расположенных за ним звезд, такое облако должно было иметь плотность в тысячу раз большую, чем позволяла его зафиксированная на фотопластинках траектория. Разумеется, если не допустить действия иных, кроме солнечного притяжения, внешних или внутренних сил...

Оставив пришельцев фантастам, мистикам, демагогам и элементарным жуликам, а свою вздорную гипотезу, что «слепое пятно» является «абсолютно черным телом», отложив до лучших времен, Юрий Чертков сосредоточился на случайно обнаруженном им противоречии: несоответствии плотности газопылевого облака наблюдаемому угловому ускорению. Из

чего, по мнению астрофизика, могла получиться добротная научная статья. Однако прежде чем приняться за расчеты, Чертков зашел в Интернет — нет ли соответствующей публикации на данную тему? Не собирается ли он ломиться в открытую дверь?

Прошел дождь, и выбравшийся из крытого еловым лапником шалаша Олег смотрел на играющую на солнце всеми цветами радуги крупную каплю, набухающую на кончике мокрого березового листа. Во время и сразу после грозы большинство птиц, зверей, лягушек и прочей живности находилось в эмоциональном оцепенении, и экстрасенсорная система юноши-мутанта отдыхала.

Впрочем, юношей Олега можно было считать весьма условно, исходя из его внешнего вида; в действительности невысокому, худому, имеющему едва ли не детские, без малейших признаков растительности черты лица мужчине было не меньше тридцати пяти лет. А возможно — несколько больше: очень молодая мама, родившая сына через полтора года после чернобыльской катастрофы, оставила мальчика на руках у бабушки и в поисках лучшей доли подалась в город Путивль.

(Да, да — в тот самый Путивль, на стене которого тысячу лет назад княгиня Ярославна оплакивала своего безрассудного мужа князя Игоря и от чьей былой славы остались лишь оплывшие земляные валы да «жаркое по-древнепутивльски» в местном ресторане.)

Бабушка Олега не прижилась в наспех построенном барачном поселке для эвакуированных и, когда внуку исполнилось два с половиной года, тайком вернулась в брошенную родную деревню, из семнадцати домов которой к этому времени в более или менее сносном состоянии сохранилось лишь два. Заведя корову, поросенка, трех коз и вскопав огород, отнюдь не старая сорокачетырехлетняя женщина зажила не сказать, чтобы припеваючи, но на фоне случившегося распада страны — вполне терпимо. Опять-таки именно из-за этого распада ни центральные, ни местные власти не докучали нелегальной репатриантке — чиновникам всех мастей, озабоченным дележом вдруг поплывшей им в руки бывшей народной собственности, стало не до отдельных несознательных граждан. Арадиация?.. что же! Она не имеет ни вкуса, ни запаха, да и вообще — по мнению подавляющего большинства грамотных сельчан — была придумана злокозненным на-

чальством для вящего одурачивания трудового народа.

Тем не менее непризнанная радиация существовала: распадались нестабильные изотопы, поражая «осколками» (в первую очередь — нейтронами и фотонами высоких энергий) иммунную, лимфатическую, кроветворную, нервную и прочие тонко настроенные системы живых существ. Всех — от блохи, комара, до лягушки, курицы, щуки, козы, волка, медведя, человека.

Сосредоточившись на капле, наконец-то сорвавшейся с кончика березового листа, Олег не сразу почувствовал положительный эмоциональный фон, идущий от выползших на поверхность земли и блаженствующих во влажном тепле дождевых червей. По счастью, этот слабенький фон едва затрагивал экстрасенсорную систему молодого человека, оставляя Олегу время для короткого отдыха. Увы, очень недолгое время — спустя каких-нибудь пять минут после того, как унеслась грозовая туча и выглянуло солнце, запели птицы, зашуршали мыши, зашмыгали белки, зашевелили ушами зайцы, насторожились олени, изготовились к охоте лисы и волки, а в ближайший малинник ввалился медведь. Общий эмоциональный фон резко возрос, а когда

неподалеку от Олега куница впилась в горло зазевавшейся тетерке, юношу захлестнули две различно окрашенные психические волны: боли и ужаса — от агонизирующей птицы, торжества и удовольствия — от насыщающегося свежатиной удачливого зверка. Сердце молодого человека на мгновение сбилось с ритма; однако, интерферируя, эти психические волны не усилили, а погасили друг друга, и через две-три секунды душевное равновесие Олега полностью восстановилось.

Скоротечная летняя гроза уходила на северо-восток, затаившиеся на время лесные жители дружно покидали свои убежища и торопились войти во всеобщий биологический круговорот: хватая пищу, жадно раскрывались рты, пасти, клювы; чуткие ноздри, глаза и уши искали добычу, вместе с тем пристально следя за возможными охотниками. Ощущения голода, насыщения, удовольствия, страха, боли, полового влечения порождали все более мощные психические волны, заставляя эмпатическую систему Олега вибрировать со все возрастающей частотой. Наконец резонансные колебания, слившись и взаимно погасив друг друга, образовали привычный для юноши-мутанта психоэмоцио-

нальный фон — Олег облегченно вздохнул. Хотя настройка эмпатической системы происходила сама собой, не требуя от юноши волевых усилий, всякий раз этот повторяющийся каждое утро процесс вызывал ощутимую душевную боль — к сожалению, молодой человек не мог ничего поделать с данной, не всегда приятной особенностью своей психики: так распорядилась природа. Впрочем, случающийся по два-три раза в день легкий эмоциональный шок не шел ни в какое сравнение с теми душевными потрясениями, которые Олег испытывал, непроизвольно улавливая чувства и переживания не десятков тысяч бессловесных тварей, а хотя бы трех-четырех человек. В последнем случае юноша-мутант едва ли не буквально терял голову и готов был бежать от представителей своего вида хоть за тридевять земель. И бежал. Начиная с семнадцати лет, с того времени, когда эмпатические способности Олега усилились до такой степени, что сделали невозможным пребывание мутанта в самом немногочисленном человеческом сообществе.

В конце концов беглец очутился на принадлежащей Красноелинскому охотничьему хозяйству глухой таежной заимке — номинальным егерем.

Жаркое солнце быстро высушило траву. Олег

взял короткую косу и стал умело окашивать теснящие лесную прогалину березовые стволы — на самой поляне трава была скошена позавчера, и вечером ее следовало собрать в копны. Между деревьями часто попадались подберезовики, подосиновики, а иногда и белые — юноша-мутант осторожно срезал их косой и складывал в подвешенную к поясу холщовую сумку. Когда сумка наполнялась, Олег относил грибы в шалаш и пересыпал их в большую, им самим сплетенную из ивняка корзину — знатные получатся и суп, и жаркое! Не говоря о том, что сушеные и соленые грибы составляли очень существенную часть в питании не совсем добровольного отшельника. Являясь естественным вегетарианцем — еще бы! попробуйте убить живое существо, чувствуя его страдания как свои! — Олег старался разнообразить стол за счет бескровных даров леса. Кроме того, он держал двух коз и возделывал огород, на котором росли капуста, картошка, лук, огурцы, морковка и укроп с петрушкой. С раннего детства приученный бабушкой к крестьянской работе, юноша-мутант успешно справлялся и с огородом, и с животными — помимо коз у Олега имелась очень не лишняя в сельском хозяйстве отшельника пожилая кобыла.

Когда до захода солнца оставалось около часа, Олег, сметав в копны скошенную позавчера траву и натаскав в шалаш свежего сена — кто не знает, лучшее средство от комаров! — занялся приготовлением ужина, одновременно нанизывая на тонкие лыковые бечевки собранные днем белые грибы. В котелке над костром варился суп из подосиновиков, подберезовиков и перловки, в другом котелке закипала вода для чая, на пристроенной сбоку от костра на горячих углях чугунной сковородке жарились те же грибы с картошкой — благодать! Лишенный радостей секса — и не столько вызванным радиацией недостатком мужских гормонов, сколько невозможностью быть рядом с другим человеком дольше пятнадцати-двадцати минут, — юноша-мутант находил им замену в прочих маленьких радостях жизни: вкусной еде и особенно в своей уникальной способности сливаться со всем сущим — деревьями, травой, облаками, зверями, птицами и даже ползучими гадами.

Поужинав и вымыв в ручье посуду, Олег забрался в шалаш и растянулся на пахнущем чабрецом, зверобоем и мятой душистом сене. В широкий лаз смотрела купающаяся в закатных лучах Венера, неподалеку от шалаша, позвякивая колокольчи-

ком, переступала с места на место стреноженная Машка — списанная из охотничьего хозяйства хромая кобыла; эмоциональный фон терял свою интенсивность, смежались веки, юноша-мутант засыпал.

Погасла поздняя июльская заря, почерневшие деревья вплотную обступили поляну с одинокой разлапистой елью, под которой притулился шалаш Олега; Машка, набившая брюхо сочной травой, дремала, прислонившись боком к стволу старой березы. Вдруг юноша-мутант беспокойно заворочался на застеленном стареньким солдатским одеялом сене и резко проснулся. В чем дело? Что спугнуло его, как правило, крепкий сон? Уж не забыл ли Михаил Потапович — молодой четырехлетний медведь — бессловесно, на эмпатическом уровне, заключенное в прошлом году соглашение о разграничении участков? Не вторгся ли, напугав ненароком Машку, в чужие владения?

Прислушавшись, Олег не услышал никаких подозрительных звуков: в первую очередь — лошадиного храпа и топота, сопровождаемых заливистым звоном колокольчика. Конечно, Машка, пасясь, могла забрести в глубь леса, на участок Михаила Потаповича, и там подверг-

нуться нападению беспокойного соседа, но, во-первых, с какой стати страдающая ревматизмом пожилая кобыла пустилась бы в дальние странствия, когда вокруг предостаточно и сочной травы, и свежего сена? А во-вторых: на крупных животных медведи нападают только ранней весной, встав из берлоги, и уж никак не в июле — когда в лесу уйма ягод, грибов, меда и прочих медвежьих лакомств.

Однако зверь есть зверь, и поручиться за миролюбие Михаила Потаповича на сто процентов Олег бы не поручился, мало ли что могло прийти в лобастую медвежью голову...

На миг шевельнувшись в уме, подобные мысли скоро оставили юношу-мутанта: вздор! Гадать о возможной опасности — хуже не придумаешь! Опасность надо или увидеть, или услышать, или почуять носом, или... вот именно!

Ночной психоэмоциональный фон леса был значительно слабее дневного, и Олег без труда уловил волны сытости, благодушия и спокойствия, исходящие как от дремлющей в двадцати шагах от шалаша кобылы, так и от спящего на своем участке — на расстоянии полутора километров — медведя.

Успокоившись, юноша-эмпат закрыл глаза,

надеясь опять уснуть, но сон почему-то не шел, что-то мешало Олегу забыть о разбудившем его странном ощущении — необъяснимой, явившейся ни с того ни с сего тревоге. Почему? Ведь настроившись на общий психоэмоциональный фон, юноша-мутант убедился, что ничего угрожающего ему или его лошади и козам ночной лес не замышляет, и тем не менее...

Ворочаясь с боку на бок на мягком душистом сене, Олег долго не мог понять, что же все-таки мешает ему уснуть, как вдруг... да! Юноша-эмпат наконец-то догадался, в чем дело: общий эмоциональный фон значительно отличался от того, к которому он привык, — к знакомым ощущениям, идущим от десятков тысяч самых разнообразных живых существ, примешалось нечто абсолютно чужое, не соотносимое ни с чем земным.

Эмпатически «вслушавшись» в это проецируемое непонятно кем и откуда, не человеческое, не звериное и вообще не земное чувство, никогда ничего не боявшийся юноша-мутант вдруг похолодел от страха: да что же это такое, Господи?! Идущее откуда-то очень издалека, из невообразимой бездны, ощущение вселенского голода! Идущее со всех сторон — будто бы голодает само Небо! Все Небо! Голодает до такой степени, что

готово без малейшего колебания пожрать своих детей — планеты и звезды!

Прежде чем потерять сознание от непосильного эмоционального шока, Олег мысленно возопил: «Боже, спаси и сохрани Землю от этого вселенского Ужаса!»

ОНО ничего не ело три миллиона лет — с момента своего образования. В межзвездной среде, куда ЕГО выбросили гравитационные силы молодой звездной ассоциации, одна молекула водорода приходилась на черт знает какое количество кубических километров пустоты, так что, имея массу в одну сотую солнечной и собственную скорость около трехсот километров в секунду — не «разжиреешь». К тому же ЕМУ изначально жутко не повезло: отправившие ЕГО в космическое странствие гравитационные силы нескольких звезд сложились таким образом, что за три миллиона лет ОНО ни к одной планетной системе не приблизилось хотя бы и на полпарсека.

Если бы ОНО имело зачатки разума, то могло бы горестно посетовать на судьбу: и за что только МНЕ выпала эта незавидная доля?! Вместо того чтобы мерцать скромной звездочкой в последовательности «красных карликов», из-за невероятной комбинации гравитационных

сил, жесткой радиации, флуктуации вакуума и собственной плотности, МЕНЯ угораздило обзавестись внешними и внутренними мембранами! И превратиться не в порядочную звезду, а в эдакое — единственное в своем роде — квазиживое чудовище! Которое ничего не знает, не умеет, но сосущая пустота которого требует вещества! Чужих атомов и молекул! Ну почему, почему вместо того, чтобы, как подобает всякой массе, сжаться под действием гравитационной силы и просиять в термоядерном экстазе, Я медленно «перевариваю» самое себя?! Почему во мне водород так соединился с углеродом, азотом и кислородом, что образовавшиеся мембраны, фильтруя и разделяя молекулы, не только противодействуют гравитационному коллапсу, но и порождают возбуждающие внутреннюю структуру электромагнитные колебания?! Вызывая тем самым мучительную сосущую пустоту!

После первого миллиона лет странствий, эта сосущая пустота преобразовалась в то, что, применительно к живым существам, мы называем потребностью в пище — в чужих атомах и молекулах. Когда на ЕГО пути вдруг оказывалось хотя бы очень разряженное газопылевое облако, то проникающие сквозь внешнюю мембрану

частицы инородного вещества стабилизировали внутреннюю структуру, тем самым гармонизируя электромагнитные колебания. К сожалению, материи в таких облаках было совершенно недостаточно, и еще через миллион лет ОНО вынужденно совершило глубокую трансформацию, перейдя на автотрофное питание: ЕГО внутренние структуры усложнились, в разделенных мембранами ячейках образовались подобия ядер, объем уменьшился в тысячу раз, а плотность возросла в пятьсот. «Высвободившейся» в результате столь радикального преобразования почти половины начальной массы ЕМУ хватило на следующий миллион лет — увы. Для гармонизации электромагнитных колебаний в усложнившихся структурах требовалось очень много энергии, и ее нехватка стала вызывать уже не просто ощущение сосущей пустоты, а настоящее чувство голода. Таким образом, квазижизнь сделала важный шаг на пути к полноценной жизни: ОНО из разряда местоимений перешло в разряд существительных, став гигантской — более десяти миллионов километров в диаметре — «космической амебой». Страшно голодной, способной «переваривать» не только рассеянные газопылевые облака, но и плотные сгустки вещества

— кометы, астероиды и даже целые планеты.

Для того чтобы новообразовавшейся «амебе» стать по-настоящему живым организмом, ей пока не хватало двух важных особенностей: сколько-нибудь чувствительной к внешним воздействиям сенсорной системы и способности к репродукции. Увы, перейдя на автотрофное питание, ОНО за последний миллион лет исчерпало все внутренние резервы, и для следующей трансформации ЕМУ катастрофически не хватало вещества и энергии: «космическая амеба» умирала от голода у самых границ солнечной системы — рядом с облаком Оорта. И, умирая, эмпатировала чувство вселенского голода. Настолько сильного и вездесущего голода, что, несмотря на 20 тысяч астрономических единиц между ними, восприимчивому к ощущениям всех живых существ юноше-мутанту Олегу показалось, будто голодает само Небо. Голодает до такой степени, что готово пожрать своих детей — планеты и звезды.

Небольшая статья Юрия Черткова в «Вестнике астрономии» вызвала значительный резонанс в научных кругах. Многие видные исследователи задались вопросом, почему не им, а мало кому известному молодому астрофизику пришло в

голову связать наблюдаемое угловое смещение «слепого пятна» с его возможной плотностью и, соответственно, с прозрачностью этого по космическим масштабам более чем скромного газопылевого облака? А ведь, казалось бы, достаточно самых элементарных познаний в небесной механике, чтобы наткнуться на сразу получившее название «парадокса Черткова» противоречие: при наблюдаемом угловом смещении «слепое пятно» должно было иметь очень небольшую массу. Но в этом случае почему оно напрочь перекрывало расположенные за ним звезды? Тогда как, исходя из его плотности, это приблизившееся к границам солнечной системы газопылевое облако должно быть достаточно прозрачным. Практически — невидимым. Или неверны первоначальные расчеты? И будто бы находящееся вблизи облака Оорта таинственное новообразование на самом деле много больше и много дальше, чем представлялось до сих пор?

Подобные окрашенные легкой завистью вопросы могли бы долго волновать некоторых ученых, если бы изменение угловой скорости «слепого пятна» не стало таким значительным, что при любой самой ничтожной массе газопылевого облака сделалось невозможным объяснить его

новую траекторию лишь одним притяжением Солнца. Стало быть?..

...однако это самое сакраментальное «стало быть» находилось настолько далеко от территории, на которую, оставаясь в рамках науки, смели покушаться даже наиболее дерзкие исследователи, что подавляющее большинство серьезных ученых отказалось от всяких комментариев, сославшись на недостаток данных. Дескать, через два-три года, когда «слепое пятно» выйдет на устойчивую орбиту, его массу можно будет рассчитать с точностью, достаточной для того, чтобы делать хоть сколько-нибудь обоснованные выводы о сути этого таинственного новообразования. Ведь сейчас мы не знаем толком ни его скорости относительно Солнца, ни массы, ни плотности, не говоря о прочих важных параметрах. Ведь даже принятые большинством ученых размеры «слепого пятна» отнюдь не бесспорны, ибо опираются на косвенные данные, на покрытие им нескольких тусклых звезд — поскольку само новообразование, имея очень низкое альбедо, не отражает солнечного света. Во всяком случае — до сих пор не отражало. Однако не исключено, что, приблизившись к Солнцу... ну и так далее, и тому подобное.

Если астрономы, астрофизики, математики и прочие представители точных наук хотели таким образом успокоить общественное мнение, то сильно просчитались: нашлись другие ученые — преимущественно историки, юристы, политологи, агрономы, экономисты, ветеринары, философы, — которые быстро разъяснили жадной до сенсаций публики, что к чему. Мол, они тоже доктора и академики, и их на мякине не проведешь: ясное дело — пришельцы! Ибо только космический корабль может не отражать света и произвольно менять траекторию. А поскольку в средствах массовой информации слухи о пришельцах муссировались с самого начала, с заявления Яна Шварца об открытии им «слепого пятна», то ничего удивительного, что после подобных комментариев многие отнюдь не бульварные издания запестрели броскими заголовками.

«Братья по разуму или космические монстры?», «Земля в опасности», «Руки прочь от человечества», «Президент США и всемирный масонский заговор пришельцев», «Духовностью России спасется мир», «Антиглобализм или Армагеддон» — писали «серьезные» газеты. Те, что полегкомысленнее, не мудрствуя лукаво, «ре-

зали правду-матку»: «Людоеды из туманности Андромеды», «Трехголовые кровососы с альфы Центавра», «Раса похотливых рабовладельцев на тропе войны», «Русский богатырь кладет... на марсианского змея-Горыныча» — ну, и прочее в этом роде.

Увы, даже самые хлесткие, провоцирующие и пугающие газетные заголовки не отражали и сотой доли того Ужаса, который надвигался на планету Земля.

Пока бойкие журналисты, стараясь перещеголять друг друга, изощрялись в сочинении все более разнузданных заголовков, «слепое пятно» со скоростью около трехсот километров в секунду входило в облако Оорта.

Проснувшись утром, Олег не сразу вспомнил, что же так напугало его вчера? Лишило сна едва ли не на всю первую половину ночи? И только когда эмпатическая система юноши-мутанта настроилась на общий психоэмоциональный фон Леса, он вновь почувствовал вторгшуюся в земной мир чужеродную составляющую: не звериную, не птичью, не человеческую — вообще абсолютно нездешнюю, не имеющую ничего общего не только с жизнью каких бы то ни было организмов, но и с их смертью. Почувствовав

— вспомнил. Вспомнив — впал в глубокую тоску: Господи, спаси и сохрани Землю от надвигающегося на нее вселенского Ужаса! От обезумевшего от голода Неба! Бежать! Немедленно! Как прежде он бежал от людей — с их невыносимо мучительными эмоциями! Бежать в пустыню, на край света! Но... где тот край света, на котором можно спрятаться от обезумевшего Неба?! Где та пустыня, которая защитит от вселенского Ужаса?!

Всхлипнув, сердце Олега остановилось, от страшной душевной боли юноша-мутант потерял сознание, однако умереть ему было не время, и через несколько секунд сердце вновь застучало в груди — Олег очнулся. И сразу же пожалел, что не умер: чувствовать вселенский Голод, зная, что для его утоления мало целого Мира, — невыносимое бремя! Одно дело земной круговорот всеобщего взаимного пожирания (в этом случае страдания жертвы эмпатическая система юноши-мутанта компенсировала удовольствием охотника), и совсем другое — неутолимый вселенский голод. Чувствовать, как от истощения умирает Небо, и знать, что насытить Его может только все вещество Вселенной, — кто бы вынес такую душевную муку? Во всяком случае — не Олег: испытав сумасшедшую перегрузку, эмпати-

ческая система юноши-мутанта дала серьезный сбой. Олег не перестал ощущать общий психоэмоциональный фон Леса, но ему вдруг сделались совершенно безразличными чувства не только лягушек, змей или, скажем, дождевых червей, но и куда более волнующие эмоции филинов, журавлей, зайцев, оленей, волков, медведей и даже любимой кобылы Машки. На какое-то время мир юноши-мутанта сузился почти до границ замкнутых мирков «нормальных» человеческих особей — таким образом, не перестав ощущать эмоциональный фон Леса, Олег на время утратил единство с Ним. И не только с Лесом — со всеми стихиями: огнем, воздухом, землей, водой.

Юноше-мутанту сделалось скучно — впервые в жизни. Олег вдруг пожалел, что у него нет хотя бы маленького радиоприемника на батарейках. А еще лучше — телевизора. Да, его заимка, отстоящая от основной базы охотхозяйства на восемьдесят пять километров, не электрифицирована, но ведь сейчас есть телевизоры, работающие от аккумуляторов. И вообще... какого черта он живет эдаким бирюком? Почему — не среди людей? Ах, их противоречивые чувства слишком сильны и мучительны для него? А почему он должен реагировать на чужую боль, чужие

зависть, тоску, злобу, коварство, неудовлетворенность, пресыщенность, ехидство, глумливость, желание унижать и мучить, потребность в самоутверждении на костях ближнего — почему? Какое ему дело до эмоций сладострастно мучающих и мучающихся соплеменников? Ах, до сих пор, эмпатически передаваясь, их страдания заставляли страдать его? Вот именно — до сих пор... отныне — баста! Отныне — он такой же, как все. Ну, может, и не совсем такой... его физическая ущербность вряд ли позволит ему на равных драться за место под солнцем... да и вообще — драться... попробуй, ударь — если чувствуешь чужую боль как свою. Вот только... по-прежнему ли чужую боль он чувствует как свою?

Не решив этого вопроса — да и сейчас, после вдруг случившегося эмоционального отупения не желая его решать, — Олег надумал вернуться на заимку.

Действительно, какого черта он целое лето, как проклятый, косит сено по всему лесу, рубит ветки, живет в шалашах, питается чем попало — когда для Машки и коз за глаза хватило бы той травы, что растет на заливном лугу, начинающемся в ста шагах от порога занимаемой им избушки? Конечно, по условиям найма, он обязан заготав-

ливать на зиму корм для оленей, косуль, лосей — но ведь не в таком же сумасшедшем количестве?! За ним закреплены четыре кормушки для диких животных, и, чтобы в них зимой не переводились ветки и сено, надо втрое, а то и вчетверо меньше припасов, чем он заготавливает задето! А за сверхурочную работу ему не только не платят, но соседние лесники и егеря ехидно подсмеиваются над ним — и это сейчас, после двенадцати лет службы! А поначалу случалось, что и бивали — по счастью, умеренно: мол, блаженный, какой с него спрос. Другое дело — ощущение радости, идущее от насыщающегося его трудами лесного зверья, но...

...обозвав себя идиотом, Олег стал собираться — черт с ними, с его четвероногими рогатыми и безрогими подопечными! Сейчас, после едва не закончившегося смертью эмоционального шока, ему до лампочки их примитивные переживания! Их сытость, голод, боль, удовольствие, половые страсти — все это ничто в сравнении с неутолимым вселенским Голодом, которым страдает Небо!

Сложив в телегу посуду и хозяйственный инвентарь, Олег запряг Машку, привязал сзади упрямых коз, взгромоздился боком на край ку-

зова и, тряхнув вожжами, звонко скомандовал: но! Хромая кобыла не спеша затрусила по лесной просеке и за два часа одолела одиннадцать километров, отделявших сенокос от сторожки.

Вернувшись на заимку, юноша-мутант вновь помянул недобрым словом свое пристрастие к нуждам диких лесных жителей и нерадение в домашнем хозяйстве: за четыре дня его отсутствия огуречные плети тронула желтизна, внешние листья на формирующихся кочанах капусты поникли, а кое-где даже завяли. Понадеялся, как говорится, на Илью Пророка... То-то соленых огурцов и квашеной капусты ему редко хватает до весны! Конечно! Всю душу отдавая благополучию лосей, оленей, косуль, кабанов, зайцев, долго ли до безобразия запустить собственный огород? Свои огурцы, свою капусту, свой лук, свою картошку? Правда, картошка с луком, так же как и морковка, не требуют особой заботы — несколько раз за лето прополоть, окучить — зато огурцы с капустой... нет! Отныне он будет заготавливать столько веток и сена, сколько с него спрашивает начальство! Зато не оставит без регулярного полива влаголюбивые огурцы и капусту. Отныне он... отныне...

...вдруг юноша-мутант почувствовал резкую

перемену в чужеродной составляющей общего психоэмоционального фона: Небо больше не голодало. Оно насыщалось.

Разумеется, не читающий газет, не слушающий радио и не смотрящий телевизор Олег слыхом не слыхал ни о каком «слепом пятне» — зато, эмпатически уловив страдания Неба, он знал другое: где-то в невообразимой дали вселенский Ужас нашел пищу. Неясно, каким образом юноша-мутант, приняв исполненный муками голода сигнал квазиживого существа, догадался о надвигающейся катастрофе — но догадался. И сначала едва не умер от шока, а вскоре, когда, защищаясь, его эмпатическая система радикально перенастроилась, нашел спасение в незнаемой им прежде — обычной для большинства «нормальных» людей — душевной черствости. Однако, не успев обжиться в замкнутом на себя уютном мирке, Олег был вырван из него новым эмпатическим посланием Неба: Я насыщаюсь! Я ем! Я живу!

Приняв этот сигнал, юноша-мутант почувствовал, что его психические способности полностью восстановились: Олег обрадовался радостью чуждого всему земному квазиживого существа. Или, как понял он сам, радостью Неба. А то, что радость Неба грозит гибелью Земле, вдруг перестало

смущать юношу-мутанта — ведь поглощаемые пришедшим из космических бездн квазиживым организмом каменные и ледяные образования не излучали отрицательных эмоций. Зато, впервые за три миллиона лет очутившись на тучных пажитях, «космическая амеба» сочилась радостью. И, сопереживая, радовался Олег.

Между тем, «переваривая» астероиды и кометы, «слепое пятно» все глубже погружалось в облако Оорта.

О, какое это блаженство — сытость! Когда медленно просачивающиеся сквозь внутренние мембраны инородные органические и неорганические молекулы так гармонизируют собственные электромагнитные колебания, что, резонируя, все вещество, образующее ТВОЕ тело, приходит в состояние божественного динамического равновесия! И ТЕБЕ вдруг открывается внешний мир — вся вселенная! Оказывается, что разнесенные на миллионы километров протоганглии являются не только источниками порождающих сосущую пустоту хаотических автоколебаний, но сверхчувствительными приемниками гравитационных волн! И ТЫ начинаешь воспринимать не просто общее гравитационное поле вселенной, и даже не локальные искривления пространства,

вызванные массивными объектами — такими как ядра галактик, звезды, планеты, — но и совершенно ничтожные градиенты, порождаемые изменением орбит отдельных электронов! Миллионы километров, на которые разнесены ТВОИ ганглии, обеспечивают ТЕБЯ столь совершенной гравитационной локацией, что ТЫ без труда находишь не только маленький камешек или кусочек льда, но и пылинку, но и молекулу, но и отдельный атом. Причем, поглотив и усвоив первый миллиард тонн чужеродного вещества, ТЫ обзавелось не только гравитационной локацией, но научилось так искривлять пространство, что ТЕБЕ больше не надо ни пассивно ждать, ни даже гоняться за отдельными молекулами, пылинками, камешками и небольшими астероидами — они, как говорится, сами плывут ТЕБЕ в «рот». И только объекты километрового диаметра пока еще требуют ТВОЕГО внимания — заставляя слегка изменять орбиту. Но, в сравнении с тем, что ТЫ получаешь, «переваривая» аппетитный массивный астероид, затрата энергии на изменение орбиты столь несущественна, что ТЫ начинаешь испытывать удовольствие от подобной «охоты». И облако Оорта «худеет» с каждой секундой. Правда, люди, за исключением Олега, этого пока

не замечают — слишком велико расстояние даже для самых чувствительных телескопов. Зато юноша-мутант, затри месяца эмпатически сроднившись с чудовищной «амебой», весь октябрь радовался ее радостью: сытость Неба — какое это блаженство! Чувствовать, как, перевариваясь в огромном чреве, бездушные камни и осколки льда даруют жизнь гигантскому организму, — никогда прежде эмпатическая система Олега не находилась в столь полной гармонии с внешним миром. И, вдохновленный сытостью Неба, юноша-мутант заготовил столько сена и веток для своих диких четвероногих друзей, сколько не запасал никогда прежде. А то, что капуста частью вымокла, частью оказалась поврежденной гусеницами, его нимало не беспокоило — перебьется! Есть грибы, орехи, есть кадка соленых огурцов, есть лук, картошка, крупы, мука, вермишель, моченая брусника — перезимует за милую душу! Зато и лоси, и олени, и кабаны, и косули, и зайцы — все будут сыты его щедротами.

Четыре месяца, прошедшие после публикации в «Астрономическом вестнике» нашумевшей статьи Юрия Черткова, не внесли никакой ясности в природу таинственного «слепого пятна». За это время ученые не смогли не только рассчитать его

орбиту, но даже оценить возможную траекторию движения — останется ли пришедшее из глубин галактики газопылевое облако в солнечной системе или, имея собственную скорость от двухсот до пятисот километров в секунду, пересечет ее и через тысячу лет вновь затеряется в глубинах космоса? И, соответственно, не зная ни орбиты, ни массы, ни плотности, а имея лишь приблизительные сведения о размерах эллиптической проекции на небесную сферу — где-то от девяти до тринадцати миллионов километров по малой и большой осям, — серьезные ученые воздерживались от комментариев: рано! Единственное, на что для успокоения общественного мнения решились несколько видных астрономов и математиков, это заявить в прессе, что чем бы ни являлось загадочное «слепое пятно», для достижения им орбиты Земли потребуется от трехсот до тысячи лет. Трудно сказать, насколько успокоительным оказался этот комментарий выдающихся специалистов — отложенный на несколько столетий «конец света» потерял актуальность в глазах подавляющего большинства читателей, — но после четырех месяцев шумихи только очень немногие газеты и журналы отваживались муссировать давно надоевшие ужасы: всему свое

время. Ведь за четыре месяца случилось столько коррупционных, финансовых, допинговых, политических, сексуальных и прочих скандалов, что всякое уважающее себя «глянцевое» издание не могло не уделить достаточно места смакованию пикантных подробностей из жизни «сильных мира сего». Так что время болтающегося где-то в двадцати тысячах астрономических единиц от Земли «Кровожадного монстра» прошло. Разумеется — не навсегда. Через год можно было ждать новой волны соответствующих публикаций — однако не раньше. Массовые психозы имеют свои приливы и отливы, и, чтобы всегда быть на гребне волны, грамотные демагоги обязаны внимательно отслеживать все фазы «Черной Луны». Так что...

...как вдруг!

На этот раз резкое увеличение скорости «слепого пятна» зафиксировали астрономы-профессионалы двух известных обсерваторий — поэтому соответствующие сообщения появились лишь через пять дней после обнаружения ими сего примечательного факта. То есть когда обеспокоенные ученые еще трех обсерваторий созвонились со своими ошарашенными коллегами — не может быть! За пять дней скорость «слепого пятна»

достигла чуть ли не сорока тысяч километров в секунду! Стало быть, все это время оно двигалось *с* постоянным ускорением в районе 10 g?! Помилуйте! Чтобы газопылевое облако вдруг проявило такую резвость — это какие же у него должны быть двигатели?! Использующие какую энергию? Если химическую — то за это время оно должно было полностью сжечь себя! Если ядерную?.. тогда?., тогда — теоретически — подобный сумасшедший кульбит вполне возможен... однако... почему сзади этого удивительного объекта нет огромного полыхающего факела? Который должен наблюдаться в любом случае — использует ли «слепое пятно» для своего бешеного ускорения хоть ядерную, хоть химическую энергию! Или?..

...или гигантский звездолет пришельцев — а воочию увидев фантастический рывок «газопылевого облака», самые осторожные ученые согласились с тем, что ничем иным, кроме как космическим кораблем, загадочное новообразование быть не может, — работает на иной основе? Скажем, отрицательно искривляя пространственно-временной континуум, создает локальное антигравитационное поле? Которое, взаимодействуя с гравитационным полем галактики, сообщает ему наблюдаемое с Земли

ускорение?

Надо ли говорить о том, какой резонанс вызвало совместное заявление астрономов пяти ведущих обсерваторий во всех средствах массмедиа — печати, радио, телевидении и Интернете? Ведь на этот раз сенсация оказалась не высосанной из пальца: серьезные ученые недвусмысленно признали, что посещение солнечной системы чужим космическим кораблем — факт. Ибо ничем иным, кроме как фантастически огромным звездолетом, движущийся с постоянным ускорением около 10 g таинственный объект быть не может. Так что готово или не готово человечество к встрече с иным разумом, ему, по всей вероятности, не избежать этого судьбоносного контакта. Причем — в самом ближайшем будущем. Ведь если корабль пришельцев и впредь будет двигаться с ускорением около 10 g, то для достижения скорости 250–270 тысяч километров в секунду ему потребуется не больше месяца. А с такой скоростью путь от внешних границ облака Оорта до орбиты Земли займет максимум полгода. Ну, еще месяц на торможение...

Когда человечество столкнулось с не придуманной, а реальной опасностью — конечно, опасностью! даже если чужаки вполне миролю-

бивы и отнюдь не собираются вредить землянам, то встреча с расой, технологически обогнавшей нас на несколько тысячелетий, вызовет такой культурный шок, справиться с которым людям будет чрезвычайно непросто! — тон газетных заголовков сразу же потерял былую разнузданность: еще бы! Одно дело пугать кровожадными монстрами и концом света, зарабатывая на посеянном страхе власть, деньги и положение в социуме, и совсем другое — с трепетом ждать встречи с иным разумом! И не когда-нибудь, в неопределенном будущем, а всего лишь — через полгода. В этом случае самый беззастенчивый жулик, самый безответственный демагог сто раз подумают, прежде чем займутся толкованием «высшей воли». Оставались, конечно, фанатики всех мастей, но перед возможным личным визитом «божества» выяснилось, что настоящих фанатиков очень немного, и, главное, без обеспечивающей им доступ в средства массовой информации поддержки соответствующих политиков и финансистов, их влияние на умы и сердца доверчивой паствы крайне незначительно. А поскольку самые экстремистски настроенные политики быстро сообразили, откуда и куда дует ветер — даже в бульварных изданиях место хлест-

ким заголовкам уступили написанные простым, доступным для большинства читателей языком статьи серьезных ученых.

В печати научной, научно-популярной и в Интернете завязалась интересная дискуссия о фантастическом звездолете пришельцев. Особенно поражали его размеры! Сфероид с диаметром по большой оси в 13 миллионов километров — это же какими знаниями, какими технологическими возможностями надо обладать, чтобы построить такую громадину! А его ускорение?! Вряд ли какие-нибудь живые существа способны месяцами выдерживать столь чудовищную перегрузку! Стало быть, управляющие им чужеплеменники настолько овладели гравитацией, что внутри звездолета поддерживают комфортную для них силу тяжести? И все-таки... зачем инопланетянам потребовался корабль такого чудовищного размера?! Ведь это же не планетарный, это же звездный масштаб! Причем — звезды-гиганта! Ведь наше Солнце имеет в десять раз меньший диаметр!

Наиболее интересную, приобретшую множество сторонников гипотезу выдвинул опять-таки Юрий Чертков. Молодой астрофизик предположил, что на самом деле корабль пришельцев

имеет всего несколько сотен километров в диаметре, а его поражающие воображение размеры — действительно, газопылевое облако. Которое чужеплеменники сумели преобразовать таким образом, что оно не превратилось в карликовую звезду, а, окружив искусственное ядро — то бишь собственно звездолет, — стало для фантастического корабля одновременно источником энергии и защитой от «бродячих» астероидов, а главное: газа и пыли. Ведь на скорости, близкой к скорости света, не то что пылинка, но и отдельная молекула представляет серьезную проблему — ибо ее релятивистская масса может быть совершенно чудовищной. Согласитесь, очень остроумное инженерное решение! Топливо в этом случае является не балластом, а главной — чрезвычайно эффективной! — внешней защитой. Притом, что при таком способе хранения запас самого топлива практически неограничен. Конечно, чтобы построить подобный чудо-звездолет, нужны такие знания и технологии, которые человечеству на современном этапе развития трудно представить; однако, нравится нам это или не нравится, теперь мы получили убедительное доказательство, что человеческий разум — не единственный во вселенной. Что есть как

минимум еще одна разумная раса — к тому же технологически значительно обогнавшая людскую...

В начале ноября сразу — без «примерок» и «репетиций» — наступила зима. После необыкновенно теплого для этих таежных мест октября, когда температура даже ночью не опускалась ниже пяти градусов тепла, второго ноября на избушку Олега обрушилась свирепая многодневная метель, вслед за которой ударил тридцатиградусный мороз.

Расчищая дорожку — вернее, прорывая траншею в глубокой, чуть ли не полутораметровой снежной толще, — юноша-мутант гадал, к чему бы этот погодный фортель? По всем приметам выходило, что не к добру, но и без всяких примет, эмпатически, Олег чувствовал, как сейчас худо большинству его четвероногих подопечных — кроме зимующих в теплом сарае кобылы Машки, коз да нагулявшего за лето и осень довольно жира и с первым снегом успевшего залечь в берлогу Михаила Потаповича, а также прочих обитающих на расстоянии до восьмидесяти километров от лесной сторожки медведей. За исключением двух шатунов, которых неспособный к кровопролитию Олег мысленно отослал на участок

знаменитого стрелка, лесничего Корчагина Ивана Филипповича, зимующие вне берлог медведи представляли большую опасность не только для подопечного зверья, но и для людей. Конечно, оба раза (на третий и на четвертый день после вынужденного предательства) эмпатик Олег почувствовал резкую боль, когда меткие карабинные пули пронзили сердца двух бедолаг, но боль скоротечную, быстро погашенную радостью удачливого охотника.

Прорыв в снегу двадцатиметровую траншею от крыльца избушки до сарая с домашней живностью, одетый в короткий вытертый полушубок Олег вспотел на тридцатиградусном морозе и прежде, чем открыть дверь и войти к любимице Машке, задержался на несколько минут, переводя дух и отирая тыльной стороной ватной рукавицы пот со лба и бровей. Безоблачное небо синело над кронами нахлобучивших снежные шапки сосен, березовые стволы пытались соперничать белизной с окружающими их сугробами, проигрывая ослепительному сиянию рожденных мириадами ледяных пылинок крохотных радуг. Позднее зимнее утро завораживало прозрачностью воздуха, четкостью линий, чистотой красок, обилием редкого в эту пору солнечного света и

даже тридцатиградусным морозом — во всяком случае, так казалось разогревшемуся после тяжелой работы Олегу.

Слизнув с ладони юноши два кусочка сахару, благодарная сластена-Машка положила длинную задумчивую морду на Олегово плечо и, тихонько заржав, на своем лошадином языке высказала переполнявшие ее чувства — главным образом, любовь к хозяину. Но и что-то еще — сложное и непонятное, однако сразу встревожившее Олега. Поддавшись очарованию зимнего утра, он, оказывается, упустил нечто важное в общем эмоциональном фоне Леса.

Обеспокоенный мутант бережно сдвинул с плеча кобылью морду, ласковым похлопыванием по щеке извинившись за свою бестактность, и сосредоточил внимание на общем психоэмоциональном фоне. И сразу почувствовал, что где-то в самых глубинах звериных душ встревожены не только Машка и козы, но и все крупные четвероногие в радиусе восьмидесяти-девяноста километров — даже спящие в берлогах медведи.

Звери были встревожены смутным предчувствием чего-то нездешнего, угрожающего одной бедой для всех — чего именно? До юноши-мутанта вдруг дошло: из общего эмоционального фона

исчезла присутствовавшая в нем чужеродная компонента — он не чувствует радости насыщающегося Неба! Вообще — не чувствует ничего, идущего из бездны вселенной! Так что же? ЭТО, поначалу источавшее беспредельный голод и внушавшее неземной Ужас, а затем нашедшее тучные небесные пажити и радостью насыщения возвеселившее сердце Олега, навсегда исчезло в породившей ЕГО преисподней? Ах, если бы так! И сам юноша-мутант, и все четвероногие лесные обитатели чувствовали — нет! ОНО не исчезло! Просто на время сделалось недоступным для эмпатического восприятия. Но скоро предстанет в новом ужасном качестве: демоном-губителем всего живого и неживого. То есть в том качестве, почувствовав в НЕМ которое страшной июльской ночью, Олег чуть не умер от едва не разорвавшей сердце тоски. И которое, когда ОНО нашло пищу, преобразовалось для юноши-мутанта во вселенскую радость насыщения, что напрочь скрыло от Олега ЕГО изначальную природу — природу демона-губителя. И эта тьма оказалась непроницаемой не только для эмпатической системы Олега — обманулись звери, птицы, рыбы, земноводные и пресмыкающиеся, вместе с юношей обрадовавшиеся нечестивой радостью

Неба, пожирающего своих детей. Ведь поглощаемые гигантской «амебой» молекулы, пылинки, метеориты и астероиды, не будучи живыми существами, не излучали отрицательных эмоций, а радость насыщающегося Неба была настолько сильной, что ее разделили все способные к эмпатическому восприятию обитатели Земли. И вот теперь, когда это идущее от Неба, всепоглощающее чувство радости исчезло, в глубинах звериных душ возникла безотчетная, пока еще слабая тревога. И только юноша-мутант Олег, имеющий несравненно более мощную эмпатическую систему, чем самое чуткое животное, сразу догадался, что демон-губитель скоро вновь выплывет из небытия.

(Общий психоэмоциональный фон Неба изменился за три дня до того, как земные астрономы заметили резкое увеличение скорости «слепого пятна».)

Догадавшись о грозящей Земле неотвратимой гибели, Олег понял, что от него, вернее, от его эмпатических способностей зависит очень многое: возможно — судьба Мира. Но чтобы его усилия не пропали втуне, юноше-мутанту предстояло совершить мучительный подвиг: полностью открыть свое сознание для невыносимо болезненных

людских эмоций. Ибо только все живые существа планеты Земля, объединившись эмпатически, могли образовать такое мощное психополе, которое было бы в состоянии противостоять зародившейся «душе» гигантской «амебы». ЕЕ неограниченному стремлению пожирать все съедобное: атомы, молекулы, пылинки, метеориты, астероиды, планеты, звезды, галактики.

Девятого декабря, как и предполагали ученые, разогнавшись до 260 тысяч километров в секунду, звездолет пришельцев прекратил бешеное ускорение и вышел на устойчивую орбиту. Которая, если фантастический корабль чужеплеменников не изменит курс, должна была привести «слепое пятно» к расположенным в настоящее время относительно близко друг к другу внешним планетам солнечной системы — Плутону и Нептуну. К какой именно из этих планет — астрономы надеялись узнать через полтора-два месяца, когда орбита звездного корабля будет прослежена на достаточно большом отрезке. И тогда же можно будет точно сказать, через какое время «слепое пятно» достигнет цели — конечно, если целью пришельцев действительно является одна из этих внешних планет.

Более всего ученых — и не только ученых, а

едва ли не всех жителей Земли — смущало абсолютное молчание корабля пришельцев. Во всем диапазоне электромагнитных волн — от радио- до рентгеновских частот — от него не исходило никаких сигналов. В том числе — и в световом диапазоне: и сам звездолет, и все эволюции его курса по-прежнему прослеживались только по покрытию этим гигантским творением иного разума расположенных сзади звезд. Что же — пришельцы нас полностью игнорируют? И отнюдь не собираются посещать Землю? А миновав солнечную систему, навсегда затеряются во вселенной?

С одной стороны, это успокаивало: исчезали угрозы не только вторжения могучего агрессора, но и культурного шока, неизбежного даже в том случае, если инопланетяне имеют относительно человечества самые доброжелательные намерения. А с другой — наносило немалую обиду: неужели мы до сих пор такие дикари, что не представляем никакого интереса для достигшей неведомых людям вершин цивилизации, миролюбивой расы?

В полном согласии с расчетами ученых, фантастический звездолет начал торможение в середине апреля, явно направляясь к Нептуну.

Почему? Чем заинтересовал пришельцев этот холодный газовый гигант? Неужели на нем или на его спутнике Тритоне существует хоть какая-нибудь жизнь? Тем более — разумная? Ой, вряд ли... или инопланетяне просто хотят пополнить запас топлива? Однако — в таком случае...

...увы, в этом случае вырисовывалась весьма неприглядная картина! Чужаки берут то, что им надо, нисколько не считаясь с удобствами аборигенов! Ведь если Нептун «похудеет» даже на несколько процентов, кто скажет, как повлияет такое изменение его массы на орбиту Тритона? Тем более — на орбиты комет и астероидов, на которые тяготение большой планеты оказывает значительное влияние? Или инопланетяне, что называется, ни сном ни духом не ведают о наличии разумной жизни в солнечной системе? К сожалению — маловероятно... Ведь Земля в радиодиапазоне излучает такое количество энергии, которое ничем, кроме как деятельностью разумных существ не объяснишь. А у чужаков было достаточно времени, чтобы принять идущие с Земли радиосигналы. И не только принять, но и догадаться об их искусственном происхождении. Или пришельцы настолько «продвинуты», что давно забыли об использовании электромагнит-

ных волн как средства связи? Перейдя, скажем, на гравитационные или иные, неведомые нам, способы передачи информации? Вопросы... вопросы... и в основном — крайне тревожные, оставляющие мало места даже для самого осторожного оптимизма...

Первые обвиняющие современную безбожную науку в заигрывании с надвигающимся на Землю Мировым Злом статьи в соответствующих изданиях появились в середине февраля — когда астрономы и астрофизики удостоверились, что фантастический звездолет пришельцев направляется именно к Нептуну.

Утолив трехмиллионолетний голод в облаке Оорта и почувствовав, что для НЕЕ распахнулась вся вселенная, гигантская «амеба» обнаружила неподалеку от СЕБЯ — всего-то на расстоянии двадцати тысяч астрономических единиц — очень большие массы компактно собранного (словно бы специально приготовленного для ЕЕ пропитания!) вещества: Нептун, Уран, Сатурн, Юпитер. И теперь, когда ОНА открыла не только гравитационную локацию, но и обрела способность искривлять пространство, добраться до этих аппетитных объектов было для «космической амебы» вопросом нескольких месяцев. По

меркам ЕЕ трехмиллионолетнего прозябания на грани голодной смерти — миг!

В середине мая — точнее, двенадцатого числа — чудовищный звездолет пришельцев, уравняв свою скорость с орбитальной скоростью Нептуна, вплотную сблизился с планетой, а еще через пять дней полностью закрыл от наблюдателей этот наименьший из газовых гигантов. А поскольку от самого фантастического корабля по-прежнему не исходило никаких излучений — ни собственных, ни отраженных, — возникло впечатление, что Нептун попросту исчез, будто его никогда и не было.

В бульварной — а скоро уже и в «серьезной» — прессе статьи, обвиняющие современную безбожную науку во всех бедах человечества, день ото дня становились все разнузданнее и злее, а скоро некоторые особенно беспринципные журналисты перешли на личности. Стало доставаться уже не просто физикам, астрономам, математикам, биологам, а имярек, дарвинисту-зоофилу такому-то. Физику-террористу, генетику-осквернителю, врачу-вредителю, химику-отравителю, кибернетику-глобалисту, математику-вуайеристу — таким-то и таким-то. Разумеется, астрофизик Юрий Чертков в эти «про-

скрипционные» списки попал одним из первых. Значительно раньше открывшего «слепое пятно» астронома-любителя Яна Шварца.

Через месяц после «покрытия» Нептуна звездолетом пришельцев ученые обнаружили, что траектория фантастического корабля отличается от орбиты планеты. Более того — гигантское творение неземного разума вновь ускоряется. Правда, не в том бешеном темпе, в котором «слепое пятно» начинало свой путь от внешних границ облака Оорта в глубь солнечной системы, но все равно — достаточно резво, каждую секунду увеличивая скорость приблизительно на 30 метров в секунду. Стало быть, постоянно двигаясь с таким ускорением, гигантский корабль пришельцев пройдет свой диаметр менее чем за сутки. То есть — через сутки «похудевший» Нептун должен вновь появиться на небе.

Через сутки на своем месте планета не появилась. Допустим, месяц пребывания «в плену» у пришельцев стоил газовому гиганту своей орбиты, но все равно вот-вот (максимум — еще через сутки) Нептун должен выйти из своего уникального «затмения». Если только...

...ни через сутки, ни через двое все астрономы земли, используя самые мощные телескопы,

так и не смогли обнаружить планету. Что могло означать только одно: Нептуна больше не существовало. В качестве топлива для своего гигантского корабля пришельцы взяли не несколько процентов его массы, а всю планету. А еще через пять дней ученые с прискорбием констатировали: чудовищный звездолет намыливается прямиком к Урану.

Узнав о надвигающейся катастрофе, человечество не просто растерялось, но впало в средневековую социально-религиозную истерию. Не все человечество — Западная Европа, Северная Америка, Австралия, Япония и еще немногие страны, мобилизовав национальную гвардию и в спешном порядке усилив жандармерию и полицию, смогли остановиться в нескольких шагах от пропасти. Зато почти вся Африка, весь Средний Восток, Центральная и большая часть Южной Америки полыхнули такой непримиримой ненавистью к современной цивилизации, разделились на столько жестоко воюющих и между собой, и со всем остальным миром групп и партий, что, случись чудо и покинь звездолет — пожиратель-планет — солнечную систему, не виделось конца этому бессмысленному и беспощадному кровопролитию.

По счастью, массовые локальные конфликты не успели перерасти в мировую бойню — первое сообщение о том, что чудовищный звездолет пришельцев меняет свой курс, пришло из США. Через два дня оно было подтверждено астрономами из обсерваторий Швейцарии, Великобритании, Франции, Австралии и Канады. В умах и сердцах людей вместо ужаса и отчаяния вселилась робкая надежда: неужели инопланетяне наконец-то поняли, что в солнечной системе существует разумная жизнь? И отказались от губительного для человечества решения пополнить запас топлива своего фантастического корабля, «съев» планеты-гиганты: Нептун, Уран, Сатурн, Юпитер? Но почему о существовании жизни на Земле они не догадались раньше? А если догадались, то с какой стати «сожрали» Нептун? Или они почему-либо оказались в безвыходном положении? И пополнить запас топлива за счет этой планеты — было для них делом жизни и смерти?

Вопросы, так и оставшиеся безответными. Так же как и тысячи других, которые люди могли бы задать игнорировавшим человечество «братьям по разуму».

Впрочем, по мнению подавляющего большинства жителей земли, облегченно вздохнувших,

когда, описав параболу, гигантский звездолет устремился к внешним границам солнечной системы — к лучшему! Ну их — таких «братьев по разуму»! Как говорится, скатертью дорога. Для человечества более чем достаточно того, что оно наконец достоверно узнало: люди — не единственные разумные существа во вселенной. И когда-нибудь, когда, созрев, наша раса самостоятельно выйдет на звездную дорогу...

Из семи миллиардов проживающих на Земле людей только один юноша-мутант точно знал, КЕМ в действительности являются покидающие солнечную систему пришельцы. Верней — ПРИШЕЛЕЦ. Однако узнав, Олег перестал быть человеком.

Двенадцатого мая эмпатическая система юноши-мутанта взорвалась под напором хлынувших из Бездны эмоций — такой невозможной радости и такого неземного блаженства Олег не только никогда не испытывал сам и не воспринимал ни от одного живого существа, но и не мог представить, что подобные всепоглощающие чувства вообще возможны. Что есть такая душа, такой ум, такое сердце, которые не сгорят от по-дыхнувшего в них звездным огнем ощущения безграничного счастья: Я есть — Я ем! Я ем — Я живу! Я живу — Я

буду жить всегда! Здесь столько пищи, что, усвоив ее, Я обрету весь мир! Сумею так перестроить пространство, что расположенная рядом звезда целиком перетечет в МЕНЯ! И тогда МНЕ станут доступны другие звезды! И Я буду есть, есть, есть! О, какое это блаженство — сытость!

Разумеется, не имеющая даже зачатков разума «космическая амеба» не «думала» ни о чем подобном: «переваривая» Нептун, ОНА лишь наслаждалась полнотой бытия — это Олег, эмпатически восприняв исходящее от НЕЕ ощущение безграничного счастья, перевел ее эмоции на словесный язык. Так же бессознательно для себя, как претворял в человеческую речь чувства не только высших, но и низших форм жизни: улиток, червей, слизней и даже одноклеточных — лишь бы их ощущения были достаточно сильны для восприятия. Конечно, Олег не мог почувствовать ничего исходящего, скажем, от отдельно взятой земной амебы — слишком малы размеры, слишком слабы эмоции. Но когда «амеба» имеет 13 миллионов километров в диаметре, то ее чувства достигают соответствующего накала, напрочь подавляя эмоции куда более сложно организованных, но неизмеримо меньших живых существ. А в сравнении с массой «космической амебы», вся

биомасса Земли обращалась в ничто. И даже за счет сложной организации высших животных нечего было надеяться произвести хоть что-то сопоставимое по накалу чувств с нечестивой радостью Неба, пожирающего своих детей. Один только человеческий разум...

...Олег понял: пришло время его мучительного подвига.

Однако в течение двух месяцев все усилия юноши-мутанта не давали никаких результатов — его восторженная готовность пожертвовать собой полностью подавлялась мощными волнами темного блаженства, исходящими от «переваривающей» Нептун «амебы». Олегу никак не удавалось открыть себя для восприятия невыносимо тяжких людских эмоций. А не соединившись эмпатически со всем человечеством, невозможно было использовать мощное психополе людского разума для отражения исходящего от «космической амебы» ощущения радости жизни: Я ем — Я живу. Ибо что может быть сильнее первооснов всякого бытия? Только человеческий разум, который, к несчастью, был разделен на семь миллиардов отдельных, враждебных друг другу сознаний, и Олегу, в глубине души все еще боящемуся открыть себя для невыносимо мучительных

людских эмоций, никак не удавалось объединить эти отдельные сознания в общее психополе. И он страдал, предпринимая все новые безуспешные попытки справиться с затаившейся в темной глубине его естества уникальной «экстрасенсорной агорафобией» — ничего не получалось.

В середине июля — ровно через год, после той страшной ночи, когда юноша-эмпат чуть не умер, впервые восприняв исходящее от умирающего Неба чувство вселенского голода, — отчаявшийся Олег вновь косил сено на той самой поляне, на которой ему открылся вынырнувший из бездны Ужас. (Отчаяние отчаянием, а работа работой — если не он, то кто позаботится о корме на зиму для оленей, кабанов, лосей?) Садилось солнце, над костром в двух котелках варился суп и закипала вода для чая, на пристроенной сбоку от огня сковородке жарились грибы — все как тогда? Нет! Демон-губитель все ближе к Солнцу! «Перекусив» по пути Ураном, Сатурном и Юпитером, через год «космическая амеба» доберется до нашего Светила, и наступит вечная Тьма. И остановить этот Ужас мог бы только он — юноша-мутант Олег... мог бы... Два месяца мучительных бесплодных усилий кричали отчаявшемуся молодому человеку: не можешь! Боишься открыть себя для чувств,

мыслей, духовных запросов и элементарных биологических потребностей семи миллиардов человек! А ведь если бы ты смог эмпатически соединиться с ними...

... «Смогу!» — мысленно возразил Олег обвиняющему внутреннему голосу, вдруг почувствовав, что действительно — сможет! И очень скоро. Через несколько минут, во всяком случае — в течение ближайшего часа. Правда, юноша-мутант также почувствовал, что этот мучительный подвиг будет его последним земным деянием. Поэтому Олег не стал стреноживать на ночь кобылу Машку и отвязал коз — летом в лесу не пропадут, а к зиме прибьются к какому-нибудь жилью.

Солнце коснулось древесных крон, пронизав верхушки берез и елей тысячами оранжево-красных стрел-лучей — сердце Олега открылось Миру. Ослепительный свет вспыхнул в душе юноши-мутанта, на миг соединив его с каждым из семи миллиардов человек, и образовавшееся сверхсознание, подавив нечестивую радость Неба, пожирающего своих детей, метнулось навстречу «космической амебе». Внедрившись в чудовищного Пришельца, мощное психополе на миг объединившейся человеческой расы так перестроило ЕГО внутренние структуры, образо-

вало такие связи, что ум, воля, чувства, желания юноши-мутанта Олега перетекли в фантастически огромное квазиживое безмозглое чудовище — ОНО обрело сознание. Сознание юноши-мутанта, в единой вспышке неземной любви отдавшего всего себя — весь ум, все сердце, всю душу.

Лишившись души, тело Олега осело на лесную поляну и замерло в блаженном покое небытия. Переселившееся в «космическую амебу» сознание юноши-мутанта взяло на себя управление всем естеством огромного квазиживого существа — ОНО, став Олегом, плавно изменило курс и направилось в глубь галактики, к протянувшимся на сотни и тысячи световых лет газопылевым облакам. Став Человеком, бывшая «космическая амеба» поняла: питаться планетами и звездами — не лучшая идея. Помимо того, что таким образом можно невзначай погубить чужую жизнь и чужой разум, «темного» вещества во вселенной на два порядка больше того, которое сияет в виде миллиарда миллиардов звезд.

Александр ЮДИН
КОСМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Александр ЮДИН

КОСМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Фобетор, астероид класса М, формой своей напоминающий гигантский, 253,16 км в диаметре кукиш, мчался сквозь пространство и время по свободной, никому не ведомой траектории. Точнее сказать, она была известна лишь одному существу в Обитаемой Вселенной — его владельцу, Дохлому Роджеру. Именно он определял направление движения астероида. Впрочем, пролагая маршрут, Дохлый Роджер руководствовался единственным критерием — строго держаться Нейтрального Космоса и — самое главное! — ни в коем случае не пересекать границ околопланетного пространства какой-нибудь легитимной цивилизации. «Пока Кукиш вне ваших гребаных юрисдикций, я для Закона, что дохлый кролик для удава», — любил повторять хозяин Фобетора. И у него имелись веские причины так осторожничать.

За шесть столетий до описываемых событий, когда Фобетор еще вращался по положенной орбите, им заинтересовалась известная трансгалактическая корпорация «Osmium Ltd» и вскоре десантировала туда дюжину самореплицирующихся агрегатов. За какие-то семь-восемь лет размножившиеся саморепликанты, точно жуки-древоточцы, выели астероид изнутри, пе-

реработав более половины всей его массы. Но вот промышленные запасы металлов платиновой группы были исчерпаны, и корпорация утратила к Фобетору интерес. Тогда-то Роджер ибн Хаттаб бен Соломон (в те времена еще никто не назвал его «Дохлым») и купил выпотрошенный астероид у «Osmium Ltd» по дешевке, чуть ли не на вес пустой породы. А купив, исполнил наконец мечту своей жизни — открыл самый отвратительный притон в Обитаемой Вселенной. И назвал его, соответственно, «Грязный кукиш».

В «Кукиш» стекались подонки, отморозки и отщепенцы со всех миров Местной группы галактик. В заведении Дохлого Роджера вечно толклись многосерийные убийцы и беглые диктаторы, межпланетные аферисты, клинические маньяки и даже несостоятельные заемщики. Впрочем, «Грязный кукиш» посещали и вполне ординарные злодеи, темные личности с сомнительной репутацией, индепенденты разных мастей или просто любители запретных ощущений. Короче говоря, старина Роджер привечал любого, кто был не в ладах с законом.

По периметру центрального зала «Кукиша» зияли стрельчатые арки тринадцати УПС-порталов. Периодически они с легким чавканьем

поглощали клиентов и со звуком рвущейся материи исторгали новых. Бармен за стойкой — сегодня это был папаша Спок — не обращал внимания на эту своеобычную круговерть. Как и на всё остальное вокруг. Привык за полтораста условных юлианских лет работы на Роджера. Да и смотреть-то было особенно не на что: две ленивые потасовки в правом углу, одна драка с поножовщиной — в левом, да звуки перестрелки из смежного зала, вот и всё. Старик зевнул и продолжил протирать мутный стакан. Аккурат за его спиной штандартом непобедимой бутылочной армады красовался плакат в тусклой осмиевой рамке. На нем был изображен пузатый джентльмен с толстой сигарой во рту; одной рукой он обнимал обнаженную девицу, а во второй держал початую бутылку виски; надпись под плакатом гласила: «У великих людей — великие пороки. Р.Х.С.».

Вдруг из четвертого портала, расположенного в непосредственной близости от барной стойки, буквально вывалился гуманоид в потертом костюме из кожи керберского мандриана и принялся ошалело озираться. Оглядел зал, споткнулся взглядом о пышную, едва одетую гусеницу с планеты Чин-Чин, призывно извивающуюся у шеста,

глубоко втянул густой, чадный воздух и шагнул к стойке. Папаша Спок сдвинул защитные очки на лоб и подмигнул новому клиенту.

— Это и есть «Грязный кукиш», я правильно упс-портировался? — спросил посетитель на межгалактическом, приглаживая длинные, стянутые в конский хвост волосы.

— В яблочко, — кивнул бармен, дыхнул в стакан и протер концом грязного полотенца, перекинутого через плечо.

— А вы, наверное, Дохлый Роджер, так?

— Мимо цели. Сами-то кто будете, мистер?

— Меня зовут Артур Мартынофф. Я... писатель.

— Писатель? — поднял кустистые брови Спок. — Люблю на досуге полистать какую-нибудь книженцию. Как вы сказали ваше имя?

— Артур Мартынофф. Два «ф» на конце.

— Не слыхал, — задумчиво протянул папаша Спок. — Хотя, не запоминаю я вас, авторов-то. Вы про что пишете?

— Я научный фантаст, — после легкой заминки пояснил Мартынофф.

Папаша Спок присвистнул. Этот писательский союз в большинстве миров считался откровенно маргинальным, кое-где и вовсе был запрещен как тоталитарная секта, а на планетах эльфийско-

гномьей конфедерации изобличенного фантаста запросто могли подвергнуть творческой кастрации.

— Значит вы упс-портировались в десятку, — усмехнулся бармен и протянул руку. — Для своих я папаша Спок.

— Очень приятно, — ответил фантаст, пожимая заскорузлую, покрытую химическими ожогами ладонь старика.

— Бывали у нас раньше?

— Нет, первый раз.

— Решили пересидеть неприятности?

— Не то чтобы... Понимаете, папаша Спок, у меня творческий кризис.

— Вона как, — понимающе кивнул тот. — Что будете пить?

— Коктейль, пожалуйста. Какой ваш фирменный?

— Сегодня «Красный карлик».

— Пойдет, — не вполне уверенно согласился Мартынофф.

Бармен бросил в шейкер прозрачный кристалл с резким запахом аммиака, отправил следом пригоршню разноцветных горошин и оросил все это содержимым из трех-четырех бутылок. Как следует встряхнул шейкер, поставил на стойку, потом

быстро сделал шаг назад и надвинул на глаза защитные очки. Артур тоже с опаской отступил в сторону. Смесь заклокотала, раздался хлопок, и крышка шейкера улетела куда-то в зал.

— Ваш «Красный карлик», — сказал папаша, подтолкнув стакан к Артуру.

Мартынофф застыл в нерешительности, уставившись на маслянистую жижу, что пузырилась в стакане.

— Может, чего-нибудь полегче желаете? — прищурился Спок.

Артур нахмурил брови, схватил стакан и залпом опрокинул в рот. В тот же миг кожа на его лице приобрела охристо-желтоватый оттенок и покрылась какими-то буграми и наростами, точно старая дубовая кора. Артур хотел утереть выступившие слезы, но, дотронувшись до лица, ахнул:

— Что со мной?!

— Ничего, ничего, пройдет, — успокоил его папаша Спок, и уважительно добавил: — А ты отчаянный малый.

Безобразные складки и впрямь скоро разгладились, а кожа последовательно сменила цвет с охристо-желтого на ярко-голубой, а потом на молочно-белый.

— Ну как? — поинтересовался Спок. — Кризис миновал? Или повторить?

— Выпивка не поможет, папаша Спок. Мне позарез нужен сюжет, какая-нибудь необычная история.

— Необычная история? Этого добра у нас навалом, — бармен сделал широкий жест. — Ступай к любому, он тебе такого порасскажет — глаза полопаются!

— Но мне не всякая история подойдет, я ведь *научный* фантаст, — вздохнул писатель.

— Вона как. Что же тебя интересует? Ограбление года? Афера века? Или хочешь послушать про безответную любовь виртуальной каракатицы к эльфийской принцессе?

— Мне бы про что-нибудь связанное с космическими технологиями, с наукой.

— С наукой у нас напряженка, — развел руками папаша Спок.

— И не только у вас.

— А на кой шут, скажи, сдались тебе космические технологии? У тебя что, дома УПС-портала нет?

— Одна из целей нашего литературного союза — возрождение интереса к древнейшей истории человеческой цивилизации, — заметил Артур.

— Вона как, — протянул Спок. — Постой, дай-ка подумать... Чтоб мне засохнуть! — воскликнул он после минутной паузы. — Бедолага Джим, вот кто тебе нужен!

— Кто-кто?

— Бедолага Джим, Джим-тоник. Откликается еще на Наследника Джимми. Познакомить?

— Ну, если его история и впрямь связана с космическими технологиями...

— Еще как связана, — заверил бармен. — Мы-то её тут наслушались — из ушей лезет. А тебе наверняка понравится. Ну-ка, пойдем.

Папаша Спок вышел из-за стойки, решительно взял Артура за локоть и увлек в погибельные глубины «Грязного кукиша». Сопровождаемые разноязыкими окликами и интергалактической матерщиной, они двинулись между столиками. Со сцены им вслед гремел хит популярной в этом цикле группы «Черви-козыри»:

— Накося, выкуси!
У нас вдоволь закуси,
И винища дохренища.
Запаслись мы лет на тыщу!
Эх! Эх! Эх! Эх!
Положили мы на всех!

Они по диагонали пересекли шумный центральный зал и нырнули в треугольную арку. Взорам Артура открылось смежное помещение с низкими закопченными сводами; стены его терялись во тьме. Тут и там из косматого сумрака выглядывали какие-то безобразные хари, одна гаже другой. Впрочем, на вошедших никто не обратил внимания. Лишь два-три завсегдатая скользнули по Артуру осоловелыми взглядами и снова утопили их в глубинах своих стаканов.

Спок подвел Артура к столу, за которым расположилась весьма причудливая компания: нетрезвая девица с растрепанными белокурыми космами, пузатый крепыш-маломерок, с лицом, заросшим бородой до самых бровей, и бледный до прозелени брюнет, по всей видимости, мертвый. Во всяком случае, он был весь какой-то... окоченелый, что ли; впечатление усугубляли широко разинутый рот и пустые, точно пуговицы, глаза. Еще один стул занимал цветочный горшок, из которого торчал развесистый клюквенный куст.

— Вся шайка в сборе, — удовлетворенно заметил папаша Спок. — И славно, сейчас я вас перезнакомлю. Это Артур, — представил он Мартыноффа, — писатель. Специально к нам упс-портировался, чтобы послушать историю

Бедолаги Джима, вона как. Это, — бармен указал на растрепанную девицу, — магичка Шварцлох, она же Белокурая Бестия с Младшей Эдды. Депортирована оттуда по причине злонамеренной невменяемости, а также за бл... пардон, за бесстыдство.

Магичка хихикнула и подмигнула Артуру.

— С ней рядом — Альбрих, цверг со Старшей Эдды. Между прочим, тамошний министр культуры. Правда, с тех пор как Старшую Эдду оккупировали ётуны — цвергское правительство пребывает в изгнании.

При виде цверга Мартынофф невольно поморщился: цвергов он недолюбливал; понимал, конечно, что это неправильно, ксенофобский пережиток, но ничего не мог с собой поделать.

Вроде и гуманоиды, а вот не лежит к ним душа, да и всё! Впрочем, цверг тоже бросил на Артура взгляд далеко не любезный, почти злобный, а вместо приветствия презрительно высморкался в бороду.

— А это, — продолжил Спок, уважительно кивая в сторону клюквенного куста, — сэр Генри Питтон де Турнефор младший, известный революционер и при этом щедрый меценат; финансирует сепаратистов по всему Млечному

Пути, и даже в Андромеде и Треугольнике. Мое почтение, сэр Генри!

В ответ сэр Генри-младший меланхолично шевельнул ветвями. Или что там у него было.

— Ну а вот и сам знаменитый Наследник Джимми, наш славный старина Джим-тоник, — с этими словами папаша Спок от души хлопнул бледного брюнета по спине. Но тот лишь качнулся вперед и вновь застыл с бессмысленным достоинством трупа, даже рта не закрыл.

— Алкогольная кома, — констатировала Белокурая Бестия, — еще с обеда в отключке.

— Вона как. Ничего двойная порция «Взрыва Сверхновой» живо прочистит ему мозги, — заверил папаша Спок и приставил к столу еще один стул. — Ну, Артур, ты пока располагайся, а я принесу выпивку. Кто чего будет?

— Угостишь нас, парниша? — спросила магичка, придвигаясь к писателю.

— Само собой, — кивнул Мартынофф.

— Тогда мне порцию «Темной материи».

— Пинту эля, — буркнул Альбрих. — И смотри, поменьше пены.

— Я, пожалуй, тоже выпью эля, — определился писатель.

— А вам, сэр Генри, как всегда? — уточнил

бармен.

Клюквенный куст согласно качнул ветвями, усыпанными красными горошинами ягод.

— Хочешь, я расскажу тебе *свою* историю? — предложила между тем магичка Шварцлох. — Гарантирую, уснуть под нее ты не сможешь.

— Конечно! Всем до смерти интересно знать, с кем ты трахалась, — ворчливо заметил цверг.

— Заткнись, старый импотент! — взвизнула магичка.

— Шлюха, — не остался тот в долгу.

Обмен любезностями прервался с возвращением папаши Спока; он поставил на стол заказанные напитки: две кружки пива, коктейль и рюмку некоего ядовито-зеленого зелья для сэра Генри. После чего одной рукой зажал Наследнику Джимми нос, а второй залил стакан чего-то шипучего и переливчатого прямо ему в рот, благо тот был открыт. Мертвенно-бледное лицо Джимми покраснело, как помидор, он захрипел, затрясся, схватился обеими руками за горло и гулко рыгнул. Магичка щелкнула пальцами, и изо рта Наследника вырвался огненный выхлоп, едва не подпаливший Альбриху бороду. Пахнуло паленым волосом.

— Стерва долбанутая, — констатировал ми-

нистр культуры, хлопая себя по закурчавившейся бороде.

— Так с дамами не рав... рагозва... раз-го-варривают, — выговорил воскресший брюнет и с любопытством новорожденного огляделся вокруг. — Эге, знакомые все лица... А вы кто будете? — спросил он Артура. — Вроде я вас раньше здесь не видел.

— Это Артур, Артур Мартынофф, на конце двойное «ф», он писатель, — ответил за того бармен. — Артур очень хочет послушать твою историю, Джимми. Ты уж меня не подведи, я ему пообещал, вона как.

— Да? — Брюнет остановил на Артуре вполне уже осмысленный, даже заинтересованный взгляд. — Ну что ж, пусть так... Ничего не имею против. Вот только в горле пересохло, точно в пекле.

— Это поправимо, — понял нехитрый намек Мартынофф. — Папаша Спок, принеси-ка мистеру Джиму пинту эля.

— Раз такое дело, — ухмыльнулся брюнет, — можно просто Джим. И к ётунам эль! Пускай несет тройной джин с тоником. Тоника поменьше, а джина побольше.

— И закусить чего-нибудь, — с долей беспокой-

ства крикнул вслед бармену писатель.

— Что ж, мистер как вас там... — начал Джимми, потирая руки и бросая хищный взгляд на рюмку сэра Генри. Тот поспешно зацепил ее одной из ветвей-псевдоподий и опрокинул в свой горшок.

— Артур. И тоже без мистера.

— Хорошо, пусть так, — вздохнул Бедолага Джим. — И с какого же перепугу тебя заинтересовала трагическая история моей непутевой жизни, Артур?

— Папаша Спок сказал, что она как-то связана с космическими технологиями...

— А ты часом не коллекционер? — резко повернувшись к писателю, спросил Джимми.

— Нет, — удивленно пожал плечами Мартынофф.

— Ненавижу коллекционеров! Проклятые старьевщики. Собирают всякий хлам, а честным людям от того одни неудобства.

— Я писатель, забыл?

— Проверить никогда не помешает.

— Просто расскажи ему, Джимми, — произнес цверг Аль-брих, — и пускай он уже отвяжется со своими технологиями.

Папаша Спок поставил перед Джимом высокий бокал и блюдо с жареными личинками бранда-

шмыга, подрумяненными до хрустящей корочки, красными от жгучего тартарского перца. Тот сделал порядочный глоток, закусил личинкой и удовлетворенно поморщился:

— Пусть так, приступим... Родился я триста пятьдесят юлианских лет назад на Мегере; это самая окраина галактики Треугольника, шаровое скопление Эриний, система Гекаты, если кто не в курсе... Ну, не в этом суть. Семья, в которой мне повезло появиться на свет, была весьма обеспеченной. Папаша мой сделал капитал на торговле фарисейскими гекапами, и фирма его достигла немалого процветания. При всем том человеком он был ограниченным, даже невежественным. Среди коммерсантов такое не редкость, вы, верно, знаете...

— Джим! Джим! — прервала рассказчика Белокурая Бестия. — Только про папу не надо. Давай ближе к телу.

— Ну, пусть так, — согласился Джим-тоник. — В общем, я рос избалованным ребенком, с малолетства ни в чем не знал отказа. И хотя, когда пришло время, определили меня, понятное дело, в самый престижный мегерский университет и все такое, учеба меня не интересовала. И с чего бы? Я ж не собирался работать. Денег у меня и

без того хватало. Впрочем одно дело я все ж таки освоил неплохо — игру. Играл я во что угодно и где угодно. В рулетку и в покер, в кости и в лотерею, и, разумеется, в крестики-нолики; делал ставки на сильванских бегах и на лингамских скачках... Но опять же, интересовал меня скорее сам процесс, нежели результат. Все по той же причине. Так оно и шло, пока папаша исправно снабжал меня наличностью. Однако никто не вечен... Кроме Дохлого Роджера, понятное дело. Короче говоря, после смерти родителя я спустил семейные денежки, а следом и весь отцовский бизнес в какие-нибудь три-четыре года. И остался на мели. Но и это меня не отрезвило — я продолжал играть. Только уже не из чистой любви к искусству. Я вышел на профессиональный уровень. А что было делать? Других-то средств к существованию у меня не осталось. М-да... Порой мне выпадал жирный джекпот, иной раз удавалось сорвать приличный банчок. То бишь я не особенно бедствовал. Но со временем про меня пошла дурная слава. Дескать, Джим нечист на руку и все такое. В конце концов — увы — двери приличных игорных заведений Треугольника передо мною захлопнулись. Как говорит наш гостеприимный хозяин: все козлы, а мир несо-

вершенен! Я уже стал подумывать перебраться куда-нибудь в Туманность Андромеды, где меня никто не знал, а порой — в минуты полного безденежья и особенного отчаяния — даже строил планы устройства на какую-нибудь работенку. Видите, господа, я тогда натурально стоял на пороге безумия!

— Лучше не скажешь, — проворчал Альбрих и шумно высморкался в бороду.

Джим смочил горло, отправил в рот очередную жгуче-красную личинку и продолжил:

— Тут-то в моей жизни и появился дядюшка Пол. О том, что мультимиллиардер Пол Крестовский доводится мне родственником — троюродным дядей со стороны матери, я знал и раньше. Новостью для меня стало то, что никаких других наследников, кроме меня, у дяди Пола нет и не предвидится. Познав об этом весьма отрадном факте, я немедленно нанес дяде визит вежливости. Надо же было выяснить, как здоровье моего единственного родственника.

— И потенциального наследодателя, — вставил министр в изгнании.

— Пусть так, — легко согласился Бедолага Джим. — Принимая во внимание бедственное положение, в котором я тогда находился, думаю,

никто не поставит мне этого в вину. Да, меня до желудочных колик интересовало, сколько еще старикан протянет. Но тут меня ожидало первое разочарование: для своих лет Пол Крестовский чувствовал себя превосходно. Он вел скучный, размеренный образ жизни, не имел вредных привычек или каких-нибудь нездоровых страстишек... Короче, на близкое открытие наследства рассчитывать не приходилось. Впрочем, принял он меня весьма любезно. Даже расцеловал. Только на черта мне сдались его поцелуи! Мне было нужно его состояние...

Рассказчик прервался, чтобы сделать очередной глоток, и, обнаружив, что тарелка пуста, сорвал с клюквенного куста ягоду и отправил в рот.

— O tempora, o mores, — неожиданно для всех прошелестел сэр Генри.

— Каковы времена, таковы и нравы, — парировал Джим. — На чем, бишь, я остановился? Ах да! Я упомянул, что дядя не имел дурных наклонностей. Кроме, пожалуй, одной: он был заядлым коллекционером всякого космического мусора. И главной страстью дяди Пола являлись орбитальные корабли эпохи первобытного — посредством летательных аппаратов — освоения

космоса. Всю обширную территорию его загородного поместья загромождали гигантские кучи металлического лома — то, что сохранилось от этих самых кораблей. И хлам этот он приобретал за немалые деньги. У меня просто душа кровью обливалась, когда дядя с достойной маньяка гордостью демонстрировал мне свои «сокровища». Боги Метагалактики! Сколько профуканных миллионов, сколько несделанных ставок! Но я решил не отчаиваться. Наоборот, постарался во что бы то ни стало произвести на Пола Крестовского самое благоприятное впечатление. Я включил все свое обаяние: пытался как-то развлечь старика, выказывал интерес к его историческим разысканиям, и все такое. Даже восхищался ржавыми дядиными железяками... И вот, когда между нами установились по-настоящему родственные, доверительные отношения, Пол показал мне «жемчужину» своей долбаной коллекции. На заднем дворе его поместья в специальном ангаре хранился настоящий космический челнок в рабочем состоянии. Надо было видеть, с каким торжественно-глупым выражением лица дядя Пол сорвал со своего детища укрывавшее его полотнище! Как любовно оглядывал эту белоснежную, восьмидесятитонную махину,

напоминавшую со стороны разжиревшую пулярку. Он даже придумал кораблю имя... э-э... вот, черт! На языке вертится... Не то «Варан», не то «Братан»...

— «Буран», — подсказал Артур Мартынофф.

— Верно, «Буран», — согласился Джим-тоник и подозрительно прищурился: — Ты точно не коллекционер?

— Точнее не бывает. Но историей интересуюсь.

— Пусть так, верю.

— Ну, ну! — подстегнул его Артур. — Рассказывай дальше.

— Дальше, — зевнул Наследник. — Уж не знаю, вспомню ли — мозги совсем засохли.

— Папаша Спок! — крикнул писатель. — Принеси Джиму еще порцию джина и закусить. Остальным тоже повтори.

— Челнок этот, — продолжил Джим, размочив мозги, — в отличие от прочих дядиных экспонатов, не был раритетом. Его построили по специальному заказу Пола. Но с использованием подлинных чертежей тех времен, когда на подобных штуковинах и впрямь летали. Правда, только до орбиты и обратно. Дядя же велел своим конструкторам сделать так, чтобы его челнок смог выдержать и межпланетный перелет. Для

дядиного удовольствия мне пришлось наизусть зазубрить всю эту машинерию, так что слушайте и удивляйтесь. — Джим прикрыл глаза. — «Буран» был оснащен твердофазными ядерными двигателями. Сколько их было всего, не помню. Зато хорошо помню, что до практического применения этих двигателей человечество так и не дошло — с появлением УПС-порталов в них отпала всякая необходимость. Но стендовые испытания проводились. Это все мне Пол рассказал. Еще на челнок установили пару плазменных двигателей — резервных. Но эти могли пригодиться только в космосе.

— Поразительно! — воскликнул Мартынофф.

— Сам удивляюсь, — согласился Наследник Джимми. — Название корабля едва вспомнил, а казуистика эта до сих пор от зубов отлетает. Сюрпризы памяти! Только и это еще не все. Дядиной идеей фикс стал реальный межпланетный полет на «Буране», можете себе представить? Причем он жаждал осуществить полет самолично! Оказалось, он давно замыслил это дело и все хорошенько обмозговал. Пол решил слетать с Мегеры на Горгону, ближайшую к Мегере планету в системе. Полет, по его расчетам, должен был занять восемь с половиной мегерских месяцев.

То есть шесть юлианских. И эта бредовая мысль совершенно овладела его сознанием.

— Восемь с половиной, — уточнил писатель, — это туда и обратно?

— Только туда. Горгона достаточно обжитая планета, и обратно дядя Пол намеревался упспортироваться вместе с «Бураном» через грузовой портал. Пола Крестовского можно конечно считать одержимым и все такое, но безумцем он не был. Полет даже в один конец — предприятие весьма и весьма рисковое. Ведь человеческая цивилизация до Пола никогда не осуществляла пилотируемых межпланетных перелетов. Да и, насколько мне известно, никакая другая — тоже.

— Нет, — не согласился Артур Мартынофф, — девильские кракены успели неплохо освоить межпланетное пространство. К тому времени, как мандрагваздеры проложили к ним первый УПС-портал, они уже вовсю бороздили свою планетную систему.

— Пусть так, — отмахнулся рассказчик, — но кракены не гуманоиды. Я же имел в виду гуманоидные цивилизации. Ладно, продолжаю. Можете мне не верить, но поначалу я честно отговаривал дядю от этой опасной затеи. Дядюшка, говорил ему я, что ты творишь? У тебя дома УПС-портал,

на Горгоне тоже — зайди и выйди! А он: «Джим, родной мой, в этом вся соль. С тех пор как у разумных существ в Обитаемой Вселенной отпала необходимость решать задачи космического масштаба, наука стагнирует, наши цивилизации деградируют, а носители разума превращаются в пассивных гедонистов».

— Это точно, — вздохнула магичка Шварцлох, — нормальных мужиков почти не осталось.

— Пусть так, урезонивал его я, но что изменит твоя авантюра? «Буран» построен на основе первобытных космотехнологий десятивековой давности. Это ж огромный риск лететь на таком антикварiате! Но Пол, знай, гнул свое: «Как ты не понимаешь, племянник? Я *должен* совершить полет на Горгону именно на таком, как ты его называешь, антикварiате. Это, можно сказать, сюжетообразующий элемент! Я совершу то, что мы, люди, обязаны были сделать еще тысячу лет назад. Кроме того, своим полетом я подам пример, зажгу сердца...» Ну и прочее «бла-бла-бла» в том же духе. Короче, отговорить его я не сумел. И вот тогда — только тогда, подчеркиваю! — у меня зародилась мысль. Поначалу это была крохотная такая, считай, шутейная мыслишка. Но она росла, росла...

— И выросла в козла, — закончил за него цверг Альбрих.

— И превратилась в огромную всепоглощающую МЫСЛЬ, — не обращая внимания на реплику, продолжал Бедолага Джим. — Вот он, твой шанс, крутилось у меня в голове, не упусти его. Сама судьба дает его тебе в руки. Что за шанс, спросите вы, наверное?

— Разделаться с дядей и завладеть наследством, — мстительно разрушил интригу сэр Генри Питгон.

— Ну... пусть так, — вынужден был признать Джим. — А кто меня осудит, учитывая все обстоятельства?

— В Кукише точно никто, — заявил цвергский министр, насмешливо сморкаясь в бороду.

— Послушайте, — неожиданно обратился к нему Марты-нофф, — не могли бы вы прекратить постоянно сморкаться?

— Это еще почему? — вытаращил глаза Альбрих.

— Меня ваше сморкание отвлекает... и вообще.

— Да-а, — покачал головой цверг, — с культуркой у тебя слабовато. Только заявился, а уже хамишь. А туда же — писатель.

— Хор-рош собачиться! — прикрикнула Белоку-

рая Бестия чуть заплетающимся языком. — Вечно так — перепьются и давай... Пусть Джим-тоник рассказывает, дальше самое смешное.

— Кому смех, а кому грех, — вздохнул Джим и стукнул пустым бокалом. — Рассказывать, что ли?

Точно из-под земли вынырнул папаша Спок и вопросительно взглянул на Артура. Тот кивнул.

— На орбиту «Буран» должен был вывести двухступенчатый ракетный носитель, — подавляя икоту, продолжил Наследник Джим. — И снова сюрприз из прошлого: я до сих пор помню, что первая ступень имела кислород-керосиновые двигатели, а вторая — кислород-водородные. За каким чертом, спросите, я это запомнил? Сам не знаю. Но суть не в этом. Перед самым стартом один знающий человек (по чьему заданию, объяснять, полагаю, не надо?) как следует покопался в бортовой навигации. Короче, долететь до Горгоны у дяди Пола шансов не имелось. Он был обречен сгинуть в глубинах Вселенной. И шансов на спасение у него тоже не было, ведь к тому времени во всем Обозримом Космосе не осталось ни единого управляемого космического аппарата. Кроме дядиного, разумеется. Орбитальные спутники и все такое можно не считать. Покончив с

делами и дождавшись старта, я лег в анабиозную камеру, запрограммировав пробуждение через сто тридцать один год. Чтобы, значит, проснуться по-прежнему молодым, но уже богатым.

— Зачем же на такой долгий срок? — удивился Артур Мар-тынофф. — Неужто Пол Крестовский мог прожить в автономном полете сто тридцать с лишним лет?

— Сразу видно, что ты не знаком с гражданским законодательством Мегеры. Оно весьма строгое. А семейное и наследственное — в особенности. Так вот, если тело так и не обнаружено, официально умершим человека могут признать лишь по истечении ста тридцати лет. Причем не мегерских, а условных юлианских.

— Бред какой-то!

— Когда мой дедушка, будучи в отпуске, нырнул со скалы в море, да так и не вынырнул, моей бабушке пришлось ждать ровно сто тридцать лет, чтобы вторично выйти замуж. Разводить в отсутствие одной из сторон суд по закону не имел права, вот и пришлось дожидаться официального признания вдовой. Так-то! Но суть опять же не в этом.

Белокурая Бестия неожиданно зашлась смехом. Джим взглянул на нее с укором, но рассказа не

прервал:

— По прошествии ста тридцати одного года, отойдя от анабиоза, я с удовлетворением узнал, что с дядей Полом вышло даже удачнее, чем задумывалось изначально. Он, как и положено, сбился с курса, но не затерялся в глубинах Космоса, нет. Вылетев за пределы нашей планетной системы, «Буран» взял курс прямиком на Старую Вёльву...

— Старая Вёльва? — перебил Мартынофф. — Кажется, так называют черную дыру где-то на окраине Треугольника.

— Точно. Так вот, пока я спал, дядин челнок благополучно в неё затянуло. То бишь факт смерти налицо. Впрочем, мне все одно пришлось идти в суд с заявлением о признании Пола Крестовского официально погибшим. Но это была лишь пустая формальность! В мечтах я уже тратил дядины миллиарды... Как вдруг судьба вновь щелкнула меня по носу. Да что там — щелкнула! Показала мне задницу, вот как! В суде неожиданно выяснилось, что дядя Пол застраховал свою жизнь на кругленькую сумму. В результате причитающийся мне куш вырос почти в полтора раза.

— Что ж в том плохого? — не понял писатель.

— Вот, слушай. Когда я уже торжествовал по-

беду, в заседание явился следователь страховой компании. Эдакая гадкая, отвратительная рожа! Протокольная душонка! Крыса кабинетная! Чтоб ему... чтоб ему зачервиветь, кровососу!

Джим разом опрокинул в себя остатки спиртного. Отдышавшись, он продолжил:

— Так вот, явился следователь и предложил суду в режиме реального времени обозреть снимки, сделанные межгалактическим телескопом «Бубль» — тот как раз по касательной пересекал эргосферу Старой Вёльвы. А на этих треклятых снимках я и все прочие увидели дядин челнок. Да, да! «Буран» как ни в чем не бывало висел над самой Старой Вёльвой! И, похоже, не собирался в нее падать. Правда, выглядел он изрядно сплюснутым. Зато при должном увеличении можно было различить самого дядю Пола, приникшего к иллюминатору. О, это был гром среди ясного неба! Настоящая катастрофа! Разумеется, суд категорически отказался признать умершим лицо, которое совсем даже и не пропало. И которому едва ли не рукой можно помахать: «Привет, мистер Крестовский! Как вы там? Не скучаете?»

— Эффект гравитационного замедления времени? — догадался Артур.

— Именно! Уже потом адвокаты растолкова-

ли мне, что к чему: весь фокус, оказывается, в гравитационном поле дыры. Сила ее тяготения настолько чудовищна, что не выпускает наружу даже свет! Оттого-то с точки зрения внешнего наблюдателя все физические процессы падающего в дыру объекта идут все медленнее и медленнее. Пока вовсе не замрут. Иначе говоря, по мере приближения любого объекта к этому... как его дьявола?

— Горизонту событий, — подсказал писатель.

— Во-во, к горизонту событий черной дыры объект замедляется сильнее и сильнее. И в конце концов останавливается. На самом-то деле ничего подобного не происходит. Просто внешний наблюдатель никогда не сможет увидеть, как объект пересечет горизонт событий.

— Как же дело развивалось дальше? — поинтересовался Артур.

— Хреново развивалось. На родной планете я не нашел справедливости — всем известно, что в наших мегерских судах сидят одни маразматики-ортодоксы. Беда в том, что к мнению этих старых пердунов прислушиваются. И еще как! Куда бы я потом ни обращался, в какие бы двери ни стучал, везде и всюду получал отказ. Короче говоря, я потерпел неудачу во всех судебных инстанциях

Обитаемой Вселенной! А что удивительного? Проклятый следователь всякий раз совал судьям снимки «Бурана»: вот-де Пол Крестовский, и никуда он не пропал, местонахождение его нам известно, и все такое... Так я дошел аж до Президиума Высшего Межцивилизационного суда Справедливости на Асгарте. Но и Президиум отказал в удовлетворении моей жалобы. А его решение обжаловать просто некуда. Так-то! Я уже и к специалистам ходил, к ученым всяким. Ведь когда-нибудь, спрашиваю, «Буран» свалится в Старую Вёльву? Пускай, говорю, случится это нескоро, пускай *очень* нескоро — я готов подождать! Скажите только, сколько? Сто лет? Двести? Пятьсот?! Они в ответ: ждать придется *вечность*.

— Пойдем со мной, — предложила магичка Шварцлох, сочувственно потрепав Бедолагу Джима по голове, — и вечность покажется тебе мгновением.

Артуру ни с того ни сего стало бесконечно грустно. Даже тоскливо. И вовсе не от того, что его расстроили злоключения Джима. Скорее, напротив. Какая смелая, какая радужно-чистая мечта погибла, с горечью думал он. И все из-за глупой жадности ничтожного интергалактического хлюста. Ему захотелось немедленно напиться.

— Что же теперь? — спросил он.

— Что теперь? — с усмешкой переспросил Джим. — Теперь я сижу здесь, в Кукише. Коротаю вечность.

— У всего есть конец, — философски изрек министр в изгнании, — когда-нибудь и вечность кончится.

— Надежды — сны бодрствующих, — едва слышно прошелестел клюквенный куст.

Владимир ЛЕБЕДЕВ

КУДА ИСЧЕЗ ПАВЛИНИЙ ТРОН?

Необычная история Павлиньего трона, вывезенного Надир-шахом из Индии и ставшего символом иранской монархии, впервые меня заинтересовала, когда я прочел о нем в книге французского ювелира и путешественника Жана-Батиста Тавернье «Шесть путешествий», вышедшей в 1676 году в Париже. Он первый из европейцев увидел и был поражен сверкающим самоцветами шедевром индийских мастеров.

Затем я познакомился с результатами поисков Павлиньего трона бельгийского коммерсанта мсье де Баке, отыскавшего документы о погибшем судне «Гроувенор», перевозившем драгоценности, награбленные англичанами в Индии, в том числе и Павлиний трон.

И, наконец, мне посчастливилось посетить сокровищницу иранских шахов в Тегеране, где среди удивительных ювелирных изделий высился... Павлиний трон. Правда, непонятно, каким он был по счету — ведь (по приказу шахов) их было изготовлено целых семь штук.

Создание шедевра

Павлиний трон, олицетворяющий собой величие и богатство Моголов, был изготовлен для могольского императора Джахан-шаха в 1629 году. Во все концы Индии шах разослал глашатаев на верблюдах и лошадях. Они призывали лучших художников явиться во дворец для выполнения работы, требующей величайшего мастерства.

Перед явившимися художниками шах Джахан высыпал груды драгоценных камней и предложил создать трон с верхушкой, неотличимой от настоящего павлиньего хвоста.

Мастера приступили к тонкой ювелирной работе. Они подбирали по тонам и оттенкам сапфиры и изумруды, обрамляя их отборным жемчугом и алмазами. Иногда у художников возникали споры: какими самоцветами украшать подлокотники, спинку и ножки трона. После жарких дебатов умельцы приходили к заключению, что ценность Павлиньего трона должна заключаться не в стоимости камней, а в их художественном подборе.

По окончании работы во дворце шаха был устроен пир, а также торжественное шествие по столице. На белого слона водрузили сверка-

ющий Павлиний трон, на котором восседал сам шах Джахан. Впереди слона шли трубачи и барабанщики, а за ними на породистых лошадях, в высоких седлах ехали празднично наряженные вассальные раджи и султаны. При виде такого шествия народ падал ниц и поднимал руки к небу, как бы прося у богов благоденствия императору и его воинству.

Свидетельство очевидца

По описаниям европейцев, Павлиний трон был шедевром ювелирного искусства.

В 1676 году в Париже вышла книга «Шесть путешествий, совершенных Ж.-Б. Тавернье в Турцию, Персию и Индию», в которой французский ювелир Жан-Батист Тавернье делится с читателями впечатлениями о своих поездках, в частности о посещении в индийской столице Агре шахского дворца Аурангзеба. Тавернье с восхищением рассказывает о сказочной роскоши падишаха Индии, которую он лицезрел: дворец был переполнен алмазами, золотом, изумрудами, рубинами, сапфирами и жемчугами. Ауранзеб ел только из золотых тарелок, украшенных алмазами и другими драгоценными камнями; пил из хрустальной посуды с крышками из золота, на

которых сверкали самоцветы.

Шах милостиво разрешил Тавернье осмотреть драгоценности двора. Одни из них, по Тавернье, находились в особых ящичках, другие украшали Павлиний трон, третьи искрились на балдахине (навесе над троном). На нем было 108 кабошонов благородной шпинели, 160 изумрудов, много алмазов. На балдахине висел необычной формы алмаз от 80 до 90 каратов, окруженный рубинами и изумрудами. Он находился на стороне, обращенной к присутствующим в зале. Под сводом балдахина находился павлин, тело которого было сделано из золота и украшено эмалью и жемчугами. На груди птицы красовался большой рубин с нитками жемчуга. Хвост павлина был сделан из голубых сапфиров и драгоценных камней.

Павлиний трон — настоящее произведение искусства. По предположению Тавернье, он оценивался в 107 тысяч рупий (160,5 миллиона франков).

Главнейшие драгоценности Тавернье описал и взвесил. Так, помимо алмаза в 80–90 каратов, он отметил: большой алмаз «Великий Могол», большой алмаз грушевидной формы, розовый камень, жемчуга, рубины.

Если верить могольским живописцам, у трона,

вопреки описанию Тавернье, спинки не было. Ею служила подушка (мутак). Павлины же из драгоценных камней, судя по миниатюрам, оставленным художниками, украшали только балдахин.

Похищение

При разграблении Дели Надир-шах вывез в Иран не только Павлиний трон, но и драгоценный диван с павлиньей атрибутикой. Видевший трон в Персии безымянный агент сообщал Кадушкину, русскому консулу в Исфахане, что при виде такого сказочного богатства было отчего сойти с ума: сам Павлиний трон весил чуть менее двух тонн чистого золота. Одних только оправленных в золото рубинов, изумрудов и бриллиантов вывезли на двадцати одном верблюде более пяти тонн, мелких алмазов — до полутонны, а жемчуг и вовсе не стали считать.

Приключения трона

Персидский правитель лишился павлиньих трона и дивана во время боев с курдами, которые, по всей видимости, разобрали трон на части и распродали их.

По другой версии, представители британской Ост-Индской компании вывезли его на Цейлон, а оттуда на «Гроувеноре» собирались переправить в Великобританию.

В дальнейшем персидские шахи не раз пытались воссоздать Павлиний трон в резиденции шаха Пехлеви — Гулистанском дворце в Тегеране. Наиболее роскошный был изготовлен в 1812 году по заказу Фатха Али-шаха и назывался «Трон Солнца».

Крушение на рифах

«Гроувенор» вышел из цейлонской гавани Коломбо в середине июня 1782 года и взял курс на мыс Доброй Надежды, расположенный на самом юге Африки. На судне, кроме команды, находилось около 150 пассажиров. Это были крупные чиновники и офицеры колониальных войск, возвращавшиеся вместе с семьями на родину после службы в Индии.

Плавание проходило спокойно больше полутора месяцев, но 4 августа начался жестокий шторм. В открытом море крепкому судну он был не очень страшен, а, по расчетам капитана, до африканского побережья оставалось не менее ста миль. Но вдруг послышался яростный рокот при-

боя, и перед самым носом фрегата в водовороте на мгновение показались подводные рифы. Прежде чем прозвучала команда о повороте, раздался оглушительный треск корпуса выброшенного на скалы судна. Гигантские валы ломали мачты и срывали паруса, увлекали за собой людей и выбрасывали их на чужой берег.

После катастрофы

Всего уцелело лишь 135 человек. Но, к сожалению, в африканских лесах выжили единицы. Люди попытались добраться пешком до какого-нибудь поселения белых людей — без пищи, без одежды, без оружия. Тех, кто был не в силах идти дальше, оставляли. До голландского форта почти через полгода добрели лишь четверо совершенно обессилевших, потерявших человеческий облик матросов — единственные оставшиеся в живых.

Узнав о гибели «Гроувенора», британское правительство немедленно отправило к месту затонувшего драгоценного груза спасательную экспедицию из четырехсот человек. Но уже некому было помогать. У берега обнаружили лишь кое-какие обломки судна, обрывки одежды, пару пустых ящиков и дюжину разбросанных монет. Люди погибли, а груз ушел ко дну вместе с фрега-

том, сброшенным волнами с коварных рифов.

Открытие мсье де Баке

Мсье де Баке, брюссельский банкир, внимательно рассматривал старинную гравюру. На ней было изображено тонущее судно, под которым виднелась надпись — «Гроувенор» 1782.

Рядом на широком столе лежали документы, которые агенты де Баке приобрели за бесценок у родственников недавно скончавшегося морского капитана Коксона: карандашный набросок залива с точными данными о местоположении погибшего судна и подробное описание его груза.

В описи перечислялись десять ящиков с алмазами и другими драгоценными камнями, 1450 слитков серебра, 720 слитков золота, огромное количество золотых монет и слоновой кости. Но главное, указывалось, что в трюме «Гроувенора» было нечто такое, «что должно ошеломить всю Англию». Так писал в Лондон незадолго до выхода в свой последний рейс капитан Коксон, командир фрегата «Гроувенор», самого быстроходного грузового парусника, принадлежавшего Ост-Индской компании.

Тайна трюмов «Гроувенора»

В трюме утонувшего судна по-прежнему покоились ящики с золотом, драгоценными камнями, а также легендарный Павлиний трон, доставки которого тщетно ожидал британский двор.

«Два павлина с распущенными хвостами, сделанные из чистого золота, украшают спинку трона, на котором некогда восседали правители Индии. Золотые ножки трона отделаны жемчугом и драгоценными камнями огромных размеров и ослепительной красоты. Двенадцать колонн поддерживают балдахин, золотая ткань которого сплошь унизана великолепными драгоценностями», — так описал этот трон в своих записках французский ювелир.

Весть о затонувших сокровищах очень скоро привлекла внимание кладоискателей и разного рода авантюристов. Через пять лет после катастрофы в бухту, получившую официальное название «залив Гроувенора», расположенную на восточноафриканском побережье в провинции Наталь, в двухстах милях от порта Дурбан, пожаловали первые искатели подводных кладов. Они ничего не нашли и вынуждены были уехать с пустыми руками.

Кладоискатели

Еще через 18 лет на месте гибели фрегата появились два шотландца. Им, на удивление, сопутствовала удача: они увезли с собой две тысячи золотых монет.

Успех шотландцев привлек внимание чиновников Британского адмиралтейства, и в 1842 году оно наконец снова занялось спасением клада. Десять месяцев опытнейшие малайские ныряльщики под руководством профессионалов-водолазов пытались подобраться к корпусу затонувшего судна, который к тому времени уже успел уйти под толстый слой песка. Операция закончилась неудачей и ее пришлось прекратить.

В 1905 году несколько коммерсантов основали в Йоханнесбурге — крупном промышленном центре Южной Африки — «Синдикат по розыскам «Гроувенора», акции которого сразу же стали пользоваться популярностью. Появившиеся к тому времени технические средства давали пайщикам надежду, что синдикату повезет больше, чем его предшественникам. Специалисты при помощи землечерпалки прорыли желоб, чтобы по нему вытащить на сушу затонувший корпус судна. Но организаторы операции не учли того,

что морские волны постоянно наносят в желоб все новые горы песка. К сожалению, синдикат постигла неудача.

Вскоре после окончания Первой мировой войны в Йоханнесбурге была сделана еще одна попытка. На этот раз с берега прорыли тоннель, позволивший подобраться к судну снизу. Проходчики уже собирались применить специальный бур, чтобы вскрыть корабельный борт из прочного тикового дерева и проникнуть внутрь судна, как вдруг все работы пришлось прекратить. Дело в том, что банки отказали в дальнейшем кредите и не соглашались ни на какие уступки.

В 1935 году созданный в Голландии консорциум решил осуществить новый современный проект: отгородить залив Гроувенора дамбой от моря, а потом выкачать из него воду мощными насосами. В бухту сбросили крупные обломки горных пород, но возвести дамбу не удалось. Насосы не понадобились.

Проект бельгийца

Банкир мсье де Баке был хорошо осведомлен обо всех этих попытках. Он знал также, что злополучный фрегат по-прежнему лежит на том месте, где затонул больше двухсот лет тому назад,

а чтобы добраться до него, нужно «нырнуть» на глубину 13 метров, а затем преодолеть 27-метровый слой песка. И этот слой с каждым годом становится толще. Но и техника для подводных работ становится все современнее и лучше. Проект, разработанный по заданию бельгийского коммерсанта, предлагал прокладку к корпусу «Гроувенора» тоннеля и последующую очистку корпуса судна от покрывающего его песка при помощи самых мощных насосов.

На этом сведения о судьбе замысла мсье де Баке обрываются. Возможно, проект был успешно осуществлен в глубокой тайне и бельгийцу наконец улыбнулась удача. А возможно, в очередной схватке с морем человек снова проиграл и корпус «Гроувенора», набитый сокровищами, по-прежнему покоится на дне бухты, названной его именем.

Потерянные сокровища до сих пор будоражат исследователей и авантюристов, и можно сказать, что история Павлиньего трона в бухте Гроувенора на этом не заканчивается. Возможно, однажды, в один жаркий день удачливый водолаз нырнет в незнакомом месте, заметит странный блеск меж водорослей — и Павлиний трон вернется в мир, чтоб вновь радовать глаза

ценителей блеском драгоценных камней.

В тегеранской сокровищнице шахов

Я прошел за ворота сквозь строй охранников. Они тщательно проверили и документы и наличие оружия.

И вот уже я иду по холлу к стальным дверям, понимая, что наконец-то допущен в сокровищницу самого могущественного в стране банка — Центрального банка Исламской республики Иран.

За этими тяжелыми дверями собраны драгоценности, золото и бесценные произведения искусства за двадцать с лишним веков правления шахов, халифов, султанов и даже шахиншахов.

Шахиншах Мухаммед, сын знаменитого Реза-шах Пехлеви, отдал повеление в 1960-е годы построить специально оборудованное помещение под землей, можно сказать, огромный подземный сейф, в здании Центрального банка.

Причем взять отсюда что-либо даже правитель страны может лишь по распоряжению парламента, утвержденному советом банка (жаль, что не было никогда такого постановления в советской и нынешней России, которое помешало бы нашим вождям разбазаривать национальные сокровища).

Когда последний шахиншах Мухаммед захотел сделать для своей жены, императрицы Фарах, легкую корону для приемов и заказал ее парижским ювелирам, он не смог вывести за рубеж ни одного драгоценного камня — не разрешил совет банка.

Корону пришлось изготавливать в Тегеране приезжим мастерам...

Последняя процедура перед стальными дверями: служащий в черном официальном костюме вручает специально отпечатанные «Правила посещения сокровищ Короны», где указывается, что запрещено проносить оружие, фотоаппараты и даже курить.

Все эти правила мы строго соблюдали, тем более что разрешение на фотографирование нужно было оформить заранее, собрав для этого уйму подписей.

Наконец двери раздвигаются — и передо мной распахивается черный большой зал, мерцающий, как южное ночное небо.

Это в витринах переливаются подсвеченные драгоценные камни...

Сразу оговорюсь: все обычно употребляемые для обозначения несметных богатств слова не в состоянии передать и сотой доли магического

очарования этого собрания редкостей.

Можно было до бесконечности любоваться эгретами — украшениями на шахских головных уборах; поясами с гигантскими пряжками; одеждой — женской и мужской; кальянами, мечами и кинжалами; блюдами и подносами; шкатулками, переполненными перстнями; ожерельями, брошами и серьгами...

А теперь вообразите, что все эти изделия — только из золота и платины и усыпаны тысячами алмазов и изумрудов, рубинов и топазов!

Если воображение бессильно это представить, назову вес лишь одной короны династии Пехлеви: 2 килограмма 80 граммов. А алмазов, жемчужин и изумрудов на ней — 3380. Впечатляет, не правда ли?

Признаюсь, что когда столько вокруг мерцающих драгоценностей и тебя долго водят вдоль витрин, называя ошеломляющие цифры стоимости всех этих шахских корон и одежд, то восприятие притупляется и ты уже перестаешь восторгаться всем этим великолепием.

Поэтому меня обрадовало, когда мы перешли к «штучным» экспонатам, имеющим свои истории и легенды.

Однажды Насер-Эд-Дин-шах увлекся изучением

географии и заказал своему ювелиру изготовить глобус, но не простой, а из золота, где параллели и меридианы, моря и материки были бы сделаны из драгоценных камней.

И вот перед моими глазами — необычно яркий шар. На него затрачено 75 фунтов золота и 51 366 драгоценных камней.

Меридианы и экватор обозначены бриллиантами, континенты — рубинами, а моря и океаны — изумрудами. Все так сверкает, что даже глазам больно. Но мастер больше обращал внимание на искусство отделки, чем на географию, поэтому удивлять гостей этим чудом шах мог, но пользоваться глобусом по назначению было затруднительно.

Много бесценных вещей связано с именем легендарного Надир-шаха.

Вот его сабля, с которой он совершил поход в Индию. Ее называют «покорительницей мира» или «завоевавшей мир».

Рядом — щит из шкуры носорога. И то и другое после возвращения правителя из Индии было украшено камнями и эмалью.

У трона шахиншаха

История знаменитого трона Надир-шаха напоминает детектив. Об этом мне рассказал хранитель сокровищ Езатолла Малеки.

Наконец он подводит меня к сияющему драгоценными камнями трону.

— Видите, трон хорош, его иногда называют «Трон павлина», но, увы, все подлинные троны Надир-шаха исчезли сразу же после его смерти. Трон павлина был самым его любимым. По окончании индийского похода он приказал даже изготовить его копию. Трон, который вы видите, был сделан по заказу тщеславного Фатх-Али-шаха, любившего пускать пыль в глаза иностранным послам. Он был назван «Троном Солнца».

Этот трон, отделкой напоминающий расцветку павлиньего хвоста, был инкрустирован двадцатью семью тысячами драгоценных камней. На нем, к сожалению, восседал не прославленный Надир-шах, а его менее знаменитый преемник.

— А вот известный во всем мире алмаз «Дария-инур», — Малеки подводит меня к другой витрине. — Когда-то им владел Великий Могол Мухаммед-шах. Но его разбил в битве Надир-шах, он и взял эту драгоценность как добычу.

После убийства Надир-шаха алмаз достался по наследству Шахроху, и так переходил от одного правителя к другому, пока не оказался в руках Ага-Мухаммед-хана — основателя династии Каджаров.

Малеки продолжает повествовать о необычных приключениях драгоценных камней, а я вглядываюсь в розовые переливы алмазов и думаю, сколько же крови впитали в себя эти камни, украшавшие некогда Павлиний трон.

ЗВЕЗДНЫЕ ВОИНЫ ШАМБАЛЫ

Перевал Будды

Шамбала — мистическая страна в Тибете. Впервые упомянута в буддийском тексте «Калачакра» (XI век), согласно которому Шамбала станет последней цитаделью в войне с полчищами варваров. Царем Шамбалы является Калки-раджа — десятое воплощение Вишну. Существует также предположение, что в Шамбале хранится весь генофонд человечества. Образ Шамбалы привлекал к себе различных теософов, в частности, Блаватскую, ученого Николая Рериха. Шамбала это состояние души, соединения человека с Богом. То есть найти Шамбалу означает достичь просветления.

В названии «Шамбала» не подразумевается конкретно какая-либо страна. Шамба или Чамба — одно из главных воплощений Будды, ла — перевал, иными словами — восхождение, совершенствование. Настолько высокое, что достигший его более не возвращается в круговорот рождений и смертей, не спускается в нижний мир.

Образы заповедной страны

Вот что писал художник Николай Рерих:

«...Как алмаз, сверкает свет на Башне Шамбалы. Он там — мудрец Ригден-Джапо, неутомимый, вечно бодрствующий на благо человечества. Его глаза никогда не закрываются. В своем магическом зеркале он видит все земные события. И могущество его мысли проникает в далекие земли. Для него не существует расстояния; он может в мгновение ока оказать помощь достойным. Его яркий свет может уничтожить любую тьму. Его неисчислимые богатства готовы для помощи всем нуждающимся, тем, кто отдал себя на служение во благо справедливости».

А есть представление о том, что легендарная Шамбала может оказаться базой космических пришельцев... В Тибете существует древняя легенда о камне Чинтамани, якобы привезенном на Землю из созвездия Орион. Крылатый конь Лунгга, способный пересекать Вселенную (не символ ли это космического корабля?), принес шкатулку с четырьмя священными предметами, среди которых был и Чинтамани.

Наибольшая часть камня со времени появления его на Земле сохраняется в Башне Шамбалы

— легендарной обители гималайских мудрецов — Махатм, но маленькие его кусочки доставляются иногда в определенные точки земного шара — то ли при наступлении новой эры, то ли когда в данном месте должен быть образован новый центр цивилизации. Эти кусочки какими-то энергиями связаны с камнем в Башне и могут передавать и получать информацию. В преданиях упоминаются реальные страны и исторические личности, якобы временно владевшие фрагментами камня.

Известный художник, археолог и этнограф, исследовавший неведомые районы Азии, Н. К. Рерих упоминает об этом камне. У него есть картина, которая так и называется — «Чинтамани». На ней изображен пони, нагруженный шкатулкой, окруженной сияющим ореолом. Охраняемый людьми пони шагает по глубокому ущелью, везя камень в Башню Шамбалы.

Устройство Шамбалы

Что же представляет собой Шамбала? По одному из описаний, эта страна имеет круглую форму, окружена горами с сияющими снежными вершинами, внешне очень похожа на цветок лотоса. На севере страны расположен дворец Правителя. Это

здание из девяти этажей, над золотой крышей которого развевается знамя. В центре возвышается золотой трон — отсюда им управляют мирами двадцать пять богов. Чистые источники питают пышную растительность.

Устройство Шамбалы напоминает индийскую социальную лестницу — касты. Шамбала — сердцевина «матрешки». Ее охраняют жрецы, вокруг которых плотным кольцом стоят воины. Следующая «скорлупа» — вайшья. И, наконец, шудры — миллионный индийский народ. Однако Индия не последний уровень защиты, дальше идет непробиваемая толща китайцев, потом Япония и множество восточных сект.

Путь в сказку

У многих народов мира — в Китае, Монголии, Индии, России, Европе — есть легенды о существовании загадочной страны в центре Азии. Называет эту страну каждый народ по-своему, и ее географическое расположение тоже не всегда совпадает. Изучение исторических памятников в странах, очень удаленных друг от друга, обнаруживает большое сходство рассказов и хроник, говорящих о существовании в определенном месте некоего центра и Мудрецов, которые в

продолжение долгих столетий развивали своеобразную культуру и науку под защитой снежных горных цепей Азии.

Существует несколько версий местонахождения этой таинственной страны. Есть духовная Шамбала, она внутри каждого. Также говорят, что она находится в духовном пространстве, как бы над землей, а точкой выхода на поверхность являются Тибет и Гималаи.

Предпринималось большое количество попыток отыскать следы Шамбалы, однако о положительном исходе поисков не объявляла ни одна из экспедиций. Впрочем, в древних документах весьма расплывчато говорится о пути в Шамбалу. По одной из версий, она находится в горной труднодоступной части Китая, на границе между провинциями Кхам и Большой Тибет, причем вход в эту обитель хорошо замаскирован с помощью древних магических приемов, последствия от которых очень напоминают фантастическое искривление Пространства-Времени.

Легенды о Долине Бессмертных

...Есть в горах прекрасная долина, защищенная от холодных ветров. Для того, кто вступает в эту долину, колесо смерти останавливается, он

достигает нирваны и становится бессмертным. Жители Долины Бессмертных мудры и прекрасны обликом. Они способны путешествовать по Вселенной и жить на самых отдаленных звездах. Владыка этой долины пристально следит за всем, что происходит в мире... Так гласит тибетская легенда.

Тебу — это самая удивительная в мире страна, затерянная в Тибете, — повествует даосское поверье. Заснеженные пики гор окружают чудесные долины с реками и водопадами. Обитатели этих долин достигли физического совершенства, обладают высокой мудростью и живут полной духовной жизнью.

Во многих тибетских манускриптах таинственная страна также называется Шамбала.

Не стоит, однако, относить эти сказания целиком к фольклорному эпосу, к поэтическому выражению извечной мечты всякого народа о мудрых правителях и совершенном государственном устройстве.

В 1960-х годах тибетские беженцы, спасавшиеся от преследований китайских властей, опубликовали в Индии несколько книг подревней тибетской религии. В одной из этих книг была приведена некая загадочная карта. Исследова-

тель Б. Кузнецов нашел к ней ключ. Оказалось, что на карте изображены страны глубокой древности — государство Элам, Страна саков, Бактрия, Вавилон, Иерусалим, Египет, а также побережье Каспийского моря. Кроме того, на карте обозначена страна Шамбала.

На репродукции одного тибетского панно изображен город Шамбала. Он расположен за двойным кольцом заснеженных гор, причем между кольцами изображены замки и строения в живописных рощах, а в самом центре помещен дворец правителя Шамбалы. Эта картина поразительно напоминает распустившийся лотос.

Время донесло до нас легенду о Хуанди, «сыне неба», который осуществлял в долине реки Хуанхэ цивилизаторскую миссию. В третьем тысячелетии до нашей эры, гласят древние памятники китайской письменности, Хуанди и его сподвижники, будто бы прилетевшие на Землю из созвездия Большой Медведицы, построили в горах Куньлунь дворец, откуда совершали экспедиции в долину Хуанхэ на удивительных само-движущихся колясках и делились знаниями с местными жителями.

Дворец в горах Куньлунь абсолютно недоступен для сторонних людей, а среди тибетцев до сих

пор бытует мнение, будто бы попасть в Шамбалу невероятно трудно.

Многие европейские путешественники приводили случаи, когда проводники из местного населения готовы были скорее пойти на смерть, чем вести экспедицию по намеченному маршруту, окажись хоть часть его на некой запретной территории. Если же безрассудный путник все-таки шел вперед, путь ему преграждала снежная лавина. Едва он одолеет препятствие, как произойдет оползень или камнепад. Если смельчак и тут не повернет назад, то впереди он обнаружит бездонную пропасть, которая заставит его отказаться от дальнейшего путешествия.

Легенды о Шамбале — это переплетение вполне земных, реальных представлений с фантастическими рассказами, всплывшими из глубин восточных мифологий. В Шамбале будто бы существует «лекарство правды», приняв которое человек очищает душу от лжи и впредь говорит только правду. Чувствуя приближение старости, жители Шамбалы пьют чудесный напиток из родника вечной юности и вновь становятся молодыми. Тибетская молва повествует об «орлиных камнях» Шамбалы, которые исправляют зрение, могут излучать тепло и холод, освещать

и ввергать окрестности в тьму.

Сказание о Шамбале, Беловодье, Белом острове, о таинственной земле, полной чудес, вот уже много веков живет и не умирает на просторах Азии. Оно привлекало неослабное внимание русских путешественников и ученых. Н. М. Пржевальский в одном из своих трудов писал: «Другой весьма интересный рассказ, слышанный нами... было предсказание о Шамбалыне... обетованной земле буддистов... Вышеназванная страна есть остров, лежащий где-то далеко на Северном море. В нем очень много золота, хлеб родится необыкновенной величины, бедных нет вовсе».

Крупный ученый и путешественник Н. К. Рерих во время своей центрально-азиатской экспедиции, собрал большой материал об этой таинственной стране. Тщательно проанализировав его, он пришел к выводу об общности легенд о Беловодье, Шамбале, Белом острове. Различные же названия страны, упоминаемой в сказаниях, свидетельствуют лишь о разнообразии и обширности регионов распространения этой легенды: Индия, Тибет, Алтай...

Такая широкая география легенды ставит ее в один ряд с преданием о потопе, реальность которого подтверждена археологическими ис-

следованиями.

Н. К. Рерих вскрыл в легенде о Шамбале один из ее древнейших источников, связанный с эпохой переселения народов. Ученого натолкнули на эту мысль многочисленные сказания о подземных ходах и пещерах, в которые якобы уходили и навсегда исчезали целые племена и народы.

Пока, к сожалению, удовлетворительной расшифровке не поддается ряд сведений, связанных с легендой о Шамбале, таких как данные о контакте Шамбалы с космическими цивилизациями.

Шамбалинская битва

В начале XI века в недоступной для обычных людей священной стране буддизма Шамбале был создан и написан на санскрите трактат» Шри Калачакра», именуемый еще «Краткой тантрой». Времени создания этого трактата предшествовало нашествие на Индию враждебных полчищ. В период военных бедствий общество всегда испытывает потребность в единении, люди стараются сплотиться вокруг общих идеалов, ищут силы для отражения врага.

Учение Калачакра, вобравшее многое из буддийских и индуистских учений, предложило новую основу для объединения народа, создав

прекрасную легенду о сказочной Шамбале.

Неслучайно в тексте «Краткой тантры» значительное место уделено Шамбалинской битве. В трактате рассказывается, что если в настоящем страна не может дать достойный отпор захватчикам, то в будущем она сделает это. В 2424 году (согласно тибетской хронологии) царь Шамбалы Раудра Калки со своим войском уничтожит силы зла, которые завладеют к тому времени всем миром, кроме Шамбалы. В Шамбалинской битве противниками индийских войск выступают варвары, аборигены окраинных земель, вообще иноземцы.

Поэтому во второй части «Краткой тантры» содержится описание военной техники и наставление по ее применению, причем все это представлено в виде стихов. Имеется также комментарий, разъясняющий особенности военной техники.

В отведенной для военной техники стихотворной подборке представлено более десяти типов механизмов для обороны и нападения — это «механизм метания камня», «водный аппарат», «воздушный аппарат», «механизм ножа», «громовая молния», «механизм железной стрелы», «механизм подземного меча», «механизмы для

уничтожения живой силы противника в бою вне укреплений», а также разные виды боевых колесниц, например «великой колесницы», которая в «битве необратима».

Вся эта могучая боевая техника могла применяться шамба-лийцами в многочисленных битвах.

Виманы — небесные корабли

Санскритские тексты полны упоминаний о том, как боги сражались в небе, используя воздушные аппараты — виманы, снабженные оружием таким же смертоносным, как и употребляемое в наши более просвещенные времена.

«...Когда наступило утро, Рама, взяв небесный корабль, приготовился взлететь. Тот корабль был большим и прекрасно украшенным, двухэтажным, с многими комнатами и окнами. Корабль издал мелодичный звук перед тем, как взмыть в заоблачные выси». Так описывается в древнем индийском эпосе «Рамаяна» старт бога-героя в небесном корабле.

Например, вот отрывок из Рамаяны, в котором читаем: «Эта прекрасная воздушная машина направляется куда угодно по воле человека... эта машина напоминает яркое облако в небе... и царь

[Рама] вошел в нее, и этот прекрасный корабль под командованием Рагхиры поднялся в верхние слои атмосферы».

Из «Махабхараты», древней индийской поэмы, известно, что некто по имени Асура Майа обладал виманом около шести метров в окружности, снабженным четырьмя сильными крыльями.

Железный Удар Молнии

В конфликтах боги решали свои разногласия, используя орудия, очевидно столь же смертоносные, как и те, которые мы можем применять. Кроме «ярких ракет», описывается использование и другого смертоносного оружия. «Дротиком Индры» оперируют при помощи круглого «рефлектора». При включении он дает луч света, который, будучи сфокусирован на любой цели, незамедлительно «пожирает ее своей силой». В одном конкретном случае, когда герой (Кришна), преследует своего врага (Шалву) в небе, его союзник (Саубха) сделал виман Шалвы невидимым. Не испугавшись, Кришна немедленно пускает в ход особое оружие: «Я быстро вложил стрелу, которая убивала, выискивая звук». И многие другие типы страшного оружия описаны вполне достоверно в «Махабхарате». «Гуркха, летя на

своем быстром и мощном вимане, бросил на три города единственный снаряд, заряженный всей силой Вселенной. Раскаленная колонна дыма и огня, яркая, как десять тысяч солнц, поднялась во всем своем великолепии. Это было неизвестное оружие, Железный Удар Молнии, гигантский посланец смерти».

Последствия эффекта этой Железной Молнии содержат зловеще узнаваемое кольцо. Очевидно, те, кто был убит ею, сожжены так, что их тела не были узнаваемы. Выжившие продержались немногим дольше, и их волосы и ногти выпали.

Как построить виман

В некоторых древних записях об этих якобы мифических виманах говорится, как их построить. Инструкции по-своему достаточно подробные. «Крепким и долговечным следует сделать корпус вимана, подобно огромной птице из легкого материала. Внутри надо поместить ртутный двигатель со своим железным нагревательным аппаратом под ним. При помощи силы, скрытой в ртути, которая приводит ведущий смерч в движение, человек может путешествовать по небу на большие расстояния. Движения вимана таковы, что он может вертикально подниматься,

вертикально снижаться и двигаться наклонно вперед и назад. С помощью этих машин человеческие существа могут подниматься в воздух и спускаться на землю».

Еще более фантастична информация, данная в древнем халдейском труде, который содержит более ста страниц технических деталей о постройке летающей машины. Он содержит слова, которые переводятся как «графитовый стержень», «медные катушки», «кристаллический индикатор», «вибрирующие сферы», «стабильные уголковые конструкции».

Секреты гравитации

Индийский царь Ашока учредил «тайное общество девяти неизвестных людей» — великих индийских ученых, которые должны были обобщить многие науки. Ашока держал их работу в секрете, опасаясь, что сведения передовой науки, собранные этими людьми из древних индийских источников, могут быть использованы в преступных целях войны, против которой Ашока был настроен решительно. «Девять неизвестных» написали всего девять книг, предположительно каждый по одной. Одна из них называлась «Секреты гравитации». Эта книга, известная

историкам, рассказывала, главным образом, о контроле над тяготением.

Предположительно эта книга все еще находится в секретной библиотеке Индии или Тибета. Ашока был также осведомлен об опустошительных войнах с использованием другого «футуристического оружия», которые разрушили древнеиндийское царство Рамы.

Всего лишь несколько лет назад китайцы обнаружили некоторые санскритские документы в Лхасе (Тибет) и послали их для перевода в университет Чандригарх. Доктор Руф Рейна из этого университета заявила, что эти документы содержат инструкции по постройке межзвездных космических кораблей! Их способ передвижения, сказала она, был «антигравитационным» и базировался на «центробежной силе, достаточной, чтобы преодолеть все гравитационное притяжение».

Доктор Рейна сказала, что на борту этих машин, которые назывались «Астра», древние индийцы могли послать отряд людей на любую планету. Древние манускрипты также говорят об открытии секрета «антимы», или шапки-невидимки, и «гаримы», позволяющей стать тяжелым как свинец. Индийские ученые стали относиться к этим

текстам более положительно, когда китайцы объявили, что использовали некоторые из них для изучения в рамках космической программы! Это один из первых примеров попыток предпринять практическое исследование антигравитации.

Полеты на виманах

В древних рукописях не говорится определенно, предпринимался ли когда-либо межпланетный перелет, но упоминается, среди прочего, планируемый полет на Луну, хотя и неясно, был ли этот полет на самом деле осуществлен. Так или иначе, один из великих индийских эпосов, «Рамаяна», содержит очень подробный рассказ о путешествии на Луну и описывает в деталях сражение на Луне с «ашвин» (или атлантским) кораблем. Это всего лишь малая часть свидетельств использования индийцами антигравитации и аэрокосмической технологии.

Эпос описывает виман как двухпалубный круглый летательный аппарат с отверстиями и куполом, что весьма похоже на летающую тарелку, который летел «со скоростью ветра» и издавал «мелодичный звук». Древние индийцы, создавшие эти корабли, написали целые полетные руководства по управлению различными

типами виманов.

«Самара Сутрадхара» представляет собой научный трактат, рассматривающий воздушные путешествия на виманах. Он содержит 230 глав, рассказывающих об их конструкции, взлете, перелете на тысячи километров, нормальной и экстренной посадке и даже о возможных столкновениях с птицами. В 1875 году в одном из храмов Индии была обнаружена «Вайманика шастра», текст IV века до н. э., написанный Бхарадваджи Мудрым, использовавшим в качестве источников еще более древние тексты. Он включал информацию о вождении виманов, предостережения насчет длительных полетов, сведения о защите воздушных судов от ураганов и молнии и руководство по переключению двигателя на «солнечную энергию» с источника свободной энергии. «Вайманика шастра» содержит восемь глав, снабженных диаграммами, и описывает летательные аппараты, включая аппараты, которые не могли загореться или разбиться. Она также упоминает тридцать одну основную часть этих аппаратов и шестнадцать используемых при их изготовлении материалов, поглощающих свет и тепло.

Этот документ переведен на английский язык

Дж. Р. Джосаером и опубликован в индийском городе Майсоре в 1979 году. Мистер Джосаер является директором Международной академии санскритских исследований, находящейся в Майсоре. Похоже, что виманы несомненно переводились в движение каким-то родом антигравитации. Они взлетали вертикально и могли зависать в воздухе подобно современным вертолетам или дирижаблям. Виманы содержались в «вимана гриха», разновидности ангара, и иногда говорится, что они приводились в движение желтовато-белой жидкостью, а иногда — некоторым родом ртутной смеси, хотя кажется, что авторы не уверены в этом вопросе. «Желтовато-белая жидкость» напоминает бензин, и возможно, виманы использовали различные источники движения, включая двигатели внутреннего сгорания и даже реактивные двигатели.

Виды летательных аппаратов

Согласно «Рамаяне», один из виманов описывается как имеющий вид сферы и несущийся с большой скоростью могучим ветром, создаваемым ртутью. Он двигался подобно НЛО, поднимаясь, опускаясь, уходя назад и вперед, как желал того пилот. В другом индийском источ-

нике, Самаре, виманы описаны как «железные машины, хорошо собранные и гладкие, с зарядом ртути, которая вырывалась из задней его части в форме ревущего пламени». Другая работа описывает, как аппараты были устроены. Возможно, ртуть имела какое-то отношение к движению или, что более возможно, к системе управления. Любопытно, что российские ученые открыли то, что они назвали «древними инструментами, используемыми при навигации космических аппаратов», в пещерах Туркестана и пустыни Гоби. Эти «устройства» являются полусферическими объектами из стекла или фарфора, оканчивающиеся конусом с каплей ртути внутри.

Если верить древним текстам, то у богов имелись по крайней мере четыре различных типа летательных аппаратов — «Рукма Вимана», «Сундара Вимана», «Трипура Вимана» и «Шакуна Вимана». Первые два имели коническую обтекаемую форму, были трехъярусными. Движители располагались в основании. «Трипура Вимана» — корабль покрупнее, многоцелевой. Аппарат предоставлял возможность использовать его как для воздушных, так и для подводных путешествий. Материалами для виманов — согласно рукописи «Виманик Прака-ранам» — служили

три вида металлов: «сомака», «саундалика», «мауртхвика», а также сплавы, которые могли выдерживать очень высокие температуры.

Целая глава этого труда, рассказал доктор Нарин Шетх, посвящена описанию уникального прибора Тухагарбхадарш янтра, который устанавливался на летательном аппарате. С его помощью можно было с высоты определять местонахождение укрытых под землей предметов. По мнению некоторых экспертов, речь идет о радаре, способном реагировать на замаскированные средства ПВО противника. Прибор состоял из двенадцати блоков. Их детали содержали своего рода полупроводники Чамбак мани — сплавы, которые были источником шакти — силы. В данном случае, по мнению Нарина Шетха, речь идет об «источнике мощного излучения», способном выявлять укрытые под землей предметы, посылая микроволновые сигналы и принимая их.

Нарину Шетху понадобилось три года, чтобы определить четырнадцать материалов, из которых, согласно формуле, состоит сплав Чамбак мани. Затем при содействии Индийского технологического института в Бомбее ученому удалось изготовить его. Сплав описан как «твердый материал черного цвета с магнетическими

свойствами, нерастворимый в кислоте». В нем, в частности, присутствуют кремний, натрий, железо и медь.

Тухагарбхадарш янтра — лишь один из тридцати двух приборов, которые, согласно описаниям, могли быть установлены на летательном аппарате. Другие, по нынешним понятиям, выполняли функции радара, фотоаппарата, прожектора.

Были там еще и некие зеркала с линзами для визуальных наблюдений. Так, одно из них, называемое «Зеркало Пинджулы», предназначалось для защиты глаз пилотов от ослепляющих «дьявольских лучей» противника.

Очевидно, древние индийцы летали на виманах по всей Азии и, вероятно, в Атлантиду, и даже, видимо, в Южную Америку.

В «Махавире Бхавабхути», тексте VIII века, собранном из более древних текстов и традиций, мы читаем: «Воздушная колесница доставляет многих людей в столицу Айодхьи. Небо полно огромных летательных машин, черных как ночь, но усеянных огнями желтоватого свечения». Веды описывают ви-маны различного вида и размеров.

К сожалению, виманы, подобно, большинству научных открытий, в конечном счете применя-

лись для военных целей. Атланты использовали свои летательные машины, вайликси, в попытке покорить мир, если верить индийским текстам.

Похожие на виманы, вайликси были обычно сигарообразными и могли маневрировать под водой так же, как в атмосфере и даже в космическом пространстве. Другие аппараты были в виде блюдец и, по всей видимости, также могли погружаться. Согласно Эклалу Куэшане, автору «Предельной границы», вайликси, как он пишет в статье 1966 года, впервые были разработаны в Атлантиде 20000 лет назад, и наиболее распространенными являлись «блюдцеобразные и обычно трапецеидальные в сечении, с тремя полусферическими кожухами для двигателей внизу. Они использовали механическую антигравитационную установку, приводимую двигателями, развивающими мощность приблизительно в 80000 лошадиных сил».

«Рамаяна», «Махабхарата» и другие рукописи говорят о кровавой войне, которая имела место около 10 или 12 тысяч лет назад между Атлантидой и Рамой и велась с использованием оружия разрушения, которого не могли бы представить читатели вплоть до второй половины XX века.

Древние войны

Древняя «Махабхарата» продолжает описывать ужасную разрушительность этой войны: «...оружие было единственным снарядом, заряженным всей силой Вселенной. Раскаленная колонна дыма и пламени, яркая, как тысяча солнц, поднялась во всем своем великолепии. Тела были так сожжены, что стали неузнаваемыми. Волосы и ногти выпадали; посуда разбивалась без видимой причины, и птицы становились белыми... после нескольких часов все продукты были заражены... чтобы спастись от этого огня, солдаты бросались в потоки, чтобы отмыть себя и свое вооружение...» Может показаться, что «Махабхарата» описывает атомную войну! Упоминания, подобные этому, не единичны. Битвы с использованием фантастического набора оружия и воздушных судов обычны в эпических индийских книгах. Одна даже описывает сражение между виманами и вайликсами на Луне! А вышеприведенный отрывок очень точно рассказывает, как выглядит атомный взрыв и каково действие радиоактивности на население.

«Атомный удар» по Мохенджо-даро

На одном из островов реки Инд в 1922 году индийским археологом Р. Банарджи были обнаружены древние руины города, который назвали Мохенджо-даро, что в переводе означает «Холм мертвых».

Гипотезы археологов о причинах гибели города существовали разные, но конечный вывод был Один — катастрофа наступила внезапно. Может быть, произошло наводнение — город-то стоит на острове посреди полноводной реки. Но в руинах отсутствуют следы разгула водной стихии. Эпидемия? Но она не могла одновременно поразить всех жителей. Опровергают это и палеонтологические исследования: расположение скелетов свидетельствует о внезапной смерти. Версия о внезапном нападении завоевателей также не выдерживает критики: на обнаруженных костях нет следов, оставленных холодным оружием.

Когда город Мохенджо-даро был раскопан археологами, они обнаружили скелеты, просто лежащие на улицах, некоторые из них держали руки так, будто их захватила врасплох какая-то беда. Эти скелеты являются наиболее радиоактивными из когда-либо обнаруженных, наравне

с найденными в Хиросиме и Нагасаки. Древние города, чьи кирпичные и каменные стены буквально остекленели, сплавились вместе, можно найти не только в Индии.

Остеклению каменных крепостей и городов нет другого логичного объяснения, кроме атомного взрыва. Более того, в Мохенджо-даро, прекрасно спланированном городе, с водопроводом, превосходящим используемые в Пакистане и Индии сегодня, улицы были усыпаны «черными кусками стекла». Выяснилось, что эти круглые куски были глиняными горшками, расплавившимися от сильного нагрева! Анализ образцов в Римском университете показал, что оплавление произошло при температуре 1500 градусов. Погружением Атлантиды и уничтожением царства Рамы человечество предвосхитило атомный удар по Хиросиме.

Двигатели на ртути и сверхсплавы

Вадим Черноборов, инженер-конструктор аэрокосмических летательных аппаратов, координатор Общероссийского научно-исследовательского объединения «Космопоиск», считает, что «сведения о виманах дошли до нас в сильно искаженном виде. Писали не те, кто делал эти

устройства, не те, кто пользовался ими, даже не те, кто видел, а их технически неграмотные потомки, передававшие через поколения уже искаженную информацию. Многие термины с тех пор исчезли, некоторые слова поменяли смысл. И если из описаний вимана убрать внешнюю полусказочную мишуру про слонов и балдахины, то останутся конкретные технические характеристики.

Можно, конечно, спорить о том, как выглядели виманы. Но до нас дошло огромное количество наглядных подсказок. Ведь виманами называют не только управляемые летательные аппараты в индийских древних преданиях, но еще и ступы, главную часть храмов-святилищ. Тысячи таких виманов сохранились по настоящее время. Архитектурно они похожи на вертикально вытянутые диски, колокола или маковки наших церквей. Проекты перспективных аэрокосмических многоразовых летательных аппаратов подобного вида сейчас только разрабатываются. Но двигатели для них пока еще не готовы!

Кстати, к вопросу о двигателях: вполне вероятно, что древние виманы каким-то образом работали на ртути. Но необязательно отбрасывали ее пары. Существуют современные проекты,

например «ртутный реактивный двигатель с замкнутым циклом». Так что впереди нас могут ожидать новые открытия в отношении конструкций летательных аппаратов древней Индии.

В конце XX века специалист по санскриту Субраманьям Иер обнаружил старинные тексты с описанием технологий изготовления виманов и поделился открытием с видным индийским деятелем Прабху, который изучал тексты на пальмовых листьях и составил описания суперсплавов, из которых изготовлялись фюзеляжи виманов.

В 1992 году газета «Индия экспресс» сообщила, что на недавнем конгрессе Прабху рассказал об испытании сплавов, обладающих необычными свойствами, не только в Индии, но и в США, в университете города Сан-Хосе.

Это свинцовый сплав, поглощающий 85 процентов энергии, излучаемой лазером; сплав меди, свинца и цинка, не поддающийся коррозии; керамический материал, из которого можно получить кислотоупорное стекло, а также были расшифрованы еще 14 материалов, таких как стекло, нейтрализующее свет, и другие материалы. По словам Прабху, в древних текстах указываются районы месторождения первичных минералов и

методы их переработки.

Прабху подтвердил, что под его руководством предпринимаются попытки получения некоторых сплавов, из которых изготовлялись виманы. В подтверждение их замечательных свойств он приводил следующую цитату из «Махабхараты», описывающую подвиги героя индийского эпоса Аржуны, который на чудесном летательном аппарате поднялся на небеса: «Это была ужасная битва. Аржуна расстрелял город своим божественным оружием и разнес его на куски, которые упали на Землю».

В воздухе — «Марун Сахам»

Название этого вимана переводится, как «Друг ветров», но самое удивительное, что он поднялся в воздух в Бомбее в 1895 году. На глазах изумленной толпы он взлетел с побережья Кхомпати Бит вертикально вверх на высоту 450 метров и, вернувшись обратно, мягко приземлился.

Очевидцами этого чуда явились принц Сайялжира Гайквад, а также махараджа города Барод и другие важные особы.

Этот аппарат был создан доктором Тальпаде с помощью своих друзей инженеров. При его строительстве он консультировался с мудрецом

и знатоком древних текстов Анекалем Шастри в Бангалоре относительно изготовления двигательной установки, действующей на солнечной энергии и прокачке ртути. Шастри пишет в своей автобиографии: «Доктор Тальпаде записывал, а я цитировал тексты на санскрите. Эти встречи продолжались несколько недель. В результате доктор построил корпус вимана и установил в фюзеляж двигательную установку».

К сожалению, неизвестна дальнейшая судьба вимана. Доктор Кумара Канджилала, автор книги «Виманы Древней Индии», предполагает, что наследники продали чертежи и расчеты аппарата «Друг ветров» какой-то английской фирме.

INFO

(392)

2011

Главный редактор
Евгений КУЗЬМИН
Художник
Андрей СИМАНЧУК

Адрес редакции
127015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, офис 607
Телефон редакции (495) 685-47-06
E-mail real@iskatel.net
office@iskatel.net
info@iskatel.net
art@iskatel.net
Сайт www.iskatel.net
Телефоны для размещения рекламы
(495) 685-47-06, (495) 685-39-27
Служба распространения
(495) 685-59-01, (495) 685-66-87
E-mail mir_isk@orc.ru

Учредитель журнала

ООО «Книги «Искателя»
Издатель
ООО «Искательпресс»
© «Искательпресс»
ISSN 0130-66-34

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-35888 от 31 марта 2009 г.

Распространяется во всех регионах России,
на территории СНГ и в др. странах.

Подписано в печать 15.08.2011. Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Бумага газетная.
Усл. печ. л. 8,4. Лицензия № 06095. Заказ № К-6392.

Отпечатано в ГУП «ИПК «Чувашия»,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

ИСКАТЕЛЬ

.....

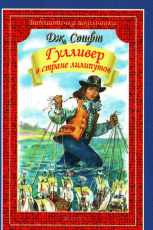
Сканирование

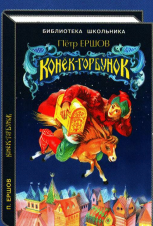
и обработка CRAZY_BOTAN
FB2 — mefysto, 2026

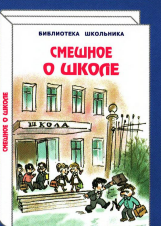
детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

НАШИ НОВИНКИ







Книги можно заказать в редакции или через сайт www.iskatel.net

ISBN 0130-6634